

АНАТОЛИЙ БАЛЬЧЕВ

«Пассажир»

из
Сан-Франциско

Анатолий Маркович Бальчев

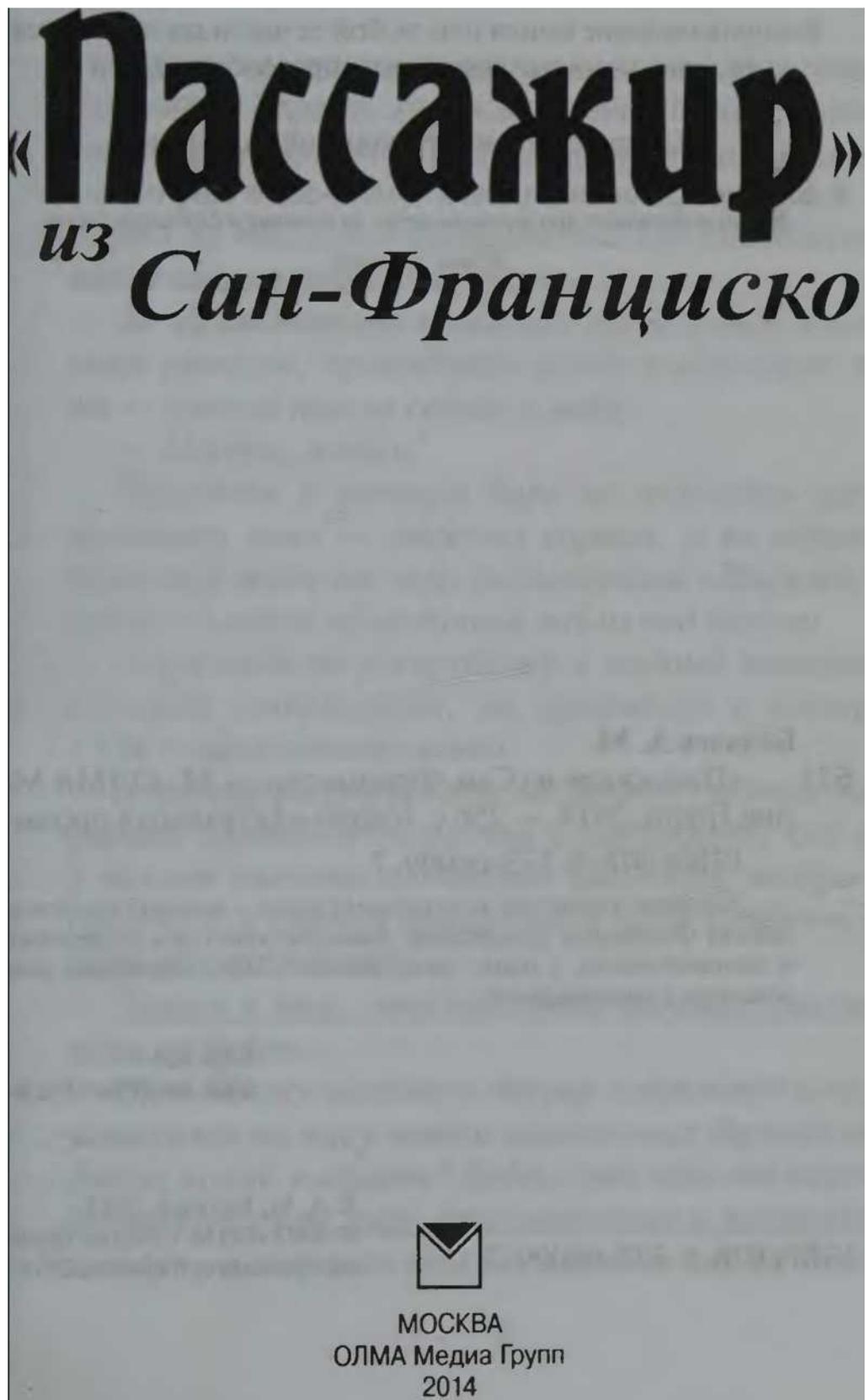
«Пассажир» из Сан-Франциско
(Актуальная проза)

Желание отомстить за погибшего сына — именно это чувство движет Филиппом Маковским, бывшим советским разведчиком и таможенником, а ныне гражданином США, затеявшим опасную игру с наркомафией.

Содержание

Бальчев Анатолий Маркович «Пассажир» из Сан-Франциско.....	0004
Пролог.....	0005
Глава первая.....	0010
Глава вторая.....	0030
Глава третья.....	0043
Глава четвертая.....	0050
Глава пятая.....	0068
Глава шестая.....	0093
Глава седьмая.....	0110
Глава восьмая.....	0115
Об авторе.....	0129

Бальчев Анатолий Маркович
«Пассажир» из Сан-Франциско

Пролог

Начало 80-х годов прошлого века

Этому, человеку в номере не слишком-то нравилось то, что он делает. Рыться в чужом белье — занятие совсем не из приятных. Несмотря на его свежесть.

Но что поделать?! Выбирать не приходится. Это плата за то, о чем большинство его соотечественников смеют только мечтать.

За возможность пройтись по холеным европейским улочкам, приподнять шляпу с широкими полями — именно такие сейчас в моде:

— Пардон, мадам!

Посидеть в уютном баре за стаканом густого холодного пива — дюжина сортов, а не обрыдшее, пахнущее черт-те чем, разбавленное «Жигулевское» среди скелетов обглоданной воблы под ногами.

Заскочить на распродажу в модный магазин или крупный супермаркет, по сравнению с которыми ГУМ — занюханное сельпо.

А потом рассказывать об этом в столице нашей родины друзьям и знакомым и наблюдать, как глаза у них от зависти начинают блестеть, ноздри раздуваться, а слюнки прямо-таки течь. Особенно у некоторых гражданок.

Только о том, что он сейчас задумал, рассказывать не будет.

Он потянул матовую дверцу платяного шкафа и уставился на пару почти одинаковых дорогих чемоданов: какой выбрать? Будто это что-то изменит. Остановился на том, что постарше и посолиднее, с вытертой по углам кожей, выволок его на свет божий — тяжелый, черт, и что они умудряются в них набивать? — бросил его на примятую кровать. Сияющие самоварным золотом замочки звонко цокнули распрямившимися пружинками, из-под откинутой крышки пахнуло сразу душистым мылом, шампунем, дезодорантом, туалетной водой, стиральным порошком — короче полным набором той специфической свежести, которой, удивительно, но факт, никогда не добьешься от мужского чемодана. Даже если не возить в нем ношеные носки и усердно взбрызгивать в целях профилактики дорогим парфюмом.

Он зачем-то взял из кучи вещей косметичку — ни на что более интимное рука не поднялась — и задумчиво бжикнул молнией.

Бжик — бжик.

Здесь еще очень важно не переусердствовать. Бжик...

А то в этом бедламе даже ищайка ничего не найдет.

Он вернул наместо косметичку, достал из кармана небольшую книжицу и сунул ее куда-то вглубь, между колготками и бюстгальтером. Ну, вот кажется и все. Он еще раз оглядел свое «художество» и зачем-то пригладил вещи рукой. Так штукатур выравнивает невидимые шероховатости на идеально ровной поверхности. Но и этого показалось ему мало.

Захлопнув крышку, он достал китайский брелок с миниатюрным напильничком для ногтей и несколько раз провел по отсвечивающему замку чемодана. На всякий случай. Пусть останется метка. Замок моментально утратил свой наносной лоск, покрывшись возникшими матовыми оспинками.

Баста! Теперь можно подумать о себе. Жаль, подходит к концу вся эта заграничная лафа.

За окном гостиничного номера маленькая, словно игрушечная площадь, по-

грузалась в сиреневые сумерки. Постепенно тускнели несмываемые обильными дождями колоритные краски и старинные двух-и трехэтажные домики подсвечивались изнутри лампадными огнями. Люди уже возвращались в собственное представление об уюте, кто откуда — с работы, из магазина, из ресторана, а кто из...

Пожалуй, надо спешить — в номер тоже скоро вернутся...

Северная Калифорния. 2004 год

Машина мчится по петляющей дороге. Мужчина, около пятидесяти лет, немного седоватый, в очках из последней коллекции «Ray Ban», уверенно ведет машину. Звучит приятная музыка, которая вдруг неожиданно прерывается. Раздается взволнованный голос диктора:

— Срочное сообщение из России. Сегодня утром на Северном Кавказе группа террористов захватила школу. В заложниках находятся около тысячи детей и их родителей.

По оперативным данным, поведение террористов явно дает понять, что они пребывают в наркотическом состоянии. Боевики выдвигают требования заранее невыполнимые и одновременно угрожают взорвать здание школы в случае...

Шереметьево-2. 1989 год

Она шла по залу, ощущая, что глаза всех присутствующих устремлены на нее.

Так и должно было быть.

Так и было задумано.

Это ее выход.

Она стремилась к нему всю свою жизнь — бесконечные, изнурительные до тошноты тренировки, диеты, отказ от сиюминутных радостей — все было посвящено одной цели. Стать лучшей из лучших, взлететь на пьедестал — именно взлететь, а не вскарабкаться, распахивая соперников локтями, как у нас это принято! — и не спускаться с него как можно дольше.

Под эту нескончаемую музыку — громкую, победную!

И чтоб на экранах, светящихся над толпой встречающих, крутили это вечное кино — момент ее триумфа! В десятый, в сотый, в тысячный раз!

Это не может надоесть, как и ее любимый голливудский фильм «В джазе только девушки». Она специально заказывает это «буржуйское» кино в культурную программу, когда вместе со сборной выезжает за рубеж. Все уже привыкли к этому и хохочут вместе с ней. А может, над тем, как хохочет она — заразительно, со слезой, с полной отдачей, так, как привыкла все делать, на все сто.

Цветы, цветы...

Не аэропорт, а клумба какая-то. Самолету приземлиться некуда!

Плакаты, плакаты...

У нас что, товарищи, 1 мая? Праздник весны и труда? Как хотите! Вам виднее!

Пусть всегда будет солнце!..

Я не возражаю. Я наоборот двумя руками «за». Вот только руки заняты. Не чемоданами, разумеется. Как вам только в голову такое могло прийти?! Ее носильщиком готов стать любой...

Толпа скандирует ее имя. Прямо какая-то Красная площадь, а не зал приле-

тов и отлетов. Не слишком ли много чести?! А то вдруг неправильно истолкуют?! Намекнут, кому следует. У нее сейчас, ой, сколько завистников! А тут еще такая шумиха...

И где-то там, в толпе, единственный человек, который ей по-настоящему дорог...

Никакой не мужчина! Не родился такой еще! Хотя... А, там видно будет!

Наташка это, ее маленькая сестренка. Вика с трудом отыскала девочку глазами — вот она, умудрилась затеряться даже в первых рядах. Худющая, рыжие пряди выбиваются из наспех заплетенных косичек, на зубах пластинки для исправления прикуса. Прижимает к груди огромный разваливающийся букет и подпрыгивает от нетерпения. Сейчас, сейчас, моя ненаглядная, осталось только перешагнуть через таможду...

— Душенька, все-таки я прошу тебя отказать этому нахальному лягушатнику...

Весь полет Баринов доставал ее. Не давал покоя в воздухе, не собирался, как видно, униматься и на земле.

— Ну, как отказать?! — продолжала подзуживать Вика своего надоевшего ухажера.

— В самой резкой форме. Или тактично. По телефону, телеграммой... Не важно!

— Как это у тебя все просто, — Вика наконец-то окинула ироничным взглядом своего спутника. — Отказать... и остаться в итоге у разбитого корыта? Такими кавалерами не бросаются...

— А с этим французишкой, — взорвался Баринов, — получишь презент в свое корыто... Париж, Картье, турне, контракты... Слыхали мы про это... И про любовь французскую слыхали...

— Можнобезпошл остей?! — резкоостановившись, оборвала его Вика. А про себя подумала: вообще-то в тираде Баринова все-таки есть рациональное зерно. И все вышесказанное не исключалось...

Кавалькада, следующая за ними по пятам, сбилась с шага, запуталась в поклаже, по инерции стала наезжать друг на друга, мгновенно превратившись в кучу-малу.

— Пардон! — попытался откреститься зарвавшийся «претендент» — Я вовсе не то имел в виду!

И тут же принялся разводить возникшую толчею.

— Знаю я, что ты имеешь в виду! — многозначительно бросила девушка.

— Да, я рыбка хоть и не золотая, но верная... На манер Иванушкиной щуки... — Баринов взял Вику за плечи, развернул к себе, заглянул в глаза, пытается найти в них хотя бы намек на возможное понимание.

Зря надеялся. Ничего похожего в них не было. Лишь только высокомерное снисхождение женщины, которая чувствует власть над отвергнутым любовником. Не слишком дипломатичная от рождения, Вика не заметила, как съехала на откровенную грубость.

Пытаясь окончательно смягчить ситуацию, она восстановила на лице деланную улыбку, которая к Баринову не имела ровным счетом никакого отношения, и даже погладила его по руке.

Тяжело грузенная свита, моментально разбившая за их спинами бивуак, с нескрываемым интересом поглядывала, как они тешатся. И Баринов, чтобы

не разжигать и без того буйную фантазию коллег, не отдернул, а по возможности мягко освободил руку.

— О, кей!

И уже абсолютно нейтральным голосом, как будто не его только что морально отхлестали наотмашь, спохватился, хлопнув себя по забывчивому лбу:

— Слушай, я, по-моему, декларацию куда-то подевал, вы идите, я догоню...

И растворился в толпе, осаждающей таможенню.

А она мгновенно забыла о нем. Он это прекрасно видел со стороны. Как будто его и не было. И ничего не было...

Все ее внимание было поглощено Наташей. Похоже — тьфу, тьфу, тьфу, не взглянуть бы! — очень скоро начнется у них другая жизнь — далеко отсюда... Месье Жаку сестренка понравится. Она и не может не понравиться. А своих детей Вика пока заводить не собирается — много еще на льду сделать надо...

Господи, что за мысли лезут в голову!

Девушка искренне рассмеялась.

Таможенники за стойками — совсем еще молодые мальчишки, один блондин, другой брюнет, на Жана смахивает, замерли в ожидании: кого она предпочтет?!

Вика, конечно же, предпочла темненького.

Он уставился на нее широко раскрытыми тревожными глазами, закашлялся, по-детски прихлопнув рот рукой:

— Извините... Откройте, пожалуйста, — таможенник указал на сумку.

— Доверяю это вам, — улыбочиво ответила Вика.

Таможенник смутился еще больше и сумку почему-то осматривать не стал.

— Валюта, золото и другие ценности, не занесенные в декларацию, у вас имеются? — поперхнулся он, задавая обязательные вопросы. Голос его сошел на нет.

Вике это льстило, и она поспешила ему на помощь. Немного кокетливо, немного надменно, эффектно распахнула норковую шубку и продемонстрировала медаль чемпионата на яркой ленте.

— Вот это золото в декларацию не вписано! Что делать, там насильно вручают, не взять нельзя.

Свита, как один, засмеялась шутке. Кто-то поставил на стойку Викины чемоданы, которые таможенник осмотрел откровенно поверхностно. Кроме, впрочем, одного — коричневого, ничем особенным от своих собратьев не отличавшегося. Чем уж так он ему не приглянулся?! Точнее, наоборот. Но именно на нем таможенник зациклился. Взгляд его стал цепким, он весь как-то подобрался, словно гончая, почуявшая добычу, еще раз откашлялся:

— Что у вас здесь? Тоже мне доверяете или сами откроете?

И голос неожиданно прорезался, а тон стал сухим, официальным...

Вика перемену почувствовала, разозлилась — нет, ничего общего с Жаном! — резко, рывком, раскрыла чемодан, предъявив на всеобщее обозрение ворох шелкового женского белья — пикантно розового и голубого, в кружевах и цветочках.

— Эти вещи принадлежат вам? — таможенник уже не сипел, перебирал предмет за предметом.

«Может, у него какой нездоровый интерес», — окончательно обозлилась Вика?!

— Вам, вам они принадлежат, — не стерпела она. — Вашей жене, подружке... Кто там у вас есть? Или вы воображаете, что я после ваших рук их наде- ну?

Раз! — и изящные прозрачные трусики полетели прямо ему в лицо. Публика не то чтобы охнула, предчувствуя скандал, а как бы глубоко выдохнула. Таможенник на какое-то мгновение окаменел, потом аккуратно снял трусики с кончика своего длинноватого восточного носа, положил на стойку. Не говоря ни слова, достал из распахнутой пасти чемодана журнал в яркой обложке. Повертел в руках, усмехнулся, прочитал название — «Playboy».

— Разрешено... — почти неслышно пробурчал про себя и потом уже в го- лос: — Тоже ваше?

Появление журнала стало для Вики неожиданностью. Пыл ее несколько охладел, белье перестало лететь во все стороны.

— Чушь какая-то... не помню... А что, нельзя?

Таможенник был невозмутим.

— Да нет, почему, можно, если нравится. И это ваше? — ловкие руки про- фессионально извлекли из-под груды вещей неприметную книжицу. «Библия, ветхий и новый завет, издательство им. Чехова, США».

— Так ваша? — настойчиво повторил таможенник.

— Вы же знаете, что у них в каждом номере Библия, на всех языках! — Вика сама услышала оправдывающиеся нотки в своем голосе. Мрак! Мракобесие! Но она-то здесь при чем? Книга попала к ней случайно...

Бариннов, прибежавший на выручку, как только запахло скандалом, отгес- нил Вику от стойки, намереваясь взять огонь на себя:

— Я, как представитель спорткомитета, заявляю...

Договорить он не успел. Из «Библии» на стойку веером посыпались сто дол- ларовые купюры...

Глава первая

2004 год

Пляж при гостинице Наташа не признавала. Когда нетерпеливый Тема начал канючить, мол, зачем куда-то ехать, море ведь одно и то же — Средиземное, она отвечала всплывшей из глубин детства поговоркой:

— Больше народу — меньше кислороду!

Поговорка Теме нравилась, слово кислород отдавало чем-то кислым, вроде фруктового мороженого. Он хохотал и приговаривал вприпрыжку:

— Меньше кислороду!..

И они отправлялись вдоль берега в поисках какой-нибудь затерявшейся — насколько это возможно — бухточки. Короче, с глаз долой. Время от времени Наташа корила себя за то, что выступает по отношению к сыну в роли узурпатора. Ясное дело, Теме больше хотелось повизжать со сверстниками, бухаясь в воду с этих отшлифованных многочисленными скользящими задницами верблюжьих горок, чем тащиться с ней на такси, скажем, на пляж Афродиты. Но ведь и он должен хоть капельку войти в ее положение. Она и так черт-те во что превратила служебную командировку, прихватив его с собой. Слава богу, что с начальством у нее отношения почти родственные и оно милостиво прикрыло на это глаза. Так может она уделить и себе капельку внимания, чуть-чуть расслабиться? В Москве это невозможно: ребенок, работа да еще Темин отец в покое никак не оставит...

Или это удел одиноких женщин — требовать даже с несовершеннолетних сыновей мужского понимания?

Хотя откуда ему взяться?! Благодаря ее непомерным запросам мальчик напроць обделен мужским вниманием. Даже плавать его научить некому! Но попытается, перебирает руками по дну и время от времени вопросительно поглядывает на нее: ты веришь, что я плыву?! И она оттопыривает палец на вытянутой руке. А самой плакать хочется. По-хорошему, надо бы пристроить его в бассейн. К инструктору. Сама-то она та еще пловчиха! Да только поблизости от их дома сплошные круглосуточные сауны, а возить куда-то — кто будет?

Как бы то ни было, а чехарде гостиничного конференц-зала она предпочитала пляж Афродиты, безбожно прогуливая семинары и доклады — ах, ах, ах! — первостепенной важности. Зато здесь, прикрыв глаза и бесстыдно подставляясь средиземноморскому солнцу, запросто можно было представить, как Великая богиня выходит на берег из пены морской...

К ее удивлению, пляж был сегодня, как никогда, безлюден. Только какой-то мужчина поодаль, у скалы, читал книгу.

Темка без спросу тут же сунулся в воду. Но она не стала семенить вдоль берега и докучать ему идиотскими наставлениями о правилах поведения на воде. Здесь мелко. Пусть барахтается себе у берега. Вот такая она продвинутая мамаша. И не собирается скрывать этого. Да и красный надувной круг сногшибательных размеров, за который плачено, чтобы вы не сомневались, восемьдесят евро, наверное, не зря называется спасательным. За такие-то деньги можно матери, наконец, прикрыть глаза и к собственному удивлению обнаружить, что она эта самая Афродита и есть. Тот господин на бульжнике не даст соврать! Он не меньше ее удивлен! Пялится во все глаза! Или это ей пригрезилось?! Или ее просто-напросто разморило на солнце?!

Она вдруг резко приподнялась, глаза, даже через прикрытые веки, замутненные солнечным розовым цветом, не сразу сориентировались в береговой обстановке. Тема барахтался в воде, пытаясь удержать круг, который явно намеревался отправиться в одиночное плавание.

— У., у... Мама!

Не так уж и далеко он был от берега. И море не штормило. Так, легкая влекущая за собой волна. Но ему хватило, чтобы нагнать страху и на себя и на нее. А все из-за этой девчачьей внутренней неуверенности.

— Мама!

У страха глаза велики. Она видела, что сын пытается ухватиться за круг. Знать бы, какая там глубина?! Даже если метр с кепкой...

Наташа вскочила на ноги и метнулась к воде.

— Тема! Тема!

Как будто ее крик поможет ему удержаться на плаву. Или поможет? Незнакомец ее опередил. В три гребка он доплыл до мальчика и отбуксировал его вместе со злосчастным, упирающимся, рвущимся в дальние дали, пропади он пропадом, спасательным кругом, к берегу.

— This is your mommy, boy...

Наташа кинулась к сыну, прижала его, укоряя себя: дура! Ну что, расслабилась?!

И еще: какое тривиальное знакомство! Ребенок в опасности, но тут, откуда ни возмись, он, герой-спаситель, который даже очень... Бр-р-р! Прямо как в кино! Аж зубы заломило... Это все для наивных девочек или откровенных искательниц курортных приключений. А она, увы, далеко не девочка, и уж точно не флиртовать сюда приехала.

А сама между тем распекала сына, который ничего не говорил, а только обхватил ее и в буквальном смысле набрал в рот воды.

— Ну, я же тебе сто раз говорила! Стоит только отвернуться!

А что говорила-то? И не отвернулась, заснула, как кулема! Или это она слегка играет на публику, прежде чем высказать — а как же иначе? — свою сердечную благодарность этому загорелому подтянутому... Кто он? Англичанин? Американец? Она не настолько знает язык, чтобы разбираться в произношениях, а здесь все шпарят по-английски, как делать нечего. Черт, вспомнить хотя бы парочку подходящих случаю фраз. Сейчас. Впопыхах все слова вылетели из головы. Вот. Пусть и не слишком оригинально:

— Thank you very much...

— Not at all. Anyway I stretched my legs...

Наташа не совсем поняла, что он сказал, но судя по интонации, явно что-то галантное.

Потом мужчина обратился к Теме:

— By the way, my friend, you risk... here — sharks are frequent visitors here...

— He don't speak English, — ответила за сына Наташа.

— German, French, Spanish... Russian?..

— Русский... Да, лучше русский. Слушайте, и вы тоже? — Наташа рассмеялась.

Надо же — единственный, кто кроме нее, забрел сегодня на пляж Афродиты, — тоже из России. Может, это знак, который посылает ей покровительница любви?

— Фил, — представился незнакомец.

— Наташа.

— Тема, — мальчишка смотрел на своего спасителя с нескрываемым восхищением. Тот улыбнулся.

А ты психолог, Фил, маскируясь под улыбкой, саркастически подумала Наташа и поинтересовалась:

— Фил... Филипп, а отчество?

Ни с того ни с сего в разговор старших влез Тема:

— Филипп Киркорович!

Наташа в знак солидарности улыбнулась, реагируя на неожиданный каламбур сына... Хотя этот певец ей никогда не нравился.

Тема совершенно расшалился и стал гримасничать, что это на него накатило?!

— Прекрати сейчас же, — строго сказала сыну Наташа. — Извините...

— Ничего страшного, — совершенно не обиделся Фил. — Приятно побеседовать с таким взрослым малышом.

А Теме перевел с английского произнесенную ранее фразу:

— На будущее, не заплывай далеко. Тут полно акул.

— Честно?! — глаза мальчика округлились больше от восторга, чем от страха. Он уже представлял, как будет заливать ребятам в во дворе, что еле отмахался от прожорливых акул, не рассчитав и заплыв на целую морскую милю в штормовой океан...

— Разве в Средиземном море акулы водятся? — спросила Наташа.

— Пятьдесят видов, — ответил он со знанием дела. — Даже одна из самых кровожадных — «белая».

— Вы что, океанолог?

— В некотором смысле. Плаваю, а иногда ложусь на грунт.

— Ух, ты! — раскручивал собственное воображение Тема.

А Наташа, вместо того чтобы испугаться и заахать, на раз этот засмеялась совершенно искренне, отрицательно покачала головой. И даже не сделала Теме замечание.

Солнце потихоньку садилось, Фил посмотрел на мальчика:

— Ой, как же он замерз!... Кстати, я знаю здесь неплохую таверну...

— Классно! — оживился Тема. Тут, на Кипре, он впервые попал в ресторан, и ему понравилось. Неожиданный спаситель уже успел стать для Темы героем, и сидеть с ним в ресторане, вести светскую беседу было бы верхом блаженства.

Наташа не нашла причин для отказа. В конце концов, это не поздний интимный ужин. Мало ли с кем ей приходилось сидеть за одним столиком? Вон и ребенок проголодался от всего пережитого. Обычно за стол на аркане не зятнешь. Может, и вправду стресс?

А что из того, если бы и на поздний ужин? Не обязательно интимный. Если уж на то пошло, она свободная женщина в командировке и вольна проводить время с понравившимся мужчиной, как ей заблагорассудится. Стоп. Он что, ей понравился?

Она еще раз оглядела Фила — высокий, мускулистый, ни капли лишнего жира, благородная седина немного проглядывала в гордо посаженной голове. Для курортного, скажем так, общения — то, что доктор прописал.

Фил выжидающе смотрел на нее.

— А почему нет? — неизвестно у кого спросила Наташа.

И с криком «ура!» на ходу вытираясь, Тема побежал одеваться. Таверна на Кипре — это должно быть нечто...

— Мистер, это ваше? — окликнул по-английски Фила мужчина, недавно появившийся на пляже и ищущий, где бы поудобней пристроиться.

Наташа тут же не упустила случая сравнить их. Этот был лысый, сухопарый, загорелый и мрачный. Вот с таким она бы в жизни никуда не пошла! Стоит над книгой, оставленной Филом на камне, и вроде как подгоняет:

— Не забудьте!

Впрочем, и Фил на вечернее рандеву пока ее не приглашал. Размечталась. Одни фантазии. А пошла бы?

— Да, спасибо.

Фил подошел к месту, где спокойно загорал несколько минут назад, легко нагнулся упругим телом, книгу сунул в пляжную сумку. Название было на английском, но Наташе удалось разобрать.

— Бунин? — почему-то удивилась она. Наверное, потому, что всю жизнь считала Бунина не пляжным чтивом.

— Да, — улыбнулся Фил. — Вот, любопытство разобрало, удалось ли кому-нибудь хороший английский перевод сделать. Фил, по-видимому, оседлал любимого конька. — Обожаю Бунина еще со школы. Откуда что берется? Помню, ребята от классики воротили нос как черт от ладана, в лучшем случае предпочитали Майн Рида...

Он резко умолк. Достал из сумки модные солнцезащитные очки. По-пижонски надел их... и спросил:

— Я не слишком утомителен? Не к месту, да?

Она, естественно, сказала «нет». В смысле, что ей очень интересно. А он как будто только этого и ждал. Лекция «Русская литература конца XIX — начала XX века», сдобренная фактами личной биографии лектора, набирала обороты. Все упоминались Тургенев, Достоевский, Толстой... А вот Бунин сразу покорила его необычной легкостью и прозрачностью стиля, и чем старше становится Фил, тем чаще обращается к творчеству любимого писателя.

— Есть в нем нечто такое...

Он вдохнул, словно пробуя на вкус морской воздух.

— Может, потому что он тоже эмигрант... Вернее, я тоже эмигрант...

— Ну и как? — несколько резче, чем рассчитывала, прервала его излишняя Наташа.

Да и Тему дядька как-то все больше разочаровывал.

— Что как? — почувствовав неладное, сбился с мысли Фил.

— Как перевод?

— Неплохо. Хотя, конечно, не то, что в оригинале. Я знаю семь языков и окончательно пришел к выводу, что книги надо читать на том языке, на котором они написаны, — вдохновился было по новой Фил, но Наташа нейтрализовала его очередной порыв.

— Вы знаете, такие полиглоты, как вы, встречаются все реже и реже... — задумчиво произнесла она в воздух, который он только что перетирал в пальцах.

Честно говоря, мимолетное упоминание о лингвистических познаниях но-

вого знакомого слегка задело ее. Сама она с грехом пополам могла объяснить-ся по-английски, и все. Тема, и тот скоро перегонит ее в знании языков. Немудрено! Столько денег на его обучение угрохала...

— Простите, что вы сказали? — уточнил у Наташи Фил.

— Мысли вслух, — сказала она.

А Тема расшифровал:

— Очень хочется есть!

— Да-да, — наконец сообразил он. — Очень глупо с моей стороны. Извините... А беседу продолжим за столом.

Он натянул джинсы, Наташа надела сарафан прямо на купальник, и они пошли с пляжа. Лысый, обосновавшийся аккурат на том месте, где раньше сидел Фил, посмотрел им вслед каким-то странным долгим взглядом.

Особого впечатления эта таверна на Тему не произвела.

Он ожидал от чего-то другого.

Чего-то пиратского, романтического, в стиле Джека Воробья.

Но уж никак не безупречных клетчатых скатертей, легких плетеных стульчиков, белых стен и особенно веселеньких цветочных горшков. Последние для таверны совсем были неуместны. Остатки какого-никакого пиратского привкуса сводили на нет. Уж лучше пальмы в кадках Чуть сглаживал разочарование огромный аквариум, где Тема сейчас выбирал рыбу, которую им предстояло съесть. Мальчику были по вкусу большие рыбины, особенно вон та, пятнистая. Но он где-то слышал, что если кто-то приглашает в ресторан, тот за всех и платит, и сомневался, хватит ли у Фила денег на такую огромную и головастую. А спросить было неудобно.

И еще один вопрос смущал его. Вроде как рыба ему понравилась, а он должен «приказать», чтобы ее зажарили... Ведь жалко как-то. Вот он и переминался с ноги на ногу битых пятнадцать минут, не теряя на всякий случай приглянувшуюся лупоглазую.

В его отсутствие Фил заказал взрослым белого вина, а Теме холодный свежавыжатый апельсиновый сок.

— У вас очень разборчивый мальчик, — намекнул Филу официант, повторно подошедший принять заказ.

И Наташа, сообразив, что дело не чисто, отправилась на помощь сыну. Они что-то долго выясняли у аквариума и, в конце концов, ни с чем вернулись на место.

— Ничего подходящего не выудили? — поинтересовался Фил, отвлеченно думая о чем-то своем.

— Просто глаза разбегаются, — пояснила Наташа. — Давайте что-нибудь на ваш вкус.

Фил внимательно посмотрел на Тему, улыбаясь, подозвал официанта и о чем-то посоветовался с ним. Тот рассмеялся, пожал плечами и удалился.

— Я сказал, что мы вегетарианцы, — объяснил Фил к всеобщему удовольствию. — Сейчас нам принесут нечто запеченное в горшочках.

Наташа поняла, что их с сыном раскусили, а Фил заработал в ее представлении еще один плюс.

— Как вы догадались, что он не захотел рыбы?

— Как правило... когда есть большой выбор, остановиться на чем-либо просто невозможно.

— Да уж... — сделав глоток вина, задумчиво согласилась Наташа.

Тема, хлебнув сок, со спокойной душой отправился рассматривать подводный мир дальше, а за столиком продолжилась беседа.

— Сейчас на Кипре много русских живет или отдыхает, — сказал Фил.

— А вы давно здесь живете?

— Я живу в Калифорнии...

Нельзя сказать, что она была крайне удивлена. Одна его улыбка «а-ля Голливуд» уже чего-то стоила!

Фил углубляться не стал. Только пробормотал что-то коротко по-английски насчет бизнеса, что Наташа точно не разобрала.

— А я тут по работе, — коротко объяснила она, — конференция.

— Конференция? Что-то слышал в отеле. Но я думал, такие женщины как вы не работают...

Если это был комплимент, то какой-то корявый и весьма двусмысленный. Наташа слегка оскорбилась.

— Это у вас не работают, а у нас...

— Простите, — Фил попытался накрыть ее руку своей, но она высвободилась.

Успев, правда, почувствовать тепло его большой загорелой ладони. И подумать: до чего же, черт, привлекателен! Сколько ему? Пожалуй, чуть за сорок, впрочем, может, немного больше. И от всего облика веет силой и свободой — то, что у наших, русских, встречается крайне редко. А может, просто мне такие не попадались... Или у меня настроение сейчас необычное? Почему-то вдруг захотелось быть легкодоступной?... Даже проснулась какая-то страсть...

Но тут не заставил себя ждать официант с подносом, и ей стало не до гаданий.

— Что это? — любопытствовала она, указывая на горшочек, в котором что-то невероятно аппетитно булькало.

— Особо приготовленная синагрида, — ответил Фил. — Местная рыба такая. Но мальчику об этом знать совершенно не обязательно.

— Тема! — позвала она сына, мысленно согласившись с американцем.

Мальчик и не заметил подвоха. Слупил все за милую душу. Даже, на всякий пожарный заглянул на дно опустевшего горшочка.

— Может, добавки? — спросил Фил. — Это мы мигом организуем. Решайся...

Тема вопросительно посмотрел на маму, словно уточняя: от пуза он наелся или нет? И вообще, как это, прилично?

Ему не хотелось ударить в грязь лицом перед Филом. Вышколенный официант, чрезвычайно довольный тем, что принял участие в заговоре, застыл на подхвате.

— Тебе решать, троглодит! — засмеялась всем довольная Наташа. — Ну, же! Не тяни резину!

Реально намечающуюся обжираловку прервал невесть откуда взявшийся фотограф с «Никоном». Залопотал что-то на местной тарабарщине.

— Предлагает сфотографироваться на десерт. Вы как? — перевел Фил.

— Мы двумя руками «за»! — согласилась Наташа.

А Тема уточнил, что он еще и «ногами».

Предполагаемая добавка, к показному неудовольствию официанта, моментально отошла на задний план. А потом еще дальше. И, наконец, вообще поте-

ряла свою актуальность. Их вниманием полностью завладел чародей фотоискусства. Он крутил их и так и сяк, пересаживал с места на место, уводил Тему отдельно сниматься на фоне аквариума и даже пытался умыкнуть его на натурную съемку к морю. Но тут все в один голос согласились, что это он загнул. И все равно, учитывая количество снимков, которые ему выплюнул аппарат, фотограф заработал очень недурно.

Официант мог бы в два счета выставить его за дверь, но он был родственником старшего повара. Так что все шло в семью.

Надо ли говорить, что вечером Наташа с Филом совершенно случайно встретились?

Она пораньше уложила Тему и вышла глотнуть свежего воздуха. Почему-то на балконе этот воздух ее не устраивал. И она даже догадывалась почему. Обманщица! Ну и пусть! Кому от этого хуже? Если и хуже, то ей самой.

Они гуляли вдоль моря, пили прохладное и удивительно вкусное местное вино в баре, слушали музыку, танцевали... Прямо на пляже, под луной. И никто не думал, откуда эта их музыка. Она образовалась из ничего, сама собой, заполнила весь пляж и закачалась на ночной волне, уплывая вдогонку за растворяющимися на невидимой линии горизонта огнями какого-то судна.

— А завтра я поведу вас... — начал Фил.

— Нет, Фил. Завтра я уезжаю. Самолет утром... — в голосе Наташи слышалась неприкрытая грусть.

— Жаль... — Фил долго молчал, только крепче прижал ее к себе в танце. — Наверно, я сейчас скажу банальность, но у меня такое чувство, что я вас давным-давно знаю...

— Как странно, — Наташа подняла на него глаза, улыбнулась, — у меня тоже. Психиатры называют это «дежа-вю». Нам с вами надо лечиться...

Фил скинул свою американскую улыбку.

— Эта болезнь неизлечима. Вернетесь домой к мужу, и все пройдет.

— Нет никакого мужа. Мы с Темой вдвоем. Только он и я.

— Простите, — сказал он, — но это здорово!

А Наташа только хмыкнула.

Танец они закончили в молчании, и с площадки вышли тоже молча... Молча, держась за руки, направились к отелю.

— Будем прощаться? — Наташа взглянула на него в смутной надежде, что он не отпустит ее руку, а попытается увлечь ее за собой. Это был тот несчастный случай, когда ей не хотелось заглядывать вперед даже на два хода. Будь что будет, она и так в цейтноте...

Но ход, сделанный Филом, не укладывался ни в какие рамки. Попросту говоря, не лез ни в одни ворота.

— Когда я уезжал из Союза, — вдруг вспомнил он, — то бросил в Москва-реку монетку, чтобы вернуться...

— А я вчера бросила в море целую горсть...

Он достал из кармана медальон — тяжелый, не очень элегантный, похоже, старинный, и протянул ей.

— Это очень редкая штука. Поверьте мне, с легендой. Если когда-нибудь встретимся — расскажу.

— Правда, расскажете? Значит, встретимся...

Наташа повертела в руках подарок, потом привстала на цыпочки, на мгню-

вение коснулась губами губ Фила и исчезла в вестибюле отеля.

— Значит, встретимся, — шептала она, глотая слезы, избегая по лестнице.

Кажется, похожий медальон она видела в затерянной лавке дешевых подделок под старину на окраине городка, куда они с Темой как-то забрели.

Самолет опоздал. С чартерными рейсами подобное часто случается. Пришлось провести в зале ожидания почти пять часов. Она вся извелась, а про Тему и говорить не приходится. Хорошо хоть в Шереметьево их пропустили быстро — спасибо Борис Семенычу, постарался. И машину прислал встретить — тоже приятно.

Тема прямо в машине и заснул, так что до квартиры пришлось тащить и его, и чемоданы. Правда, шофер помог, взял на себя часть ноши. Тема проснулся только на пороге, когда Наташа отомкнула дверь, от дикого грохота музыки, доносящейся из гостиной. Она охнула, кое-как примостила сползающего с табуретки мальчика в крохотной прихожей, а сама протиснулась выключать телевизор. В гостиной царил бардак — вперемежку с пустыми бутылками были разбросаны какие-то вещи, книги, кассеты. На столе — гора объедков и немойтой посуды, на диване кто-то спал.

Вернее, понятно кто. Непонятно, как это ему удавалось.

— Мама! — захныкал Тема из прихожей, испугавшись, по-видимому, внезапно навалившейся оглушительной тишины.

Она отложила разборки на потом — побежала его укладывать, мыть, переодевать, не забыв при этом поцеловать на ночь. Или на утро. Потому что, когда, в конце концов, добралась до гостиной, за окном уже светало. А когда она распахнула настежь балконную дверь, чтобы избавиться от этого застоявшегося запаха перегара и никотина, с улицы донеслось безмятежное чириканье птиц.

Даже птичка божия не знала ни заботы... ни...

Она подошла к спящему и сдернула плед, стала резко трясти его:

— Стас! А ну, вставай! Вставай, гад! Вставай, кому говорю!

Наконец лежавший открыл глаза, со стоном присел и даже попробовал изобразить радость на лице.

— Ой, Наташка... Ты уже приехала? А я тебя завтра ждал... Пстой, а какое сегодня число?

Стас еще явно не оклемался. Был он худ, мал ростом, с жидкой бородкой и претензией на некую интеллигентскую избранность, которая за семь лет жизни с Наташей так никак и не проявилась. Сейчас, глядя на его лихорадочно блестящие ввалившиеся глаза и всклокоченные волосы, она ничего, кроме отращения, не испытывала. И где были ее глаза?! Но сейчас это уже праздный вопрос.

— Ты что, уже совсем?!

Она долго подыскивала слово помягче, потому что в голове вертелся исключительно матерный лексикон. На нее это было даже не похоже.

— Опять свинарник развел?! Это называется «поживу тихонько»?!

— Ладно, Наташка, не кричи... Сейчас я все уберу, — затянул Стас свою извечную вольтку и даже сделал вид, что тянется к тарелкам на предмет их дальнейшего мытья. Но она-то прекрасно знала, что это обычная похмельная показуха, синдром неизгладимой вины перед ней и ребенком. В первую очередь, разумеется, перед ребенком. Вон, вспомнила она, Тема до сих пор не на-

учился плавать!

Наташа с силой оттолкнула его руку.

— Не надо! — она представила, что ей еще минимум полчаса придется дышать его перегаром.

— Убирать надо было раньше! А сейчас убирайся сам!

— Хорошо, хорошо, как скажешь... А где Темка?

— Спит Темка!... Неужели тебя это еще волнует?

Господи, он даже не обиделся! А принялся натягивать на себя какую-то линялую футболку, потом старый вытянутый свитер, приговаривая:

— Только не кричи. Сына разбудишь...

Лучше бы он этого не говорил. И хотя, глядя на вдрызг опустившегося Стаса, у Наташи сердце кровью обливалось, ее понесло.

— Ах, он о сыне забеспокоился! — голос Наташа все-таки понизила. Трудно кричать шепотом во весь голос, но ей это удивительным образом удалось. — А что ты для него сделал? Появляешься раз в год, наобещаешь, и с концами.

— У меня такой период...

Стас опустил голову, пытаясь завязать трясущимися руками шнурки на кроссовках. Те не слушались. Он плюнул и просто заправил их внутрь.

— Период — это когда месячные. А у тебя это хроника. Ты же бомж! Тебя из театра выперли, в кино тоже перестали снимать...

— Скоро все изменится, — встрял Стас. — Велешко новый сериал запускает...

— Ага, специально для тебя, — теперь в ее голосе явно слышалась нескрываемая издевка.

— Вот тогда я тебе все отдам. Кстати, сколько я тебе должен?

Он спросил, как можно пренебрежительнее. Вроде как о такой мелочовке и говорить нечего.

— Ты должен исчезнуть из моей жизни!

Она-то знала, что за душой у него нет ни гроша. И знала, что за этим последует.

— Как скажешь, — покорно согласился Стас. И она поймала его взгляд, заискивающий и просительный. — Можно мне какие-нибудь командировочные?

— Могу только дать отступные! — с горечью и безнадегой сказала Наташа и полезла в кошелек. — Вот, — протянула ему двадцати- и пяти долларовые купюры. — Будешь должен ровно сто.

И схватилась за голову:

— Вот дура я?!

— Наташка, да ты святая! — не согласился с ней враз повеселевший Стас. — Можно мне один телефонный звонок?

— Значит, так: я иду в ванную, прихожу — тебя уже нет!

Он потянулся к трубке, Наташа обреченно взглянула на него и вышла из комнаты.

— Алло, Марк-Антон? — зашептал Стас в трубку, опасливо оглядываясь на дверь. — А есть ли у Вас что-нибудь «интересненькое»?

— О-жи-да-ю... — послышался голос в трубке.

— Все-все-все, я выступаю...

Возвращаться в трудовые будни вовсе не хотелось. Конечно, на Кипре тоже была работа. С небольшой только разницей между свободным посещением международной конференции и обязательной ежедневной рутинной «от» и «до» на боевом посту.

Первым делом, конечно, надо отметить у начальства.

Наташа постучала в дверь кабинета Волкова, и, не дожидаясь приглашения, что уже навеивало определенные мысли у некоторых, открыла дверь.

— Можно?

В ответ она услышала распевное:

— Ко-неч-но...

Борис Семенович Волков, начальник отдела по борьбе с контрабандой одного из крупнейших московских аэропортов, встретил свою сотрудницу теплой улыбкой. Поднялся из-за стола, расцеловал в обе щеки, усадил в кресло, налил кофе из шумящей в углу кофеварки.

— Правда — не капучино, но чем богаты...

По всему было видно, что он действительно рад.

Отчет о командировке много времени не занял — с чего, вдруг?! — потом Наташа уже просто рассказывала о своих впечатлениях, показывала фотографии.

— Да, погуляли, — Волков неожиданно нахмурился, глядя на одну из фотографий. — А это кто? Личность, вроде, знакомая...

— А, это...

Наташа вдруг не к месту смутилась, что не ускользнуло от начальственного взгляда:

— Случайно познакомились... Фил Маковский... Наш, но живет в Америке...

— Наш, говоришь... — Волков взгляделся в фотографию еще внимательнее.

— Я его на конференции видела, в холле крутился, а потом он на море Темку из воды выудил. Когда его от берега отнесло...

— Вот и посылай вас на конференцию...

Какое-то время молодая женщина молчала, заново припоминая странное южное знакомство... правда, на курортный роман это не тянуло. Воспоминания были приятными, хотя и путанными, настораживающими. Здесь, в Москве, все это казалось баловством, к реальной жизни отношения не имеющим. Но если это был всего-навсего мираж, то какой смысл что-то утаивать? Обман зрения. И чувств. Она и сама об этом догадывалась. Ведь догадывалась же?

— Так странно ухаживал... Теперь уж и не пойму, на кого глаз положил: на меня или на таможеню...

Волков еще раз глянул на фотографию, потом, более пристально — на Наташу. Сказал тихо:

— Думаю, на то и на другое. Чем он занимается, говорил?

— Вроде бы торгует хоккеистами...

— А на самом деле?

— Непонятно. Вроде, грозился приехать...

— Вот тут-то мы его и под рентген. Ладно, иди работай.

Наташа встала, направились к двери, думая о чем-то своем.

— Постой, Темке-то как на Кипре, понравилось?

Наташа обернулась, снова подошла к столу, ища что-то в своей сумочке.

— Чуть не забыла... Он в полном восторге. Вот, подарок вам оттуда привез. — она достала из сумочки какой-то пузырек с корешком внутри. Этикетка оповещала о чем-то затейливыми китайскими иероглифами. Волков удивленно поднял брови.

— Что это?

Наташа улыбнулась.

— Женьшень. Корень жизни. Куда ни поедешь, а сувениры везде китайские...

Она вышла. Волков пробормотал:

— Корень жизни... — и долго сидел, задумавшись, вертя в руках странный флакончик. Он вспоминал прошлое, Маковского, Вику, тот трагический случай, который связал его с Наташей...

Начало 80-х прошлого века

Вся эта история обескуражила его. Он работал на таможне уже не первый год, всякого навидался, но чтоб такое...

Чтобы знаменитую спортсменку, чемпионку, вот так грубо, у всех на глазах, подставили на ровном месте...

Или не на ровном? Или есть что-то, что не его ума дело?!

Она шла тогда по залу красивая, гордая, уверенная в себе и в том, что ничего плохого с ней никогда не случится. Как она отличалась от той Вики, которая, облокотившись на край бортика катка, следила, чтобы ее младшая сестра выписывала на слегка подтаявшем от неумеренного февральского солнца льду замысловатые пируэты.

Эта Вика на чемпионку была совсем не похожа. А ведь времени прошло с гулькин нос! Но часто бывает иногда, и минуты хватает, чтобы надломить человека, пусть он и считал себя нестигаемым всю прожитую до этого жизнь. Волков встречал таких людей. Упорные, движущиеся к цели, сметая все на своем пути, они вдруг спотыкались о газонную штакетину. Ойкали, растерянно поглаживали ушибленную ногу и убеждали всех, а в первую очередь самих себя, что дальше идти не в состоянии. Не бог весть, какая — а если и какая?! — неудача их била из-за угла пыльным мешком, раз и навсегда вышибала почву из-под ног, давала зеленый свет чередующимся невезениям. Продолжение следовало незамедлительно.

Узнать, где она живет, труда не составляло. Волкова захлестнули неожиданно возникшие чувства — казалось, он знал ее очень хорошо. По фотографиям в газетах и журналах, телевизионным репортажам и интервью, и той мимолетной встрече в аэропорту (которая оказалась для нее роковой).

Первые дни возле ее подъезда яблоку негде было упасть. Беспардонные фанаты — а помешанных на фигурном катании хоть пруд пруди — ничего не знаящие о разразившемся скандале, оккупировали всю округу, усыпали ее цветами и мусором: обертками от шоколадок, хрустящей картошки, жевательной резинки и пивными бутылками. Дворничиха, сдавая тару, демонстративно проклинала тот день, когда Вика обосновалась на ее участке. Участковому все было до одного места. Ее жалобы отскакивали от его нагловатой рожи, как от стенки горох.

— Приобщайся к славе, — гоготал он, пытаясь похлопать ее по заду. Она не очень-то уворачивалась, все же, князек не князек, но какой-никакой начальник. — Общественный порядок не нарушают, а то, что мусорят, так ты за это

деньги получаешь. Свистни меня, когда они пиво распивают!

У тебя ж свисток есть. Или личная выгода важнее общественных интересов? Тогда и не жалуйся!

Вика выходила из дому редко, быстро садилась в машину и уезжала, ни на кого не обращая ни малейшего внимания. А так с поклонниками поступать нельзя. Их задор надо подогревать хотя бы видимостью признательности. Даже если тебе сейчас чересчур скверно, это никого не колышет. Это дело двадцатое. Пусть ты и стоишь на цыпочках по шейку, пардон, в дерьме. Все равно «живем-то не на облаке», а среди людей.

Все это Вика прекрасно понимала, но ничего поделать с собой сначала не могла. Потом уже и рада бы, да только где все? Ау! Эхо былой славы заплутало в трех соснах. Поклонники контингент вздорный. По большей части смекнувшие, что они больше нужны кумиру, чем он им. А если кто этого не понимает, то ему же хуже. Это как любовь — новая придет. Так что протирались, протирались вокруг и отправились на поиски нового идола.

Более совершенного.

Все это крутилось в затуманенной чувствами головушке Бориса Волкова на подступах к заветной сталинской семиэтажке. Честно говоря, он смутно представлял, кой черт его туда несет. И уже не впервой. Потоптаться на холоде и у собственного подъезда с таким же успехом можно.

Убедиться, что народ безвозвратно рассосался и поле деятельности относительно свободно? Вариант.

О том, чтобы попытаться вломиться в квартиру, номер которой он знал как дату собственного рождения, и речи быть не могло. Это заведомо поставить крест на всех своих благих намерениях. Благие намерения, опять же, высвечивались весьма и весьма смутно. Что они конкретно из себя представляют и как с ними быть дальше он, убей бог, ни сном, ни духом не ведал. Благие и все тут!

Волков решил караулить Вику у подъезда до победного конца. Сегодня у него был отгул, и он мог себе это позволить. Периодически включал двигатель, чтобы ногам было теплее. Ботиночки он надел совсем не по погоде. На улице хоть и весна, но до поры любви еще ой, как далеко.

Вика обнаружила себя часам к двенадцати, с младшей сестрой за руку. Они дошли до залитой все той же дворничихой хоккейной коробки, девочка наде- ла коньки, нагрузив сестру яркой спортивной сумкой со снятыми сапожками и дубленкой, легко, словно птичка, выпорхнула налед. Вика стояла неподвижно, засунув руки в карманы роскошной меховой шубы — той самой, которая была на ней в тот день на таможне. Даже шуба сейчас выглядела слегка полинявшей.

Волков выбрался из машины, оттягивая момент, неторопливо подошел к девушке.

— Извините...

Она повернула к нему бледное лицо. Ей удивительно шла эта бледность. Как, наверное, шел загар. Для него она красивей всех на свете, это Волков решил еще там, на таможне. Какой же надо быть сволочью, чтобы сотворить с ней такое.

А с другими можно? Волков прекрасно знал, что в их работе время от времени подобное практикуется. Просто раньше его никаким боком это не затра-

гивало. И он не давал ходу подобным мыслям.

Ну, шито, и шито белыми нитками. Какой дурак набухает полный чемодан долларов и с открытым забралом попрется с ним напропалую? Если у тебя хватило ума огрести такую кучу «зелени», пораскинь остатками мозгов, как их сподручнее доставить до места назначения.

Нет, здесь чистая подстава! А таможене, чего греха таить, в нужный момент кто-то дал отмашку. Фас, мальчики!

— Видите ли... Я был тогда на таможене...

Вика побледнела еще больше.

— На какой-такой таможене?

— Я видел, как ваш кейс подменили.

— Вы что-то перепутали, — Вика горько усмехнулась и отвернулась от Волкова, давая понять, что разговор окончен.

Волков предполагал, конечно, что разговор окажется нелегким, но не думал, что до такой степени.

— Я понимаю... Но мне эта история покоя не дает... Как заноза.

— Вы мне жалуетесь?... Тут за углом поликлиника, может, вам туда? — она взглянула на него коротко и презрительно.

— Наташа! Наташа! Пойдем домой! — Девочка, увлеченно пытающаяся освоить новый элемент, не отреагировала.

— Да послушайте... — Волков заторопился. — Я там работаю. В Шереметьево... Получается, я виноват перед вами...

— Виноват?..

— Все еще можно исправить. Я должен вам помочь.

— Наташа! — девочка наконец-то расслышала и подъехала к бордюру с явным сожалением. Сложный прыжок только-только начал получаться.

— Пойдем! — Вика потащила сестру, не успевшую еще переодеть коньки, в сторону дома.

— Вика! — Волков попытался ее задержать, взяв за руку. — Я правда вам помогу.

Вика резко вырвалась. Повернулась, и, трясась от гнева, отвесила Волкову звонкую пощечину.

— Передайте вашей таможене... Они мне уже помогли.

Всю следующую неделю Волков чувствовал себя прескверно. Сегодня тоже. Он подозревал, что будет прозябать в таком состоянии всю оставшуюся жизнь.

В «Архангельское» ехать не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Врет! Было непреодолимое желание заползти в свою потаенную нору и провести там все выходные, пылая бессильным гневом, сопливясь от сострадания к самому себе, упрекая, опять же самого себя за малодушие, и обдумывая дальнейшую непутевую жизнь, на которой впору ставить крест. Пусть Вика считает его трусом и подлецом, но он же на самом деле... Он еще всем докажет...

От этого внутреннего самопоедания он начинал себя еще больше жалеть, слезы пытались навернуться на глаза, но не выдавливались. Да что же он за гнида такая?!

А эта навязчивая идея с мистической спасительной норой преследует его с раннего детства. Он до сих пор отчетливо помнит себя, укрывшегося с головой в подвернутом конвертике одеяла. Это и есть единственное не обнаружен-

ное укрытие на Земле, по которой грузно вышагивает лохматый, сверкающий единственным глазом, великан. Маленький Волков его никогда не видел, но прекрасно чувствует, как проседает грунт — только что не сыплется — под его огромными ступнями. Наверно, он людоед. Точно, людоед. Потому что из всех жителей планеты только он, Бориска, один уцелел, в относительной безопасности и у него много шпрот...

В детстве Волков больше всего на свете любил шпроты. Больше, чем мороженое. Наверное, потому что шпроты он ел реже. По основным, не считая семейных, праздникам, которых на его памяти было три: Новый год, Первое мая и 7-е ноября. Праздники эти так и писались — два первых прописью, а третий — цифрой. А консервированные золотые рыбки ровными рядами, как колонны демонстрантов, движущиеся по Красной площади в черно-белом изображении телевизора, отсвечивали в жестянке, и распространяли по квартире фантастический запах моря.

В то время Волков был уверен, что море пахнет шпротами.

Еще он любил докторскую колбасу, но ее в его норке почему-то не было...

Стоп! Вдруг его резануло. А ведь там много чего не было. Много не уместилось в этой его спасительной норке. Например, разведенная и не вышедшая вновь замуж мама, чтобы не дай Бог он, ее ясный свет в окошке, не примерил на себя личину пасынка. Огромному запасу неизвестно откуда взявшихся шпрот, с которыми он собирался отсидеться, точнее, отлежаться до лучших времен, в его землянке нашлось место, а вот ей нет. Он даже не смог сказать, что с ней стало после того, как он сбежал из дома в Москву поступать в какой-либо вуз. Или он подспудно догадывался, что она серьезно болела? И как-то не особо переживал, когда ее не стало?!

Потому что все мы там будем, убеждал он себя. Но сакраментальная фраза Пуфы Пуфыча Гениального в адрес Мамочки, вынесенная из подросткового кинофильма «Республика ШКИД», всю дорогу преследовала его:

— **Гад ты, Костя Федотов...**

От самоличного «треугольника» — партком, профком, бюро ВЛКСМ — он довершил характеристику комсомольца Волкова:

— Ползучий...

Гад ты, Боря Волков...

...«Шестерка» таможенника остановилась на давно уже требующей ремонта щербатой автостоянке. В это время в «Архангельском» народу было мало. Собирались, как правило, ближе к вечеру и зависали на ночь. Тогда машины стояли здесь повсюду, не только на стоянке, прижавшись одна к одной, наплевав на запрещающие парковку гаишные знаки. Это было одно из немногих известных ему мест, которое не захлопывало перед носом посетителей двери к полуночи. То есть официально оно, конечно, закрывалось, но «свои» порой засиживались до утра, и никто их не разгонял. Ну, разве что кухня не работала. Но выпить всегда можно было из-под полы достать. Для работников «Шереметьева» это место было насиженным и еще по одной причине — близко от работы. Иногда после смены всей компанией заваливались сюда и... до следующей смены.

Волков вошел в здание. Всегда с утра угрюмый швейцар — а чего лыбиться-то?! — радости прибавлялось к вечеру, одновременно с чаевыми — посмотрел на него неодобрительно, в сомнениях, но пропустил. Почти пустой зал на-

поминал столовую пионерского лагеря в полдник. Только за несколькими накрытыми столами сосредоточенно жевали случайные посетители.

Все были уже в сборе.

Сатаров, Сергеев и Маковский сидели у окна, изучая меню, как будто надеялись увидеть в нем что-то новенькое.

В меню тут ничего новенького отродясь не появлялось. Но зато, договорившись с поваром или официантом, вполне можно было получить все что угодно по своему вкусу и по своему же рецепту.

А тот кто договариваться не умеет или не знает с кем и как, тот обреченно читает написанное карандашиком слово «нет» — даже напротив того, что вроде бы в меню напечатано жирным шрифтом на трофейной машинке марки «Олимпия».

Волков и, не заглядывая в эту Филькину грамоту, мог поспорить: нет самого вкусного. Например, черной икры. Хотя в не ахти каком по толщине глянцевого списке блюд она наверняка пропечатана дважды: икра зернистая, икра паюсная. Для них нет! Но этого простой карандашик не подчеркивал.

Зато он графитным грифелем запросто перечеркивал все успехи советского тралового флота. Ловят, ловят, потом рапортуют, опять ловят... Все познания Волкова в этом жизненно важном занятии ограничивались кадрами из киножурнала «Новости дня». Там скользкие, как кашалоты, в своих прорезиненных робах моряки вываливают сети с несметным количеством будущих рыбных деликатесов. Вот она, досрочная пятилетка!

По объявленным, из-за дефицита мяса, рыбным четвергам, все эти «Новости дня» выглядели уже не так впечатляюще, ограничившись поначалу презренной нататенией, которая из-за того же дефицита быстро стала в один недоступный ряд с большинством морепродуктов. Но народ свято помнил: четверг — «рыбный день». Несмотря на то, что хорошей рыбы в принципе было не сыскать.

Оставалось только глотать слюнки. Даже ощущения горечи не было. Привыкли. И что примечательно, находили в этом определенную прелесть. Отправляясь в ресторан, ты заведомо знаешь, чем тебя будут потчевать там. Как у мамы на кухне. Вкусно, но без изысков.

Если это «Пекин», то, скорее всего — в разумных финансовых рамках — это пельмени по-китайски. Не вдаваясь в рецепты кулинарного мастерства, они мало, чем отличались по вкусу от продающихся в ближайшем «Гастрономе» отечественных, но все опрысканное соевым соусом из замутненной полиэтиленовой бутылочки в «Пекине» — по-китайски. А если вас занесет в «Сайгон», то под тем же соусом блюдо будет иметь уже вьетнамский привкус...

Ну и так далее. Тут главное усвоить принцип.

На ум почему-то пришла исповедь пропивающего остатки интеллигентности в «Пивном зале» на Колхозной площади молодого человека в голубой майке без ничего, как он докатился до жизни такой. Оказалось, из лучших побуждений. За пару недолитых кружек пива (три четверти кружки занимала крыша из пены) и бутерброд — кусок костлявой, скверно очищенной селедки на крошащемся непропеченном сером хлебе, он сыпал подробностями. По всему было видно, что молодой человек выпивал не первый день подряд. Впрочем, он и не скрывал этого. И чем дольше это продолжалось, тем содержательнее становился рассказ. На момент появления в клоаке Волкова он выглядел сле-

дующим образом.

Премия оказалась как нельзя кстати. Любо-дорого побаловать молодую жену на сносях, мать своего будущего ребенка черной икрой. А почему нет? Держава у нас не только ядерная, но ко всему прочему еще и икорная.

Проверив наличность, не отходя от кассы, он решил, что уж с «Метрополем» никак не ошибется. Тем паче, время было детское, то есть рабочее. На входе он пытался изложить суть своего посещения метрдотелю, на что тот гостеприимно взмахнул рукой:

— Прошу за столик!

Дальнейшие переговоры велись уже с официантом.

— Сделаем, — вошел в положение тот. — Только придется подождать. И заказать что-нибудь для видимости.

Для блезира выпил — закусил, а взамен икры получил банку крабов.

— Извини, старичок, — сказал официант, — с икрой — швах. Попробуй счастья в «Минске». У меня там приятель в оркестре наяривает. Скажешь, от меня...

Будущий отец перешел проспект Маркса, движение по которому было еще в обе стороны, где после определенных мытарств его посадил в машину по пути четвертым сердобольный таксист.

А как вы хотели? Наступал час пик, а такси шло по десять копеек за километр.

В «Минске», опять же для блезира, ему всучили ананас...

А дальше по накатанной. По Тверской. Улице Горького то бишь.

В «Центральном» ему выдали батон сырокопченой колбасы.

В «Советской» — брикет замороженной севрюги...

— Что все это значит? — спросила наутро жена казенным голосом.

Он что-то пытался вякать по поводу икры и здоровья будущих поколений. Жена сочла это кощунством, но все же поинтересовалась:

— Ну и где же икра?

В извазюканном пакете было все — или почти все — кроме икры. А жизнь с тех пор дала сокрушительный крен. Была бы икра — пусть даже подсохшая паюсная — глядишь, все и стабилизировалось бы?...

...Сутулый официант, осанкой и шевелюрой напоминавший сфинкса, в нарушение какой бы то ни было ресторанной этики, вальяжно устроился за соседним столиком, закинув ногу на ногу, и созерцал, временами погружаясь в мгновенную дремоту после очередной разудалой ночи, сияющий за окном день.

Нельзя сказать, что он его особо радовал.

Волков подошел, поздоровался, жестом все же подозвал Сфинкса, который долго не реагировал на его призывные сигналы, всем своим видом показывая: а не пошел бы ты?!

Самое смешное — не сдвинься он с места, и скептически настроенный Волков, действительно, пошел бы. Ну, может, не конкретно по тому адресу, который имел в виду совершенно зарвавшийся и обнаглевший от ночных чаевых официант, но примерно в том направлении. Не жаловаться с пеной у рта администратору на нерасторопность обслуживающего персонала, а искать более сговорчивого халдея.

— Водки! Закуски не надо, А вот горячее, если не слишком холодное, мож-

но, — попытался пошутить Волков.

Сфинкс стоял, как стоял. Ему было не до шуток.

Зато уборщица, переворачивающая в дальнем углу стулья, пошла в наступление, вплотную приблизилась к столику, задела его мощным задом и энергично задвигала шваброй под стульями, заставив друзей поджать ноги.

Вдоволь налюбовавшись, как уборщица изгаляется над посетителями, Сфинкс наконец-то соизволил пройти в сторону кухни.

Начался отсчет времени.

Минут через десять, пока все дружно курили натошак, играя в молчанку, Волков первым сдался и сказал, ни к кому не обращаясь конкретно:

— Спорим, халдей появится в течение пяти минут?!

— На что? — тут же уставился на свой многостаночный «Ориент-колледж» пижон Маковский.

— На сто пятьдесят и огурчик, — ничем не рисковал Волков, потому что все равно был за рулем. Коллеги-приятели добирались из Шереметьева на такси, машину, естественно, отпустили, так что разъезжаться будут на нем. Хотя бы до ближайшей станции метро. Если будут транспортабельны.

Ждать стало интереснее.

Волков проспорил еще шестьсот граммов и четыре огурца, прежде чем возник официант, груженный подносом со всевозможными закусками.

— Просили же, закусок не приносить, — раздраженно заметил Волков.

Сфинкс продолжил составлять снесь на столик. В центр он царственным жестом водрузил запотевший холодный графинчик. И тот не полный.

— А вот это самое петушиное мясо в горшочке, оно как, съедобно? — Сатаров попытался сгладить назревающий конфликт.

— Не знаю, — надменно ответил официант. — Я здесь не ем.

— Это видно, — с каждой минутой настроение Волкова портилось все больше. Наглый Сфинкс действовал на нервы так, что хотелось немедленно вскопить и дать ему в морду. Но тогда он так и не узнает, зачем Фил созвал военный совет. В лучшем случае суток через пятнадцать. А то и наимоднейшая 206-я часть вторая светит...

— А все-таки что люди говорят? — Сатаров улыбнулся, не оставляя попыток втереться официанту в доверие.

— Я людей не слушаю, — Сфинкс смотрел сверху вниз, всем своим видом показывая, что слушать людей — пошлость, до которой он никогда не опустится. — А горячее ваше будет после обеда.

— После какого обеда? — тут даже дипломатичный Сатаров оторопел.

— Санитарный час, — пояснил официант особо непонятливым товарищам, уже повернувшись и гордо удаляясь от стола.

— Принеси хоть водки! — закричал ему в спину отчаявшийся Сатаров. — Явный же недолив!

— В дневное время — не более ста граммов на посетителя, — проинформировал Сфинкс, не подумав обернуться. — А насчет недолива — это к буфетчику. Я такую отраву не употребляю...

Вот они трудовые будни! Не лучшее время для того, чтобы оттягиваться в «Архангельском». Все должны стоять у станка, а не ханку трескать. Ну, разве что интурист забредет, вдосталь налюбовавшись вычурностью одноименной усадьбы. Так с их мерками сто граммов под русскую селедочку за глаза хва-

тит! Да и чаевые с гулькин нос, соответственно впечатлениям:

Только что тебе и «Веря, — как говорится, — гуд!»

Другой коленкор вечером! Вечером Кипа будет играть, богема понаедет, гульбарий начнется. Ресторан закроется, но «свои» останутся гулять до утра. Всякого Сфинкс тут понасмотрелся! Раньше, бывало, Высоцкий — царствие ему небесное — зааживал. С Мариной или еще с кем. Брежнева Галина не брезговала... Приезжал Ба-бек — миллионер с немецким паспортом, сын иранского коммуниста — вроде бы даже личного друга Сталина, успешно развивающий внешнеэкономическую деятельность СССР. Покупал и продавал он все — от носков до оружия, по-русски говорил не хуже профессора МГУ и был любимцем всей московской богемы — за свое обаяние и широту души. Высоцкий про него даже стишок сложил:

*Жил на свете человек
Со странным именем Бабек...*

За Бабеком, как правило, тянулся шлейф первых московских красавиц, среди которых обязательно была Софка-Тусовка, всеобщая подруга и просто хорошая девка. Кстати, и слово это — «тусовка» — родилось здесь, в «Архангельском».

Но никогда никто до положения риз не напивался, мордобоя не устраивали. Все чин-чином.

Вот и сейчас в уголке культурно отдыхал толстый, лоснящийся от самодовольства полковник с двумя девицами, одетыми в джинсы и кофтенки явно не из московских универмагов. Девицы все время поглядывали на компанию интересных молодых людей, но о полковнике забывать было не резон: то закусочки ему положат, то водочки нальют. Их сто граммов, кстати, не в пример были более объемные.

— Вот так, Тимур, — усмехнулся Сергеев, до этого молча изучавший не слишком свежую скатерть. — Все сикось-накось. Что в стране, что в семье, что на работе.

— А чем тебе с нами плохо работается? — удивился Сатаров.

— Шикарно... Только вот, например, в четверг фигуристку подставили, а так...

— А мы-то здесь при чем?! — искренне удивился Сатаров, налил стопку, потянулся за огурчиком. — Видать кому-то не дала...

— Дала... Не дала... — мечтательно протянул Сергеев. — Ты что, со свечкой стоял?... Красивая... Из Парижа...

— Дома надо сидеть, а не по Парижам шляться, — иронично улыбнулся Маковский.

Волков посмотрел на собеседников, понял — начнут подкалывать, и резко сменил тему:

— Ты зачем нас позвал? — ему не хотелось, чтобы предметом этого застолья оказалась Вика. — Почему вдруг сегодня?

Маковский огляделся заговорщицки, немного помялся и загадочно произнес:

— Отступаю я, ребята...

— Что значит, отступаю? — спросил Сатаров.

— Я, ребята, визу получил. В Америку.

Маковский разлил остатки водки и крикнул официанту: «Повтори»!

Над столом повисло такое гробовое молчание, что было слышно, как одна из девиц грузила полковника:

— Ну, ты же обещал, малыш...

— Чего? — первым опомнился Сатаров, — и никому ничего...

— Не хотел говорить... чтоб не сглазить.

— Теперь затаскают... Ты что, не понимаешь?!. Ты нас под монастырь подвел! Он отчалит, а мы здесь без работы с волчьими билетами... Да теперь полтаможни разгонят к чертовой матери!

Он резко отодвинулся на стуле, едва не наехав на подоспевшего с полновесным графином официанта.

— Миль пардон! — пролопотал он.

— Вали отсюда! — рявкнул Сатаров.

Тот безропотно испарился.

Инцидент с фигуристкой мигом потерял свою актуальность. Да и все остальное тоже. Все понимали, что если Сатаров и утрирует, то самую малость. Отъезд таможенника за границу — событие неслыханное. Это же вам не младший научный сотрудник из задрипанного НИИ! Многие втихаря муссировали эту тему, вспоминали близких и дальних родственников соответствующей национальности, фантазировали, как бы сварганить липовые документы или откровенно к кому-нибудь подъевреиться. Но чтобы с места в карьер...

— А что ты там будешь делать? — задал идиотский вопрос Сергеев.

— Лекции читать про нашу таможню, — с иронией сказал Филипп, разливая водку.

— Мне не наливай. Пей со своими американцами, — сказал Сатаров, отодвигая рюмку.

— Кошерную... — подколот Сергеев.

Возникла неловкая пауза...

— Ну ладно... — сказал, наконец, Маковский. — Нас здесь не поняли... Как и следовало ожидать...

Он посмотрел в сторону полковника и его спутниц, словно ожидая поддержки с их стороны, поднялся и вышел из зала.

— Уезжает, а на еврея вроде не похож, — продолжая тему, пробормотал Сергеев.

— Думаешь, одни жида уезжают? — саркастически ухмыльнулся Сатаров и потянулся за рюмкой. — Чего добру пропадать, раз уплачено. Тебе плеснуть?

По запальчивости он только сейчас заметил, что оказался вдвоем с Сергеевым — Волков под шумок улизнул и уже сидел в своей «шестерке», безбожно наяривая стартером в тщетных попытках раскочегарить заартачившийся движок. Конечно, Маковский тот еще гусь и вся эта история с его отъездом всем им боком выйдет. Но он не мог выкинуть из головы историю с Викой.

Волков еще не знал, что Вика покончила с собой, выпив целую упаковку транквилизаторов. Ее, уже без сознания, обнаружила вернувшаяся из школы Наташа. Совершенно растерявшаяся девочка, вместо того чтобы тут же вызвать «неотложку», долго изо всех сил теребила ее, поливая из неостывшего еще чайника, а когда, наконец, кинулась к телефону, было уже поздно.

— Чуть-чуть бы раньше, — неосмотрительно сказал врач медсестре.

И они с трудом втянули перевалившуюся через поручень и отбивающуюся от них Наташу на балкон.

Все это Волкову предстоит узнать потом. А сейчас после очередной попытки двигатель кое-как схватил, Волков дал ему профурыкаться и особо не газуя, потянулся в сторону дома.

Глава вторая

Телефон в редакции звонит всегда.

Это закон.

Если трубка молчит, значит, наступил конец света. Или самый популярный журнал в Сан-Франциско стал терять читателей. Что еще хуже. Но этого не может быть, потому что не может быть никогда.

А сегодня творилось вообще уж что-то невообразимое. Аманда никак не могла допечатать статью, которую надо было сдать еще утром, и поэтому, когда ей в девятьсот девяносто девятый раз (в сто раз больше, в сто раз меньше — она ж не арифмометр) пришлось отвечать на звонок, нервы были уже на пределе.

— Алло! — злобно гавкнула она в трубку. — Если у вас нет сенсации, советую сразу же отключиться!..

— Именно сенсацию я и собираюсь вам предложить, — с негромким смешком произнес приятный мужской голос с легким иностранным акцентом. — Если, разумеется, в цене сойдемся...

Сразу чувствуется деловой подход. Или очередной притырок с бредовой идеей? Решил наварить на ровном месте... Так она тоже не пальцем деланная.

— Ну, что там у вас? Только по существу!

— Как прикажете, — хмыкнули на том конце.

А потом она долго слушала, не перебивая, и еще не положив трубку, в спешном порядке стала собираться. Сидящий за соседним столом юный Сэм, которому пока что ничего серьезнее кратких сводок дорожных происшествий не поручали, посмотрел на нее полухебно, полузавистливо.

— Что за сенсация на этот раз? — любопытствовал он. — В моду опять входят мини-юбки?

— Тебя это беспокоит? — Аманда критически оглядела себя в зеркальце, подправила макияж.

Сэм смотрел на нее и, сам того не замечая, облизывал пересохшие губы. Первое, что он сделал, придя в редакцию, попытался назначить ей свидание. Ну, какой парень мог бы устоять перед знойной черноволосой красоткой, стуготом притягательной женской энергии, которая одновременно бодрит и убаюкивает тебя?! Когда-нибудь он непременно отразит свои ощущения на бумаге. «Высшая степень физического влечения» — так будет называться его первый роман.

— Опять кутюрье? Они же женщин просто ненавидят.

Аманда махнула кисточкой.

— Ничего, переоденусь в голубого гея. — Сунула в сумочку диктофон и умчалась, пока Джон раздумывал, что бы ей такого еще сказать.

Что тут скажешь?! Сэм сунул руки поглубже в карманы брюк и безразлично засвистел.

Голос ее не обманул. Он был ничего себе. Очень даже. И на встречу явился точно в срок. Проскользнул к Аманде в машину, несмотря на крупное телосложение, и начал без обиняков:

— Зовите меня Джон, потому что на самом деле меня зовут не так.

— Хорошо, Джон, — улыбнулась Аманда, которой понравилось вступление. Еще она подумала, что всяким там «Джонам» из ее прошлого неплохо было бы

поучиться вызывать у женщин положительные эмоции.

— Тогда приступим, — сказал симпатичный Джон (несмотря на то, что был он совсем даже Фил, и тоже ничего)...

И пока он рассказывал, журналистка хмурилась все больше и больше.

— Вот так, на мой взгляд, обстоят дела на сегодняшний день, — изложил суть дела мужчина.

Некоторое время они напряженно молчали.

— Да... Ничего себе... Жутковатое будущее... Это больше, чем сенсация...

Ее собеседник достал из кармана конверт:

— Здесь более подробная информация...

— Я боюсь, что такой кусок мне самой не проглотить, — безнадежно сказала Аманда. — Сколько вы хотите?

— Если бы я не отдал это вам, то получил бы несравненно больше.

— Или пулю, — не исключила журналистка.

— Такой вариант тоже рассматривается...

— Хотите предложить партнерство? Тогда это будет стоить в два раза дешевле...

— А вы азартная девушка...

Аманде было не до комплиментов. Она понимала, что такой шанс выпадает раз в жизни, и то далеко не каждому. Что уж там взбрело в голову вздорной Фортуны, но сегодня она снизошла до нее. И прошляпить такую возможность девушка просто не могла.

— Я хотела бы услышать реальную цену, — достаточно жестко сказала она.

— Для вас? — спросил мнимый Джон.

— Да, для меня, — кокетливо улыбнулась Аманда. — А что, я вам не нравлюсь?

Она никак не могла понять, чего он мудрит.

— Благосклонность такой леди — дорогого стоит... — он несколько смазал впечатление напыщенностью фразы. — Так что... Берите!

И он протянул ей конверт.

А она тут же засомневалась. Наверное, как всегда, «болл-шит». Но конверт все-таки взяла. Рука сама потянулась.

Она открыла конверт, быстро пробежала глазами содержимое и решила, что не отдаст его никому на свете. Ни за какие деньги. И ни за какие другие блага жизни.

Но как девушка трезвая, она заставила себя поинтересоваться будничным, не без элементов скуки голосом:

— А где гарантии? Кто-нибудь может подтвердить, что это не утка?

Мужчина, внимательно следивший за чередованием эмоций на ее лице, устало вздохнул:

— Гарантии, дорогая Аманда, получите через пару месяцев, когда это начнут ввозить сюда тоннами...

Аманда ничего не ответила. Верх бесстыдства требовать гарантии на халяву. Она завела мотор, плавно тронулась с места и влилась в поток машин.

— Вам действительно от меня ничего не нужно?

Мужчина посмотрел на нее с явным мужским интересом, улыбнулся и отрицательно покачал головой. Совсем почему-то не обидно. Тут бы снова вспомнить другого «бывшего» Джона, но он даже не пришел на ум. А на ум

пришло абсолютно другое. И она впервые за всю встречу по-настоящему заволновалась. И за себя в первую очередь. То есть просто за себя. Что ей за дело до этого Джона, которого даже неизвестно, как зовут на самом деле?! Но спросила она тем не менее именно так:

— А вам не страшно?

Он не стал уточнять, чего должен бояться, а очень даже удачно отшутился:

— Я для вас единственный источник информации, вам надо меня беречь...

И от его внутренней уверенности ей тоже неожиданно стало легко и спокойно: и впрямь, чего бояться-то?!

— Может, все-таки хотите завести знакомство?

И он принял игру:

— Ну, если вы так настаиваете...

— Тогда придумайте легенду попоικантней...

— В следующий раз принесу микстуру от импотенции, которую принимают молодые президенты...

— И телефон доктора, который ее прописывает? — усмехнулась она.

— Тормозните вот здесь, — неожиданно ткнул пальцем мужчина, и пока Аманда искала место для парковки, практически на ходу выскользнул из машины.

— Скользкий, как уж... — глядя на пустое место, где он только что так вальяжно располагался, вслух сказала она.

И не было в этой фразе даже намека на женское восхищение, а сплошные тревожные размышления и внутренние сомнения, вновь охватившие ее.

Раз уж прибилась к тротуару, надо зайти в кафе и что-нибудь перехватить. И размяться тоже нелишне, а то всю задницу отсидела.

После второй чашки кофе и внушительного сэндвича с ветчиной бодрости слегка прибавилось. Аманда задумчиво размешивала в чашке кофейную гущу. Документы она просмотрела еще раз — предельно внимательно — и, честно говоря, стопроцентной уверенности они у нее не вызвали. Но впечатлили. Чего уж тут. В наше время надо быть полной идиоткой, чтобы кому-нибудь или чему-нибудь абсолютно доверять. Но даже если двадцать процентов из этого правда — уже сенсация.

Она созвонилась с шефом, и тот, опираясь на свое профессиональное чутье, сразу же дал добро, и теперь со спокойной душой можно подумать, как бы эффективнее все это преподнести.

Конечно, она уже проводила серьезные журналистские расследования, и весьма успешно, но здесь совсем другой масштаб. Ее ждет успех, она несколько в этом не сомневалась. Возможно, Пулитцеровская премия... Собственная программа на NBC...

Аманда с головой окунулась в сладкие грезы, как вдруг телефонный звонок вернул ее в реальность.

— Алло... Да. это я...

Голос в трубке показался знакомым.

— А что это там передал тебе этот черт?

— Перестань разыгрывать меня, Сэм!...

— Какой к черту, Сэм? Что там в конверте?

Аманда на секунду опешила, но тут же собралась:

— А почему это вас интересует?!

— Наверно, запала? Хочешь, чтобы он тебя от-трахал?

— Конечно! — Аманда усмехнулась. — Мне очень симпатичны его обтягивающие джинсы... Особенно спереди...

— Вот и хорошо, назначь ему свидание, тебе позвонят — ты скажешь, где, и не крути, иначе с тобой будет плохо...

— Только не надо меня пугать!... Если он вам так нужен — ищите его сами!..

Аманда решительно сгребла в охалку сумочку и, задев крутыми бедрами окружающих, выскочила из кафе. Никто не делал ей замечаний. Наоборот, в пору попросить потолкаться «на бис».

Появление Фила у хоккейного бортика внесло в тренировку легкую сумятицу, слегка нарушило привычный ритм. Тренер — по другую сторону площадки — хоть и поднял в приветствии руку, но был не в восторге от его присутствия: ему все громче приходилось хлопать в ладоши и покрикивать в гулкую пустоту ледового дворца спорта, требуя абсолютного внимания. Игроки — в основном русские — оборачивались, кивали, а то и задирали в воздух клюшки. Он не мог на них по-настоящему сердиться, потому как считал, что хоккеем требует искренности и проявления чувств, это раз. Во-вторых, сам на их месте поступил бы так же. Мальчишки! Как только кончится это мальчишество — прощай, хоккей! А это равнозначно, прощай, жизнь.

Бр-р-р! И думать об этом не смей!

Один из хоккеистов, оказавшись в зоне, будто завязывая шнурок, прижался к бортику. Лицо, давно уже более популярное в Америке, чем в России, осветилось приветливой улыбкой:

— Где пропал?!

— Дела... Анекдот новый хочешь?

— Ну, давай, если короткий.

— Знаешь, почему Буш ни разу не засветился в сексуальном скандале?

— Почему?

— Да потому что он даже секретарше не может объяснить, чего же он хочет...

Звезда улыбнулась.

— Как всегда, дурацкий. А я вот на русском сайте вычитал: выходят две блохи из ресторана, сытые, довольные. Одна спрашивает: ну как будем добираться, пешком пойдём или собаку подождём?

Посмеяться не успели. Тренер, надувая щеки, с силой цунами разрывал свисток, пытаясь вернуть на лед заболтавшегося игрока.

— Не буду дразнить американских гусей, — привычным жестом успокоил наставника хоккеист.

— Они же несут золотые яйца, — от себя добавил Фил. — Кстати, я лечу в Россию. Буду в Москве и Питере. Может, кого-то порекомендуешь?

— В Питере есть классный парень — Власов. Но дешево не отдадут.

— Поторгуюсь. Я могу на тебя сослаться?

— Вот этого не надо.

Цунами разразился с новой силой.

— Как пить дать оштрафует! — хоккеиста и след простыл.

К Маковскому подлетела секретарша, собираясь разразиться тирадой, но не успела и рта раскрыть. Фил галантно заткнул ее:

— Элли, ты, как всегда, очаровательна. Небольшой презент, — он всучил ей тюбик губной помады. — Твой цвет!

— Этим не откупишься! — атака захлебнулась, Элли сокрушенно покачала головой, удивляясь собственной покладистости. — Шеф разносит всех и вся. Вас не могут найти уже неделю. У Буре из-за этого тоже неприятности...

— Я же предупредил, что буду отсутствовать, — Фил виновато развел руками.

— Три дня. А сегодня уже восьмой! Ой! — Элли обернулась, увидела приближающегося шефа и торопливо юркнула куда-то под трибуны.

— Ты аферист! — орал шеф, грозно надвигаясь на Фила.

— Паша, кого ты мне подсунул? Мало нам прошлогоднего скандала с Могильным?

— Но договор с Могильным... — попытался оправдать Маковского тут как тут вновь оказавшийся Буре...

— ...составлял твой друг Маковский! Да-да! Именно он втянул меня в эту авантюру. Мне надоело!!! Не желаю иметь дело с этим авантюристом и его обещаниями! — он повернулся к Маковскому: — Где обещанные Соколов и Зимин?

— Я завтра лечу в Питер и привезу их, кровь из носу... — примирительно начал Фил. — Сева обещал...

— Никуда вы не летите! — опять заорал менеджер, не особо понимая, при чем здесь кровь. — И наплевать мне на ваш нос! Вы вылетаете в трубу!

Вместе с вашим подельником Пашей! Я вас видеть не желаю! Убирайся отсюда! Сию же минуту!

Он выхватил из кармана контракт, разорвал его на мелкие кусочки и швырнул в лицо Филу. Тот, стиснув зубы, молча развернулся и ушел, провожаемый удрученным взглядом своего друга.

Оставшись вдвоем с Буре, шеф понемногу пришел в себя:

— Пол, ты прости, но я его больше видеть не хочу. Да-да, я понимаю — смерть сына, унижения... Но я на этом пролетел на сотни тысяч...

Павел долго молчал, все еще глядя вслед Филу, пока тот пробирался к выходу, потом все же ответил:

— Послезавтра он будет в Питере. И все решит. Вот увидите...

Но босс его уже не слушал. Ему кто-то позвонил на мобильный...

Фил долго шатался по городу. Как неприкаянный, переходил из бара в бар, пока, наконец, не завис в своем любимом местечке — на углу Сорок четвертой и Гленн-роуд.

Не то, чтобы его сильно волновал скандал в клубе — такое случалось и раньше, босс немного попылит и остынет, как обычно. О журналистке он думал куда больше. Проглотит ли она то, что он ей сегодня скормил? Кое-кто, во всяком случае, наживку точно заглотнул. «Хвост» Фил заметил еще на подъезде к стадиону.

А этого лысого, который вошел следом за ним в бар, вычислил еще на Кипре. Постоянно с ним рядом ошивался. Ну что ж, посмотрим, как будут развиваться события дальше...

— Двойной бурбон, пожалуйста, — обратился Маковский к бармену.

Тот поспешил выполнить заказ. Посетителя он знал как выгодного клиента, который может выпить, не пьянея, черт-те сколько. А значит, и дальней-

шей возни с ним не намечалось: ни тебе дебошей, ни транспортировки домой в стельку... Российская выучка в этом вопросе не подводила Фила никогда. Как бы там американцы ни пыжились, а по части «количества» они все же не тянут. Это он как профессионал заявляет. Ирландцы еще, куда ни шло, но против конкретного парня — жидковаты...

Лысый с ним тягаться даже и не пытался. Тихо — мирно считал воображаемых ворон за дальним столиком в углу, потягивая безобидную содовую.

«Расшевелить что ли муравейник? — подумал Фил. — А то проходу от них не стало. Совсем оборзели, ребята».

Но быстро смекнул, что это в нем играет хмель. И не всегда нападение лучшая защита. А по сему лучше принять еще дозу и по — прежнему держать паузу. Пусть даже музыкальную.

Маковский сполз с непомерно высокого шаткого табурета, проследовал к «музыкальной шкатулке», подсвеченной всеми цветами радуги, запулил в нее монетку и нажал первую попавшуюся кнопку. Автомат не отреагировал. Маковский нажал другую — эффект тот же. Тогда он грохнул в сердцах по этой «технике» кулаком...

— Зря стараетесь! — крикнул из-за стойки бармен. — Только кулаки отобьете. Он парень привычный и играть ни за что на свете не будет. Молчун от рождения. Чего-то у него там не контакит...

— Предупреждать надо, — буркнул Фил.

Бармен пожал плечами.

«Ну и черт с ним! — не очень-то расстроился Маковский. — обойдемся без фанфар. Факир был пьян и фокус не удался. Сами подойдут, когда надо будет».

Ждать пришлось недолго.

Не успел он — к удивлению и разочарованию бармена — выйти на улицу и завернуть за угол, как его обхватили железной хваткой со спины, заломили руки, накинули на голову черный пластиковый мешок и куда-то потащили. Недалеко, правда. До поджидавшей в нескольких шагах машины. Фил догадался об этом, когда ему звезданули по шее, чтобы пригнулся, впихнули без особых церемоний между двумя какими-то потными мужиками.

Слишком грубо. А ведь он особо и не сопротивлялся.

Ехали долго. Сначала петляли по городу, потом выскочили на побережье. Сквозь прохудившийся от старости целлофан — идиоты, был бы пакет поновее, доставили бы по адресу синюшный труп! — он почувствовал отрезвляюще-йодистый запах океана, а, судя по шуму волн, конечная цель их романтического путешествия, которой они наконец-то достигли, располагалась чуть ли не на пляже.

Маковского вытолкали из машины, еще круче заломили руки и потащили внутрь здания. На входе тщательно обыскали, отобрали кошелек и мобильный телефон, втолкнули в комнату и только тогда сняли мешок. Сами — ба, знакомые все лица! — с чувством выполненного долга застыли, как вкопанные, у двери. И впрямь истуканы.

Пользуясь временной передышкой, Фил с интересом осмотрелся вокруг. Судя по всему, он оказался в студии художника. Просторное помещение с огромным, во всю стену, окном, выходящим на океан. У окна — мольберт, все стены от пола до самого потолка увешаны картинами. Одну, видимо, повесили только что, даже заляпанную олифой стремянку убрать не успели. У стены диван,

кресло и журнальный столик, заваленный кистями и красками вперемешку с газетами и глянцевыми журналами. В кресле сидел некто маленький, круглый, чернявый, похожий на сытого кота. Оглядел Фила с любопытством и представился:

— Поляк.

— Русский, — не соврал в свою очередь Фил.

— Мы знаем, — улыбнулся собеседник и кивнул головой на застывшего у двери «солдата». А это Лысый. Вы его, наверное, уже видели.

— Неоднократно, — согласился Фил. — Все глаза намозолил...

И кивнул на другого давно не стриженного бандита: — А это, должно быть, Волосатый?

— Угадали! — восхитился Поляк.

Улыбка уже не помещалась у него на лице, сползала куда-то за уши.

— Ну, как вам здесь? — он обвел рукой студию с явной гордостью.

— Неплохо. Но я не большой знаток живописи. Это подлинники? — Филу показалось, что некоторые из висевших картин он уже где-то видел. Или, по крайней мере, очень похожие на эти.

Хозяин иронично наморщился, всем своим видом давая понять, что ему недосуг объяснять основы живописи дилетантам, но, в виде исключения, так уж и быть...

— Важна подпись, — доверительно поделился он. — А она фальшивая. Знаете, однажды художник Дали — слышали, надеюсь?! — сделал потомкам бесценный подарок: подписал сотню пустых холстов. Очень, знаете ли, удобно: приобрел за разумные деньги его подпись и рисуй, что хочешь...

— Осмелюсь предположить, что один из этих «подарков» я вижу на стене? — Фил кивнул на самое большое полотно, изображающее то ли испанский полдень, то ли корриду, то ли пожар в джунглях.

— Не стесняйтесь, посмотрите поближе, — посоветовал Поляк. — Она того, безусловно, стоит...

Фил подошел к стене и едва успел взяться рукой за стремянку, как тотчас же подскочивший, словно на пружинах, Поляк приковал его руку к стальной перекладине наручниками. Голова Фила ударилась об стену. Он вскрикнул скорее от неожиданности, чем от боли.

— Что ты знаешь о принципиально новом товаре из России? — жестко спросил Поляк.

И Фил понял, что светские беседы закончились.

— Что за товар? — на всякий пожарный, больше по инерции скорчил он изумленную физиономию.

— Кончай ваньку валять, — снова наморщился Поляк. — Здесь фраеров нет...

— Охотно верю, — пожал плечами Фил, — но при чем же тут я?

— Вот и мы думаем, при чем же здесь ты? — задушевно спросил хозяин положения...

Убедившись, что нет никакого шухера. Лысый с Волосатым, не привлекая к себе внимание, незаметно покинули комнату. По винтовой лестнице они поднялись на второй этаж, где в полупустой комнате — оторвавшись от компьютера — у окна стояла девушка, напряженно вглядывающаяся в бинокль. Она обернулась на звук шагов и сообщила:

— Чисто. Электроникой не пахнет...

На столе валялся открытый бумажник, который Лысый схватил, вывернул чуть ли не наизнанку, жадно проверил содержимое, удовлетворенно поцокав языком:

— Таскать с собой целую кучу наличных!.. Небедный парень! Вот именно такие и провоцируют уличную преступность. Слушай, а может, это ко-повские штучки?

Девушка покачала головой, не оборачиваясь:

— Ни по копам, ни по федералам он не проходит.

— А твой источник, он никогда не ошибается?

— Источник у нас на довольствии...

Девушка обернулась, приглашая Лысого взглянуть в бинокль. Тот не замедлил прильнуть к окулярам.

— Этот «Мустанг» притащился прямо за вами. Даже не прячется, сучонок...

— Ну и черт бы с ним, — пробурчал Лысый, отрываясь от бинокля и между делом поглаживая девушку по аппетитной попке. Девушка не отстранилась. Волосатый хмыкнул и в свою очередь принялся рассматривать бумажник Фила, прикидывая, не восстановить ли относительную справедливость, не сыграть ли роль уличного грабителя, выудив оттуда пару-тройку купюр...

...Беседа Маковского с Поляком тем временем протекала, выражаясь газетным языком, в обстановке пусть не дружбы, но взаимопонимания. Наручники были сняты, собеседники, смахнув все лишнее на пол, по-приятельски сидели за столиком и пили кофе. Поляк явно ловил кайф не только от нарисовавшейся неизвестно откуда бутылки французского коньяка. Все, что он хотел знать, Фил, нюхнувший вместе с ним, поведал ему. Разговор близился к завершению.

— Ну что ж, мы подумаем. Но ты нас не забывай, мы теперь не чужие. А рука, как у вас говорят, руку моет...

Поляк в который раз натужно улыбнулся. Его самого с души воротило от этих улыбок. Он прекрасно видел, что Фила от них тошнит. Но такова се ля ви, как говорят в окрестностях Эйфелевой башни, и не им ее менять. По крайней мере, в ближайшее время. Так что все разборки на потом.

— А у вас разве так не говорят? — подивился Фил.

— Говорят, еще как говорят, — улыбнулся Поляк и поймал себя на том, что его рука непроизвольно нащупывает кобуру под шелковым халатом.

От Маковского тоже не ускользнуло это движение.

— Тогда, надеюсь, обратно в бар вы меня доставите?

И хотя отсутствие логики было очевидно, лицо Поляка снова свело и уже не отпускало:

— А как же?! Куда пожелаешь...

На этот раз обошлось без мешка на голову, хотя нельзя сказать, что подельники Поляка сменили гнев на милость и вели себя с Маковским чересчур вежливо.

— Пошевеливайся! — приказал ему Лысый, когда он замешкался у дверцы машины. И с трудом удержал руку, уже готовую придать Филу дополнительное движение.

В гнетущей, не сулящей ничего хорошего тишине они оттранспортировали его до бара и даже — к изумлению бармена — довели до стойки. То есть довел

Лысый, а Волосатый направился к «Мустангу», который всю дорогу неотрывно плелся за ними и теперь с независимым видом пасся в пределах досягаемости.

Волосатому пришлось согнуться в три погибели, чтобы с тротуара заглянуть в окошко и без того приземистой машины. За рулем сидел какой-то бородатый хрен с аскетичным лицом служителя закона и делал вид, что ему все по фигу:

— Что угодно? — спросил он Волосатого казенным голосом.

— Поздравляю, ты удобно устроился на собственном конце... — не без ехидства начал тот, но подавился концом собственного остроумия.

Водитель, молниеносно выхватив из кармана газовый баллончик, направил едкую струю в ему в лицо:

— Поздравь свою бабушку, ублюдок! — сказал бородатый злорадным человеческим голосом, опрыскивая Волосатого, как саранчу на кукурузном поле.

— Ах, ты!..

В последовавшем за этим слепом матерном словоблудии досталось всем, включая Господа Бога.

Несомненно, Волосатый еще не раз пожалеет о сказанном. А пока он, вытянув руки, распугивал шарахающихся прохожих, нелепо подпрыгивая на одном месте и утирая вовсе не крокодиловы слезы, «Мустанг» гордой поступью иноходца скрылся за ближайшим поворотом.

...Утром следующего дня Мартин Ферро, который освежил фейс бедняге Волосатому, докладывал о результатах расследования своему начальнику генералу Джексону.

— ...Мы даже связались с ведомством генерала Соколова в Москве. Никаких конкретных подтверждений, конечно, не получили, хотя там не отрицают возможность изготовления нового вещества. По их мнению, интересующий нас наркотик, скорее всего, может производиться в одной из подпольных лабораторий Санкт-Петербурга. Подобное производство в России поставлено на широкую ногу, но лаборатории работают автономно, и раскрытие одной никак не сказывается на деятельности других. Так что у наших коллег проблемы...

Генерал — огромный темнокожий мужчина в дорогом сером пиджаке и красном шелковом галстуке — все это время, сдвинув брови, рассматривал фотографии Маковского и его похитителей.

— Но это же ничего, пшик! Нам нужны факты! — в его голосе сквозило явное недовольство работой Мартина.

— Мы перехватили телефонный разговор Маковского с Петербургом... С кем-то по имени Шурик... Возможно, это связано с новым веществом...

— А возможно, с хоккеем?! Это ведь его основная работа?!

— Маковский...

— Какая связь между хоккеем и мафией?

— Две недели назад в Нью-Йорке рэкетеры наехали на русского хоккеиста. Маковский его отмазал...

— Что за приклатненный лексикон?! Завязывай с этой «феней», — голос генерала стал сварливым, как у старой негритянки с плантациями, на которую только что прилюдно завалилась хижина дяди Тома. — Это не доказывает его связи с бандитами. У нас на него ничего нет. Возьмитесь за Маковского вплотную! Все его контакты, связи, все о нем!..

— Да!

— Наройте на него что-нибудь в России. У вас три недели, чтобы его раскрутить. Ясно?

Джексон отшвырнул фотографии и они, как колода карт в отточенных руках шулера, легким веером рассыпались по столу.

— Совершенно!

— Кстати...

Генерал впервые за выволочку взглянул на Мартина заинтересованно:

— Как ваш роман с его супругой?

Мартин отрапортовал по-военному:

— Она оказалась неожиданно приятной в общении...

Джексон хохотнул.

— Ты прямо вылитый отец! Тот тоже катастрофически глупел, когда в очередной раз влюблялся. Свободен!

Из кабинета Мартин вышел в смятении чувств. Ему и в голову не приходило, что его отношения с Ирэн — Ириной Маковской — уже муssiруются даже на верхах. Что за дурацкая контора?!

...Судьба свела их три года назад, когда Денис Маковский, сын Филиппа и Ирины, был обнаружен в студенческом кампусе, умирающим от передозировки наркотика. Мартину тогда поручили вести это дело. А Фил и Ирэн — параллельно — тогда же стали отдаляться друг от друга. Общее горе чаще не сближает людей, как это почему-то ошибочно принято считать, наоборот, разводит их в разные стороны. Так уж получилось тогда, что утешения Ирэн искала у него, Мартина, а не у своего супруга...

Вот и сегодня они должны были встретиться в конном клубе. Как-то он взял туда с собой Ирэн с младшей дочкой Машей, и девочка прямо-таки влюбилась в лошадей.

Солнце уже заходило, в прибрежном сквере становилось прохладно. Ирина зябко поежилась. Легкий шелковый шарф был брошен на плечи больше для красоты, чем для тепла. Она сидела на лавочке, Маша крутилась рядом, слушая плеер и пританцовывая. На минутку остановилась, перестала егозить, капризно надула губы:

— Долго мы еще будем ждать этого... папочку?

— Ты что, куда-то спешишь? — думая о чем-то своем, машинально спросила мать.

— Да нет, — девочка тоже присела на скамейку и, подражая Ирине, сложила руки на коленях. Вылитая уменьшенная копия! — Я просто вспомнила, как он в прошлый раз наобещал, трезвонил-трезвонил, а сам потом не появился...

— Пока все остается в силе, отбой не давал.

— Может, у него телефон сломался? — подковырнула Маша. — Он у него часто в нужный момент отказывает.

— Перестань катить бочки на отца, — устало попросила Ирина.

— А я и не качу, — вздохнула мамина дочка, сердито стягивая наушники. — Просто ему с нами скучно!

Вспыльчивая, вся в отца, отметила Ирина. Точно говорят, если мужчину очень любишь, то дети обязательно будут похожи на него. Ведь и Денис был, как две капли...

— Угомонись, — сказала она. — Тебе что, недостаточно моего внимания?

— Тебе тоже со мной не очень интересно, — упрямо возразила дочь, — у тебя приятели постарше...

Ирина намек уловила, слегка повысила голос:

— Рано тебе мать судить! По-твоему, я должна все бросить...

Фил, неожиданно подошедший с другой стороны аллеи, закрыл Маше глаза ладонями. Прорычал шутливо:

— Кто и за что здесь мать судит?!

— Папа! — по-детски непосредственно воскликнула Маша, как будто ожидала кого-то другого.

— Угадала! — Маковский, смеясь, чмокнул дочь в макушку. — Ну, как успехи?

— Привет, Фил! — с растраченной нежностью смотрела на них Ирина.

— Успехи?.. — голос Маши упал. — В школе — не очень, а вот в клубе — классно! Мартин мной доволен...

— Да ну?! — сделал вид, что рад за дочь Фил. — А кто такой Мартин?

Маша смутилась. По ходу сообразив, что подробности вряд ли будут приятны отцу, стала неловко выкручиваться:

— Ну... Там у нас... Лошадь так зовут, — брякнула она наобум.

— Понятно, — хмыкнул Фил. — Знаем мы этих клубных коней! Не лягается?!

— Отстань от ребенка, — пришла на выручку дочери Ирина.

— Пусть только попробует! — смело заявила Маша. И расхохоталась.

И Ирина рассмеялась, представив картину.

А что оставалось Филу делать?!

Так они втроем и хохотали до слез, сами не зная толком над чем. Пока не сообразили, что это нервное, и разом стали серьезными, стараясь не глядеть, друг на друга.

— Вот, держи, — Фил прервал тяжелую паузу, протянув дочери объемистую коробку.

— Что это? — изо всех сил стараясь не расплакаться окончательно, Маша принялась развязывать большой голубой бант на крышке.

— Иди, разберись, — Фил подтолкнул ее к лужайке, — а я пока с мамой пошепчусь.

Маша послушно изучила содержимое коробки и пришла к выводу, что полный идиотизм перевязывать воздушных змеев такими нарядными лентами. Только вводить девочек в заблуждение. Но Филу об этом не сказала. Потому что у них с мамой были слишком напряженные выражения лиц.

— Я скоро уеду, — Фил порылся в кармане и протянул ей конверт. — Здесь вам на школу за три месяца...

Он не сдержался и брякнул:

— И заодно овса для лошади купите!

Все начиналось снова-здорово.

— Овса?! — Ирина возмутилась. — Дочь тебя совсем не интересуется! А у нее сейчас возраст переходный. Девочка превращается в американку, а ведь она — русская...

— Не дергайся, — попытался утихомирить бывшую жену Фил, — уж дочь я не упусти!

Но Ирину понесло.

— Не упустишь?! Ты посмотри, что с тобой стало после смерти Дениса, кем ты себя окружил?! Какие-то наркоманы, дешевые целители, эти пресловутые новые русские, сомнительная полубогема!.. Мы же пытались это забыть, забыть! — на ее глазах вновь проступили слезы. А может, они и не исчезали во все. Просто он перестал их замечать.

Фил смущенно отвернулся, смотрел на Машу, безуспешно пытающуюся запустить змея в воздух.

— Ты бы мог вернуться к дочери!..

Ему показалось, что он ослышался. А если даже нет, то к прошлому дорога заказана. И это надо им обоим уяснить раз и навсегда.

— Ну, мать, — сказал он, стараясь быть как можно мягче, — умеешь ты огорошить. Даже растерялся. Мы уже давно в другой ситуации...

Дальше он мог не продолжать. Она слишком хорошо знала его.

— Это я в другой, а ты ни в какой! Болтаешься, как дерьмо в проруби!

Ирина опять ожесточилась, повысила голос. Маша, окончательно убедившись, что рожденный ползать — летать не может, бросила змея в траву, подбежала к ним.

— Эй, предки, вы опять ссоритесь?

— Да нет, что ты, — Фил бережно обнял дочь и поцеловал. — Ты знаешь, что я тебя очень люблю?

Она согласно кивнула, понимая, что ей заговаривают зубы. Редкие минуты близости с отцом становились все короче и короче.

— Послезавтра я приеду на целый день, — говорил он, — и мы с тобой укачим...

Интересно, он искренне верил в это?

— Куда? — пыталась подыграть она ему.

И он ступешался.

— А просто... В никуда.

Яркий воздушный змей трепетал на траве всеми фибрами своей картонной души и очень хотел подняться в небо.

Но без помощи не мог. А ждать ее было неоткуда.

Мартин искал куртку. Он перерыл весь дом и даже заглянул в гараж, но так нигде ее и не обнаружил. И мать, как назло, куда-то умотала, а без нее сложить чемодан представлялось делом нереальным. Даже пары носок найти невозможно, все по одному раскиданы...

— Вот, новые купила!

Она материализовалась в комнате с пачкой носков в руке. Лицо у нее было скорбным. Таким оно становилось каждый раз, когда Мартин собирался в очередную командировку. Мать принялась складывать в чемодан вещи, ворча, что она, вообще-то, не служанка.

— Нашел бы какую-нибудь милую девушку, женился бы, так нет, спутался с этой русской. А у нее дочь невеста...

— Ты куртку мою не видела? Не помнишь, я ее привозил из Канады?

Мартин пытался сменить тему.

— И куртку пора другую...

— Мне не нужна другая, мне нужна эта. Это куртка отца, она приносит мне счастье...

— Твоему отцу она много счастья принесла... — мать шмыгнула носом.

— Ты что? — Мартин подошел к матери и обнял ее.

— Я просто не хочу, чтобы ты уезжал в эту Россию...

— Да ладно тебе, — не слишком убедительно пытался он ее успокоить. — У тебя просто предвзятое мнение. Сейчас все туда едут. И почти все возвращаются обратно...

Он хотел пошутить. Вышло неудачно.

Глава третья

Этот газетный киоск на Кутузовском стоял с незапамятных времен. Мимо него проезжали, торопясь на свои загородные дачи, Хрущев, Брежнев и прочие властители дум. Некоторые, говорят, даже останавливались — вот она, отрыжка социализма! — чтобы купить газетку или пачку сигарет. Свежо предание...

Утром у киоска традиционно стояла очередь. Даже легкий морозящий дождик не мог остудить стремления аборигенов правительственной трассы узнать свежие сплетни, чтобы приплюсовать к ним новости с душком.

Очень интеллигентно, а ведь, казалось бы, кого хочешь, мог обляять, к киоску подбежал пес — роскошный красавец-овчар, породистый и лоснящийся, деловито обогнул терпеливо ждущих своей очереди двуногих, протиснулся к прилавку и встал на задние лапы. Очередь оживилась.

— Ба! Да такого и за пивом посылать можно! — высказал свое одобрение мужчина в кепке и с брюшком.

— И когда вы напьетесь своего пива?! — вздохнула натерпевшаяся за ним старушка. — Весь подъезд обоссали! Что ставь кодовые замки, что не ставь. А Джек у нас кобелек воспитанный, за всякой гадостью не побежит!

— Еще неизвестно, что гадость: пиво или ваши газеты, — обиделся толстяк.

— Мы с Джеком соседи, у него хозяин солидный, генерал, что ли... — она любовно погладила шелковистую шерсть.

Джек терпеливо ждал, пока киоскерша развернет пакет с запиской и деньгами. А бабуля, окинув бдительным взглядом мужчину, перешла в наступление:

— А ты чего здесь топчешься, если тебе газеты — гадость?

— Мне спички нужно. А ну, Джек... — у мужчины не хватило мужества сказать «вали отсюда» и он подобрал более обтекаемую формулировку, — пошевеливайся. — И обратил свой глас к народу: — Сами генералы всюду без очереди, так и собаки ихние туда же...

Очередь засмеялась. Стихийный митинг не намечался. Продавщица записнула в пакет Джеку последнюю газету:

— Беги, приятель, не растеряй сдачу...

И обратилась к мужчине:

— А спичек нету...

— Тьфу, так и знал, — сплюнул тот. — Давай, что ли, «Комсомольца»...

Очередь умиленно смотрела, как Джек, пробежав метров сто, запрыгнул в «Джип». Правда, не новый и весьма потрепанный, но все же, не пешком генерал ходит...

— Ну, что там у нас? — спросил Волков, забирая у Джека свежую прессу. — Почитаем? «Буря в парламенте», «Президент и его камарилья», «Пионер закал двух бабушек»...

Его внимание привлекла фотография на одной из страниц. Точнее, сразу две фотографии. На одной была изображена красивая молодая женщина, на второй, несмотря на плохое качество, явно узнавался Филипп Маковский.

— «В Калифорнии погибла журналистка... — вслух прочитал Волков. — При странных обстоятельствах...»

Он пробежал глазами дальше по газетным строчкам: «По сведениям поли-

ции, незадолго до гибели она встречалась с эмигрантом из России, неким Филом Маковским...»

— Наш пострел везде поспел! Ну, Филиппок...

Волков несколько раз внимательно перечитал заметку. В ней говорилось, что Аманда Лопес готовила сенсационный материал о новой серии наркотиков, и подозревается, что убрали ее именно из-за этого.

— Ладно, Джек, поехали... Думать будем по дороге...

Машина заняла свое место в потоке, но почти тут же застряла в пробке, которая рассасывалась крайне неохотно. Привлекательная девушка, понадеявшись на быстроту своих ног и отсутствие сотрудников ГИБДД, наплевав на правила дорожного движения, решила именно здесь перейти улицу. Она состроила осуждающе поглядывающему на нее Джеку смешную гримаску, а Волкову, ни с того ни с сего, показала средний палец. Он согласно кивнул и проводил ее взглядом. Пробка наконец-то двинулась, чтобы намертво встать на следующем светофоре.

Девушка перебежала дорогу без проблем, в легкомысленной уверенности, что ухватила Господа за бороду, но на тротуаре ей повезло значительно меньше: спешивший по своим мужицким делам парень в очках не рассчитал маневр и вышиб у нее элегантную сумочку из рук.

— Глаза разуй! — возмутилась она.

— Пардон! — парень поднял сумочку и заспешил дальше.

Надежда нарушительницы правил движения на отсутствие ментов не оправдалось. Они появились внезапно из-за припаркованной «Газели», как чертики из табакерки, и с радостным блеском в глазах устремились к своей жертве.

— Нарушаем?! — плотоядно поставил ее перед фактом бравый старлей.

— До перехода далеко, — объяснила она в полной уверенности, что отмажется.

Не тут-то было.

— Документы, пожалуйста! — потребовал другой страж порядка.

— Зачем?

— Проверка паспортного режима.

— Вы лучше проституток проверяйте, — фыркнула девушка, доставая паспорт.

— А мы что делаем? — поставил ее на место старлей. — Регистрация-то у вас закончилась, — он еще раз заглянул в «гербастый», — гражданка Алевтина Верникова...

— Ну вот, — моментально переходя на «ты», довольно сказал второй, — ты на проститутку грешишь, а у них с этим делом все в порядке. Пошли, что ли?

Подхватив девушку под белые руки, они миновали «Газель» и повели ее в сторону отделения.

— Ребята, может, договоримся? — закинула удочку девушка. Это был глас вопиющего в пустыне. Но мобильная связь — она и в Африке мобильная связь. Телефон в сумочке звонил требовательно и не собирался умолкнуть. Паскуда старлей милостиво отпустил ее руку, и она зло ответила, увидев номер на определителе:

— Перезвони позже, я говорить не могу...

— Или не хочешь? — уточнил начальственный голос с легким восточным

акцентом в трубке.

— Меня менты в отделение конвоируют... Куда тянете?

— В сто восьмое...

— В сто восьмое, слышишь? Да уж, постарайся... — она сунула телефон на место, победно оглядела своих конвоиров и процедила сквозь зубы: — Давайте, ищите на свою задницу приключений...

Сколько раз они это слышали!

В отделении был аншлаг. Какие-то помятого вида гости столицы, слезно умоляющие командира их отпустить, пара бомжей, молоденький милиционер провожал в обезьянник пьяную, с утра пораньше разодетую в алый пух и прах девушку не первой свежести. Девушка висела у него на руке и лопотала:

— Ой, какой хорошенький, где ж ты пропадал, когда я была девушкой...

— Сволота ты моя ненаглядная, — ласково обнимал ее милиционер. — Ножками-то, переступай...

Дежурный устало и неприязненно посмотрел на Алевтину, приказал вывернуть карманы. Она подчинилась с видом оскорбленного достоинства. В карманах, естественно, не оказалось ничего, кроме пары мелких монет и носового платка. Сумку дежурный проверил сам, брезгливо вытащив из нее небольшой целлофановый пакетик:

— Вот это что такое?

— Не знаю... — Алевтина посмотрела на него обескураженно, потом ее осенило: — У-у, гады! Это вы очкарика специально подослали!.. Бабки с меня слупить хотите? Мало вам, что проституток на халяву трахаете?!

— Вот заладила, проститутки, проститутки... — пробурчал все тот же старлей.

А дежурный расsvирепел:

— Заткнись, шалава! Я сейчас понятых кликну, оформлю тебя по всем статьям, сама запросишь, чтоб тебя на халяву трахнули... В обезьянник ее! — командовал он молоденькому, который только что доставил по указанному адресу проститутку в алом.

Наташа во все глаза смотрела, как ее коллеги приветливо улыбаются Индусу, делая вид, что о грузе знать не знают, слухом не слыхивали.

Индус тоже покровительственно улыбнулся этим олухам царя небесного, охотно ответил на их идиотские вопросы, подхватил вещички и умотал от греха подальше, не подозревая, что миниатюрный радиомаячок, подброшенный в сумку лопушистыми таможенниками, не позволит ему затеряться в безбрежных просторах московского моря.

— Гуляй, Вася! — засмеялся Волков, который лично решил проследить за операцией. Ему казалось, что глупее кликухи этому напыщенному фраеру в чалме и придумать нельзя.

Наташа его не поддержала. Она ему особенно нравилась, когда деловито морщила лоб. Именно так трогательно и должна отражаться работа мысли на ее челе. Тут к месту будет добавить: на любимом женском челе. Да, много воды утекло и теперь оставалось воспринимать то, что в конечном итоге и произошло. Нравится это кому или нет. Волков и сам не считал это подарком судьбы. Скорее ее прихотью.

— Здесь пропустят, там пропустят, и пойдет груз по назначению, — осуждающе развивала она свою мысль.

— Не волнуйся, — постарался унять ее пустые хлопоты шеф. — Как говорится, недолго музыка играла, недолго фраер танцевал.

— Как сказать, — упиралась Наташа с взбалмошным упрямством женщины, которая не без оснований подозревает, что она любима. — Будь моя воля, я бы их прямо здесь накрыла!

«Накрыла! Это вам не крышка от кастрюли!» — весело подумал Волков, но во избежание обид и недоразумений озвучивать свое веселье не стал, а лишь снисходительно потрепал Наташу по плечу:

— Может, поэтому я до сих пор и начальник, — предположил он.

— Да ну тебя, — морщинку на лбу наконец-то сменила улыбка.

Они давно путались в этих «ты» и «вы», что придавало отношениям ту особую остроту и пикантность, которую очень хочется удержать.

— Если уж брать — так всю цепочку, — пояснил Волков.

— Конечно же, я не права, — не стала спорить с начальником Наташа.

— Права, — сказал Волков. — Теоретически...

— А практически?

— Практически... Таможня начинается не здесь.

К выходу из отделения Алевтину провожал худой хмурый капитан, с лицом серым и пожухлым, как его форма.

Алевтина не без оснований торжествовала.

Черт с ним, что пришлось просидеть два часа за решеткой среди этого сброда, зато потом у нее просили прощение, чуть ли не хором и расстилались, как перед королевой. Если на то пошло, в обезьяннике она неплохо провела время, беседуя с пьяной проституткой, — и открыла для себя много нового, хотя раньше была уверена, что удивить ее чем-нибудь в этой жизни было уже невозможно.

— Что за подстава? — набросилась она на капитана, как только они вышли на крыльцо. — Я тебе что, мало в прошлый раз занесла?

— Ты принесла фуфло! — возмущенно прошипел тот. — Понятно? Фуфло! Ты нас со своими чертями не путай!

— Что дали — то и занесла, — пожалала Алевтина плечами.

— Когда берешь, смотреть надо!..

— Может, еще попробовать! — вызывающе спросила она. — Премного благодарна! Не хочу потерять свое лицо!..

Капитан уловил двоякий смысл последней фразы. Что она себе позволяет, эта прощмандовка?!

— Будешь пробовать, как миленькая, — с угрозой повысил голос он. — Если не хочешь париться по полной программе...

— Не шуми, не шуми, — примирительно замахала рукам молодая женщина. — Скоро новая партия будет, товар — закачаешься...

Она еще раз окинула капитана взглядом, в котором сквозило даже мимолетное сочувствие: э, милый, да тебя и так уже водит...

— Вот смотрите, как они куражились. Это сами бандиты снимали на камеру, — прокомментировал Сергеев.

На экране монитора появились кадры из школьного спортзала, где «веселые» террористы читали «лекцию» обреченным на самое страшное маленьким детям и их родителям.

— И даже здесь видно, что они под наркотой.

— Нда-а-а... протянул Мартин и покачал головой.

— Мы ведем всю цепочку от Душанбе, хотя непосредственный организатор нам пока неизвестен. Груз сопровождает небезызвестный Индус, вы его хорошо знаете. Вот он на Домодедовской таможне, — Сергеев указал Мартину взглядом на экран монитора.

Они сидели в небольшом просмотровом зале, просматривали свежие пленки, и Сергеев вводил его в курс дела.

— В Москве провел восемь часов, — Сергеев весьма неплохо говорил по-английски, и Мартина это радовало.

Он готовился к тому, что придется общаться через переводчика, а это отнимало не только массу времени, которого и так было впритык, но еще и непременно терялась определенная смысловая нагрузка, складывающаяся из мимики, жестов и интонаций. Вот, казалось бы, мало что выражающая фраза:

— Пообедал в «Славянской»... — на экране возник роскошный ресторан дорогого отеля.

Но это на взгляд дилетанта. А профессионал сразу отметит: значит, тяготеет к роскоши, уважает русскую кухню, судя по всему, склонен к излишествам...

— Побывал на Красной площади...

Эта фраза ничего не дает ни уму ни сердцу. На Красной площади и сам Мартин уже успел побывать, в первое же свое московское утро. Это ритуал. Как умывание. Или обязательная баня, которой русские кичатся наравне с финнами. Нормальному человеку — имеется в виду американцу — весь этот рукотворный ад ни к чему. Вполне достаточно душевой кабины. А пива можно и по холодку попить...

Хотя площадь, конечно, впечатляет. Даже не размерами. Мартин видел и побольше. В Пекине, например. Но чтобы вот так вычурно вымостить ее сплошь и рядом оружием пролетариата...

Показательно.

Агрессоры, что вы хотите.

Как, кстати, и мы.

Отдельный разговор — мавзолей. Этот сродни русской бане. Данте, вроде как спускавшийся ад, не даст соврать. Ужас пополам с любопытством. Изнутри обитель вечно живого вождя мирового пролетариата действительно напоминала геенну огненную — адским пламенем так и несло от траурных стен и драпировок. На этом фоне человечек в гробу разочаровывал — хотелось видеть на его месте кого-нибудь более впечатляющего. Пусть даже без рогов и копыт...

— Мартин, вы меня слушаете? — вернул его на землю Сергеев.

— Обижаете...

Мартин отшлифовывал чисто русские интонации.

— О'кей! — продолжил тот. — Побывал в ГУМе, где ничего не купил по причине дороговизны, затем отправился в «Макдоналдс» и пятнадцать минут общался с Алевтиной Верниковой. А, вот, как раз и она...

В его голосе появились нотки, заставившие Мартина внимательнее взглянуть на экран. Ах, вот оно что... Жидкокристаллические гормоны будоражат воображение.

На экране высветилась эффектная блондинка, одетая слишком изысканно

для клиентки «Макдоналдса». Ее так же трудно было представить себе жующую гамбургер, как королеву Елизавету, отплясывающую канкан в каком-нибудь борделе. Индус поздоровался с ней запросто, как с давней знакомой, чмокнул в щеку, без позволения плюхнулся за столик, закинув ногу на ногу. Мартину почему-то очень захотелось, чтобы она отшила этого хренова погонщика засранных слонов, изображающего из себя чуть ли не раджу. Ему стало почему-то обидно за всех русских женщин, включая Ирину, к которой несправедлива его мать, и которую Маковский даже после развода придерживает на длинном поводке. До каких пор это будет продолжаться? Надо все упорядочить сразу же по возвращении в Штаты.

Еще он подумал, что эти женщины априорно заслуживают большего, что они удивительно доверчивы и им легко можно вешать лапшу на уши, вместо сережек с драгоценными камнями. Себя он в данном случае в виду не имел. Сценарий не тот. И не ему его переписывать. Хотя, как сказать. Там видно будет.

Но ничего подобного не произошло. Никто никого никуда не послал. Говорил в основном Индус, Алевтина хмуро слушала и молча кивала головой. И у Мартина испортилось настроение.

— Вот, смотрите, он передает ей коробку конфет, — опять указал Сергеев на монитор. — Видите?

— Вижу, — скучным голосом подтвердил Мартин. — И что?

— А то, — с видимым облегчением сказал Сергеев, — что далее Индус отправился в Шереметьево, где и провел все оставшееся время, контактов больше не имел и благополучно вылетел в Нью-Йорк. По вашу, так сказать, душу, — подытожил он.

— Его там ждут не дождутся, — уверил Мартин.

— Хочется надеяться, — с преимуществом отпускника перед уже отгулявшим заслуженный отдых бравировал Сергеев.

На экране монитора между тем вновь возник приглянувшийся американцу образ Алевтины — на этот раз в шикарном интерьере ночного клуба, что подходило ей куда лучше «Макдоналдса».

— Это в клубе «Луксор»... — объяснял Сергеев.

Снова поближе к деньгам, констатировал Мартин. Все-таки у русских это в крови: украсть, так миллион... Ну и далее по тексту.

— «Эльдорадо», — фыркнул он. — Все-таки фантазии у русских бизнесменов кот наплакал. А почему не «Якут-алмаз»? Простенько и со вкусом...

— Тлетворное влияние Запада, — вступился за своих Сергеев.

— Мели Емеля... — очень к месту вставил Мартин, который как раз штудировал сборник русских народных пословиц и поговорок, чтобы по приезде сразить Наташу наповал.

Но Наташа была далеко. И приезд не скоро. А Мартин привык вести пресловутый американский образ жизни, за который его и осуждать-то было нельзя. Да и не собирался никто этого делать...

— ...Она там постоянно тусуется, — как нарочно поддал жару Сергеев. Или нарочно? — Мадемуазель ведет свободный образ жизни, однако как проститутка в поле зрения милиции не попадала. Круг знакомств обширный. Что интересно, в свое время проживала в Душанбе, училась там языку — не в курсе какому, ушла после третьего семестра, посчитав, очевидно, что на ее век

иностранных слов хватит, через год переехала жить в Москву...

— Ночной клуб, в России... С этим я еще не сталкивался.

Мартин внимательно всматривался в изображение на экране, и Сергеев пообещал без злого умысла:

— Еще столкнешься!

Глава четвертая

Конец 80-х прошлого века

Самолет парил над горной грядой. Снег на вершинах искрился в солнечных лучах, как бриллиантовая пыль. Красивый представительный мужчина лет сорока, не отрываясь, смотрел в иллюминатор уже минут двадцать, забыв, раззява, о папке с документами у себя на коленях. Мечтатель-хохол, рассеянный чудак — определила его для собственного внутреннего пользования крейсирующая по проходу краса «Аэрофлота» Несколько листов упало, но он этого даже не заметил, стюардесса подняла их, протянула пассажиру. Теперь уже с ближнего расстояния окинула его оценивающим взглядом: костюм явно импортный, взгляд уверенный, ручка из кармашка торчит золотая. И что он забыл в Катманду?

— Ну как, удалось увидеть Шамбалу? — спросила она единственное, к чему можно было прицепиться — а вдруг судьба?! — подавая ему листы.

Он поднял голову, удивленный. Не часто встретишь стюардессу, которая слышала про Шамбалу. Бытующие легенды о «стране мудрецов» не то, чтобы запрещались, а так, не поощрялись на его советской Родине — ни в книгах, ни в газетах о ней было не прочесть. Впрочем, если она часто летает в Непал...

Кстати, нога под ней...

— Какое там, это доступно только избранным...

— В каждом рейсе я надеюсь ее увидеть...

И все остальное...

— И верите, что это когда-нибудь произойдет?

— Мечтать не вредно, — со значением улыбнулась она ему и перевела мечтательный взгляд в иллюминатор.

Нос, может быть, чуть-чуть курнос... И румянец ярок, даром что естественный... Отдает орловщиной...

— Верить мало, надо еще иметь хорошую опору, — он тем не менее окинул ее общим поощрительным взглядом...

Мужчине показалось, что в глазах стюардессы мелькнул отклик взаимопонимания, но тут кому-то приспичило в медвежьем углу салона, кнопка вызова дала о себе знать.

— И так всегда! — ничуть не удивившись, сказала девушка. — Извините...

А Баринов не стал делать намеков на возможность дальнейшего продолжения беседы. К чему? Стюардесса как стюардесса. Значит, не очень-то и понравилась. Он еще раз кинул взгляд на фантастический вид за окном, от которого его оторвали ложные прелести стюардессы, — закат уже начал окрашивать снежные вершины в нежно-розовый цвет, — и снова уткнулся в многочисленные бумаги. Убедившись, наконец, что все по его линии в порядке, он аккуратно сложил листы в фирменную папку с логотипом «Спорткомитет СССР», сунул ее в портфель и с хрустом, который не вселил оптимизма, потянулся за текшими членами: в конце концов, не исключено, что в Непале ему предстоит несколько дней смертельной скуки. Так что не стоит особо привередничать...

В Катманду Баринову понравилось. По крайней мере, здесь он не испытывал чувства глубокого стыда за свою страну, как на Западе. Глядя из окна автомобиля на грязные улочки, на которых могли разминуться разве что два гру-

женных торбами ишака, на немногочисленных прохожих, одетых в живописную рванину — мечту сгинувших в небытие хиппи, он наконец-то ощущал себя по-настоящему «белым человеком». Все так необычно, так непохоже на цивилизованную Европу. Да и Москва по сравнению с этой высокогорной дырой Европе дышала в затылок. И повсюду — ладно бы только в храмах! — эта не испаряемая, обволакивающая, настраивающая на философский лад эссенция Вечности, стойкости аромата которой может позавидовать самый дорогой парфюм.

Мужчина, встретивший его в аэропорту и далее не отходящий ни на шаг — то ли переводчик, то ли агент местного КГБ, довольно увлекательно рассказывал о местных традициях и обычаях. Был он высок, худ и лыс, звался Лахтья, прекрасное знание русского объяснял учебой в одном из московских университетов, в каком — Баринову добиться так и не удалось.

По гостинице внаглую бегали тараканы, а когда он попытался мягко указать на этот казус принимающей стороне, Лахтья намекнул, что они приближенные Вечности.

От такого бреда представитель спорткомитета развеселился, сделал неофициальное приглашение Лахтье посетить Россию на предмет ознакомления последнего с приближенными к вечности уездных отелей, описанных, если тот помнит, еще Николаем Васильевичем Гоголем. И хотя все расходы за этот тур принимающая сторона брала на себя, Лахтья ответил вежливым отказом, ссылаясь на то, что несколько лет прожил в общежитии все того же безымянного московского университета. Фамилия Гоголь не вызвала у него никаких ассоциаций.

Далее. Пить воду из кранов запрещалось — да он и сам бы на это решился исключительно под угрозой смерти, у уличных торговцев не рекомендовалось что-нибудь есть без разрешения. Но все искупалось — и Баринов мог поклясться в этом! — какой-то невероятной аурой, которая сквозила отовсюду. Шамбала где-то близко — казалось, здесь любой знает дорогу туда, но чужакам вроде него она заказана.

Подписание соглашений, которое циничный Баринов окрестил про себя «на уровне дворовых команд» прошло гладко, впрочем, никаких трудностей и не предвиделось. Король на официальном приеме по случаю подписания не присутствовал — по официальной версии, занемог, отделались одним из принцев — неспортивного вида молодым человеком в национальных одеждах и с европейскими манерами. Принц на хорошем английском говорил о том, как важно сотрудничество между Непалом и СССР, в том числе и в области спорта.

Трудно было не согласиться, все выпили по бокалу «Советского шампанского» и разошлись.

— Что собираетесь делать завтра? — спросил Лахтья в машине.

— Тараканов морить! — хотел бы ответить Баринов. — Затрахали, окаянные...

Но статус не позволял. И он ответил по-восточному дипломатично:

— А чтобы вы порекомендовали?

— Если у вас есть в запасе два-три свободных дня, могу предложить одно очень увлекательное путешествие...

У Баринова что-то екнуло. Он грешил на селезенку...

...Автомобиль оставили в маленькой горной деревушке километров в ста от Катманду, и дальше пошли пешком. Сначала по едва заметной тропинке, отполированной на камнях босыми ступнями, потом и она сошла на нет. Все выше в горы... Карабкаться приходилось, хватаясь руками за острые камни и чахлые колючие кустики.

«Уж не в Шамбалу ли он меня все-таки ведет?» — мелькнула в голове возвышенная над уровнем моря мысль.

Но другая, менее приземленная, потеснила ее к крутизне:

«Конец ботинкам... И костюму тоже... Когда теперь в Англию поеду?.. И главное, в чем?»

Наконец они оказались у входа в пещеру, где их уже дожидались два монаха с невозмутимыми лицами. Они что-то негромко сказали Лахтье, тот повернулся к Баринову, перевел:

— Вам повезло. Учитель согласился вас принять.

— Дуракам везет, — пробормотал Баринов.

Монахи нырнули в провал, Баринов и Лахтья — за ними. Сначала разница температур прибавила бодрости, но с каждым поворотом температура уходила в минус хоть по Цельсию, хоть по Фаренгейту.

Холод пробирал до костей, факелы отбрасывали на стены неуклюжие замороженные тени. Они петляли по узким коридорам так долго, что Баринов уже потерял счет времени. Такое странное чувство он испытывал только раз в жизни — в Египте, когда спускался в пирамиду. Знаешь, что стены эти стоят тысячи лет, но почему-то уверен, что именно сейчас, именно на тебя-то они и обрушатся.

— Сейчас этот проход открыт, а это бывает только раз в год, всего несколько дней. Через пару недель опять его перекроет лед...

— Чувствую себя сказочным героем, — соврал Баринов, на самом деле ощущая, как его некогда безукоризненная рубашка, которую на входе в лабиринт было хоть выжимай, прямо на теле покрывается тонкой пленочкой кристаллизующейся H_2O .

— Не для всех миф становится реальностью, — многозначительно произнес Лахтью.

«Реальность, в данном случае, двустороннее воспаление легких», — подумал Баринов.

В конце тоннеля забрезжил свет. Они вышли в просторную пещеру с ритуальным костром посередине. Вокруг костра в смиренных позах разместились послушники, а на каменном выступе у стены, словно на троне — нет, это и был созданный Вечностью и символизирующий ее незыблемость безо всякого наносного золота-серебра трон! — восседал учитель. Его лицо скрывал полумрак, но, судя по очертаниям высохшего тела, был он, ох, как немолод! Почему-то представлялось, что ему далеко за сто. Далеко-далеко. Если вообще ребячьи мерки Баринова здесь уместны...

Лахтья сложил руки в ритуальном приветствии и поклонился. Баринову, не предупрежденному этим мудаком — не к месту будет сказано, но другого слова не подберешь! — как подобает себя вести и что делать в подобной ситуации, не оставалось ничего иного, как неловко собезьянничать. Проскочило! По крайней мере, взашей не выгнали, камнями не закидали, палками в отбивную не превратили. А что?! Кто знает, что у них на уме и чего от них ждать?!

По крайней мере, он, Баринов, не знает. Инструкции, полученные им на ковре в Москве, были лаконичны и не подразумевали лишних вопросов. А когда получаешь указания, на таком уровне любой вопрос некстати. Даже головой кивать, мол, так точно, понял — запахло. Если ты такой несообразительный, то, какого хрена здесь болтаешься?! В кругу таких сообразительных?

— В Катманду к вам подойдет человек, назовет вас Барином. Вы поправите его. Человек извинится, но повторит ошибку...

До сих пор к нему так никто и не подошел.

У Лахтью хватало образования без запинки величать его «господин Баринов».

Он уже начинал дергаться, но перед отлетом его напутствовали коротко и ясно:

— И не гони там волну...

...Учитель величаво кивнул, окинул Баринова вынимающим душу взглядом — или это у страха глаза велики?! — начал говорить размеренно, монотонно.

«Гипнотизер, похоже, — решил Баринов. — Экстрасенс. Наш Кашпировский ему, поди, в подметки не годится».

Похоже, он не ошибся. Учитель смотрел прямо перед собой, адресуя слова всем присутствующим. Его плавная напевная речь словно бы погрузила присутствующих в транс, послушники согласно кивали головами, и Баринов вдруг заметил, что следует их примеру. Хотя и понимал-то через пень-колоду, смутно улавливая бормочущий скорогово-рочный перевод Лахтью.

— ...время, отпущенное для нас, пятой расы, — бубнил над ухом тот, — истекает. Шестая уже зародилась, теперь мир будет принадлежать ей. И все, что несет смерть для пятой, — будет благом для шестой. Непосвященному, простому человеку понять это трудно. Великое движение не остановить. И только избранный идет этим путем, сея смерть, ради всходов новой жизни...

За проповедью последовала безалкогольная трапеза. Не есть совсем Баринов не мог — этикет, эти его мать! Поэтому прилежно надщипывал предложенные ему блюда, с единственной мыслью в какой-то похмельной голове: «Приеду в гостиницу, надо водки выпить. И побольше. Глядишь, только поносом отделаюсь...»

— А вы действительно из России? — спросил Учитель, когда его подвели для ближайшего ознакомления к трону.

Что говорить-то, пропади ты все пропадом?! Ну, Лахтью! Ну, тварь экземная! И тут Баринова осенило: да лепи, что ни попадя! Переведут, как надо. И ему, и тебе. Так что будь спок!

И такой у него в общих чертах вышел с Учителем диалог:

— А что, не похож?

Учитель покачал головой:

— У вас же добрые глаза...

— У большинства русских такие, если учесть, что глаза зеркало души, — нашелся Баринов.

Интересно, Лахтья об этом разговоре только в местные «органы» доложит или в российские тоже? Зачем его только понесло на эту встречу... Знал бы, не ходил.

— Россия — это страна, которая все время с кем-то воюет...

— Это от безысходности. Мы мирные люди, но наш бронепоезд... — продекламировал он. Из песни, как известно, слова не выкинешь.

— Надо, чтобы мир очистился от скверны для таких мирных, как вы. Войны, эпидемии, наркотики — все это закономерно...

Спускаться всегда труднее, чем подниматься. Солнце завалилось до следующего утра в какой-то скальный мешок и остроугольные камни, которыми будто специально была выложена тропинка — своеобразный камертон, определяющий гармоничность состояния души пообщавшегося с Вечностью! — отливали суточными пятками покойника.

Баринов, пуская мини-камнепады, шел впереди, Лахтя, как горный козел, ловко перескакивал с булыжника на булыжник.

«Козел — он и есть козел, — сердился Баринов. — Без разницы, горный или степной...»

— Не оступитесь, Барин, — неожиданно проявил повышенную заботу Лахтя. — Ущелье глубокое...

Баринов даже решил, что он нарочно сказал под ногу. Потому что тропинка под ним поехала так стремительно, набирая скорость, что Лахтью пришлось ухватить его за выбившуюся рубаху, если не на грани, то на краю. Он лишился дара речи, в который раз, за сегодняшний день, столкнувшись с Вечностью, притормозив на излете...

И все-таки у него хватило пороху, стараясь высвободиться из цепкой руки Лахтью, попытаться свести все к шутке:

— Какой я вам барин? Заговариваетесь, уважаемый! У нас в стране, как вам должно быть известно, все баре в семнадцатом году перевелись...

— Сами по себе? — уточнил Лахтью. — Как скажете, Барин. Только с культурной программой пора заканчивать... — ...Решено. Все поставки из Золотого треугольника пойдут через вас. И не только в Европу...

Этого разговора Барин ждал уже давно. Не с Лахтью, так с кем-нибудь другим. Ждал и боялся. Потому что хорошо усвоил: вход в систему стоит рубль, а вот выход...

Он даже боялся об этом заикнуться. Но мысль выйти сухим из воды становилась все назойливее да и актуальнее тоже. Мир менялся, железные занавесы превращались в дымовые завесы.

В последнее время Фонд «Здоровье и спорт» и так приносил Барину достаточно дохода, а вселенские планы Учителя грозили подорвать с таким трудом достигнутое благополучие. Он закидывал удочки по своим каналам, как бы обойтись малой кровью, и это, судя по всему, не прошло незамеченным. Однако приняло совершенно противоположенный оборот. В своей заоблачной Тмутаракани они отказывались считаться с реальностью.

Лахтью, вместо того чтобы ослабить гайки, пытался нарезать новую резьбу.

— Еще виски? — любезно предложил Барин, пытаясь выгадать время и по ходу сориентироваться, как вести себя дальше.

— Не стоит, — русский язык Лахти на глазах становился значительно лучше, а взгляд жестче.

— Значит, перспектива заглотить все регионы? Оно, конечно, заманчиво. Но...

— Вечно это ваше русское «но». А без него никак нельзя обойтись?

— Можно, но...

— Черт с вами, — безнадежно махнул рукой Лахтью. — Хотя начинать с «но» на мой взгляд, не слишком перспективная затея...

— Как насчет несварения желудка? — поинтересовался Барин. — Не слишком ли жирно?

— Жизнь коротка — сначала съешь десерт, — с чисто восточной философией коротко и ясно изложил свою точку зрения Лахтью...

— Мне ваши десерты уже давно поперек гор-ЛЭ...

— Мы это заметили, — сказал Лахтью.

И Барин осекся. Завертел головой, как бы в поисках поддержки, и не нашел ничего лучшего, как сказать:

— Я старый, уставший человек...

Отрицаний не последовало.

— И это тоже, — буднично констатировал Лахтью.

Повисла тупиковая тишина, и Барин вдруг отчетливо понял, что она грозит затянуться на веки вечные...

— Вы меня неправильно поняли, — несколько поспешно, чтобы оставаться в седле, — сказал он. — Я имел в виду...

— Правильно, — пресек дальнейшие излияния Лахтью. И снисходительно взглянув на Барина, разрядил обстановку: — У вас будет хороший помощник. Я вам его сейчас представлю.

Барин даже не стал корчить мину, хотя игра откровенно сложилась не в его пользу:

«Пронесло, — облегченно выдохнул он внутри себя. — А ведь был на волосок! Эти басурмане и хоронить бы не стали. Выбросили труп на помойку за базаром, мимо которого проезжали, собаки с ним в два счета разобрались бы, косточку на косточке не оставили...»

И потянулся к стакану.

Лахтья тем временем набрал номер, что-то сказал по мобильному телефону, и через пару секунд в комнату вошел невысокий коренастый мужчина средних лет.

— Разрешите представиться, Толстой, — наигранно церемонно поклонился он Барину.

— Лев Николаевич?..

Шутка вышла плоская, как местная лепешка на журнальном столике. Он это почувствовал, и ему еще больше захотелось в гостиницу к тараканам.

— Ну что вы, не дорос, — отмахнулся вновь прибывший. — Просто, псевдоним такой нескромный...

— Кличка, значит, — делал жалкие потуги наверстать навсегда упущенное барство Барин. — Виски будешь?..

Даже сверху было заметно, как изменилась за эти годы Москва. Ладно, разрослась — оцетинилась игольчатым ежиком небоскребов. Фил с жадностью интуриста смотрел на город, и на душе кошки скребли. Нагадить там они давно уже успели...

Багаж он не сдавал, и, быстро пройдя паспортный контроль, устремился к таможне, оглядываясь по сторонам. Аэропорт мало изменился. Постарел немного, осунулся, как и он сам. Обветшал, правильно сказать по-русски. И смотрелся удручающе провинциально, в отличие от него самого — не удер-

жался и сам себе польстил Фил. На него накатила теплая волна безмятежной ностальгии.

Декларировать ему было нечего, но в беспыльчатой надежде он выкручивал вытянувшуюся гусиную шею, и ведь углядел, в конце концов, под вывеской «Красный коридор» то, что искал. Больше того, даже не особо удивился случайному совпадению. Настолько был уверен, что так оно должно и быть. Фил устремился к стойке:

— Наташа!

Она просматривала вещи очередного пассажира, оторвала глаза от монитора и часто-часто заморгала.

Если пассажир был контрабандистом, то ему крупно повезло.

Сюрприз так сюрприз, — захолонуло в душе, подумалось радостно: лучше бы он не появлялся! По крайней мере, для нее — точно. Ей не хотелось новых осложнений в жизни, которая лишней раз доказывала, что покой нам только снится. Хотя ей он особо и не снился. Доползая с работы до дома, она последние силы отдавала в распоряжение Темы и вырубалась без сновидений до следующего трудового утра. А если таковые и навевались с субботы на воскресенье, то, чего греха таить, непременно в лице Фила Маковского на фоне дымки Средиземного моря, который счастливым солнечным буйком маячил сейчас перед ней собственной персоной.

— Фантастика! — Филу дела не было до остальных пассажиров, которых он, походя, оттеснил от стойки, заняв, как казалось, свое незыблемое место. — Вы знаете, Наташа, летел в самолете, и все время думал о вас. Даже загадал: если увидимся — все будет хорошо!

— Что, хорошо? — она видела, что он тоже искренне рад и все таможенные формальности сами собой стали казаться ей пустыми хлопотами. Хотя, как это говорится: глаза боятся, а руки делают? В данном случае, ее глаза, нет, не боялись, опасались встретиться с восторженным взглядом Фила, тем не менее встречались, чтобы снова стусеваться и уткнуться в монитор просвечивающий все и вся насквозь.

Отлученная от стойки безалаберным в своей непосредственности Маковским, пожилая американская семейная пара, в смиренном ожидании наслаждалась происходящим: трогательная молодость...

— Да все хорошо! Например, вы согласитесь повидаться со мной завтра?...

— Завтра? — повторила она, несколько ошарашенная этим кавалерийским наскоком, при этом все же успев подумать: а почему не сегодня?! Не слишком-то он соскучился! — Дайте сообразить...

— Я уже сообразил. На спор, вы давно не были в Большом театре!..

— Давно...

Ах, как захотелось ей в Большой театр! Как никогда в жизни! Больше всего на свете! Даже если он закрыт на пожизненный капремонт...

— Тогда в полседьмого, жду у шестой колонны!

— Слева направо? — засмеялась она.

— Там видно будет!

На лихом коне Маковский подхватил свои вещи и победным аллюром умчался к выходу.

— Очень экспансивный молодой человек, — одобрила Наташу пожилая американка, подавая свои и мужа документы...

— Явился, не запылится, — прищурился Волков, когда она отпрашивалась с работы пораньше.

Наташа понимала, что ее просьба имеет легкий привкус садизма, но врать напропалую, выдумывая несостоятельную уважительную причину, совсем уж не хотелось. И чтобы хоть как-то смягчить ситуацию, она произнесла какую-то замутненную фразу типа:

— В интересах дела...

— Ну, если в интересах дела, — пошел навстречу начальник.

И зачем-то пообещал позвонить сразу после спектакля.

Она долго решала, что надеть, даже с Темкой советовалась, так стопудово, выражаясь языком сына, и не решив для себя: на свидание идет или все же втираться в доверие к подозрительному типу.

Но свидания хотелось больше.

Опоздала немного, как принято. Если это до сих пор принято. Он уже стоял, подпирая колонну, в своем отменном костюме, безукоризненно подчеркивающим атлетическую фигуру. В руках у него была одна-единственная алая роза на длинном-предлинном стебле. Таким предлинном, что когда он преподнес ей ее, стебель чуть ли не упирался в асфальт, как посох. И завистницы вокруг злорадствовали над пиковой ситуацией, но Фил галантно, будто так и было задумано, обломал неподатливый стебель, уколол палец о шип. Капельку крови в цвет розе он промокнул белоснежным платком и завистницы, наблюдавшие за его манипуляциями, чуть не попадали от зависти. После этого он предложил ей руку, и они стали подниматься по ступеням, провожаемые взглядами...

И на кой он нес всю эту околесицу насчет медальона?! И вообще, на кой...

Давали «Сон в летнюю ночь», новый балет, ради которого постановщика — она где-то читала — выписали из Германии. Выписали не зря, спектакль превзошел все ожидания, а Цискаридзе танцевал так, что казалось, законы гравитации ему неведомы. Наташа давно не получала такого удовольствия. Так и сказала Филу, когда в антракте он спросил, понравилось ли ей. Он победно улыбнулся — то ли еще будет! — и повел ее в буфет — шампанское пить.

— Здравствуйте, Наташенька! — прозвучал вдруг над ухом мягкий вкрадчивый голос.

Она буквально поперхнулась зловредными пузырьками того самого настоящего шампанского с черной этикеткой и надписью «Советское», которое еще сохранилось, пожалуй, только в буфете Большого театра. За спиной стоял Баринов, в черном костюме с бабочкой, в компании мордатого качка — то ли телохранителя, то ли прихлебателя...

— Ох, Игорь Иванович, испугали! Здравствуйте, — без особой теплоты поздоровалась Наташа.

— А я думаю, вы это или не вы, — он явно не спешил уходить, хотя говорить было откровенно не о чем.

— Я, — сказала Наташа, у которой от его присутствия сразу как-то испортилось настроение. Никогда он ей не нравился — ни в детстве, несмотря на подарки, которые привозил из-за границы, ни сейчас, когда иногда звонил и совал нос в ее дела. Вот и сейчас:

— А у вас новый кавалер... — Баринов окинул Фила снисходительным взглядом, насколько это можно умудриться сделать снизу вверх...

— Мы просто давно не виделись, — попыталась осадить его Наташа. Но этому человеку было недоступно чувство неловкости:

— Познакомили бы...

— Филипп Маковский, — вынужденно представила Наташа своего спутника, хотя ее так и подмывало бестактно спросить: зачем?

— А это господин Толстой, — заезженно представил Баринов своего. — Не Лев Николаич, конечно...

Несколько дальнейших ненужных слов окончательно скомкали антракт, если не в целом впечатление о спектакле. По крайней мере, у нее. На Маковского они, похоже, не произвели такого уж тягостного впечатления. Во всяком случае, он с неподдельным интересом расспрашивал, кто они такие, когда провожал ее до дому.

В продолжение темы, «на чашечку кофе» Фил напрашиваться не стал. Может, сообразил, что это не тот случай, когда надо форсировать события. Или вспомнил, что Тема, делами и здоровьем которого он не преминул поинтересоваться, давно уже спит и наслаждается радужными снами. Зато предложил встретиться завтра, послезавтра, в выходные...

А наутро этот тягомотный разговор с Волковым, который самой же и пришлось начать. Полнейший идиотизм на грани отчета о проделанной работе.

— Встречайся! — пожал плечами Волков. — Что я могу еще сказать?..

Следующее свидание вышло немного странным — к удивлению Наташи, вместо театров и ресторанов Маковский пригласил ее на байк-шоу. Подкатил к ней домой на какой-то старой БМВ третьей модели (одолжил у приятеля — сказал с какой-то даже гордостью) — наши машины до такого почтенного возраста доживают разве что в музее, а эта резво летела по подмосковным ухабистым дорогам куда-то в сторону Загорска, где в чистом поле рядом с какой-то речушкой состоялся слет байкеров. Наташа удивилась, когда у Фила обнаружили там приятели — да еще с такими странными именами, как Рыжий, Слон и Хирург. Выглядели они под стать своим именам — здоровые волосатые ребята в традиционной байкерской одежде. Маковский, со своим заграничным слегка небрежным лоском, в этой компании выглядел странно, но, видимо, никакой неловкости не испытывал, и сразу погрузился в какие-то недоступные Наташиному пониманию разговоры про сцепления, свечи и сравнительные характеристики «Дукати» и «Харлей Дэвидсонов»

— Позже, когда они стояли и смотрели на лихие гонки, Фил поделился с Наташей своими мыслями:

— Меня всегда тянуло к этим отчаянным лихим ребятам. Еще тогда, в семидесятые, я часто гонял с ними по ночной Москве. Но байкера из меня не получилось, — последняя фраза прозвучала с неподдельной грустью, и Наташа взглянула на него изучающее. «И что он от меня хочет»? — подумала она. Вроде бы не то, что пытается понравиться, скорее, просто получает удовольствие от времяпровождения и надеется, что ей тут тоже хорошо. Наташе нравилось — атмосфера свободы и бесшабашности, люди, сознательно забывшие о всех проблемах, кроме состояния своего двухколесного друга. Как это было далеко от ее собственной жизни! Впрочем, не так уж и далеко — опытным взглядом Наташа заметила в толпе явно пребывающих под кайфом товарищей. И сразу насторожилась — все подозрения по поводу Маковского возникли с новой силой — зачем ее сюда привез и зачем вообще обхаживает — а вдруг и

правда на таможенно выходные ищет? Так что ко времени заключительного шоу — с музыкой и фейерверками — настроение у нее окончательно испортилось. Фил радовался взрывающимся ракетам как ребенок, а она глядела на него и никак не могла решить — что же он за человек и зачем ей все это надо?

Маковский перемену в настроении уловил и по дороге домой с разговорами не навязывался, словно предоставляя ей самой возможность решать и делать выводы — только поглядывал иногда в ее сторону эдаким мужским взглядом, от которого у Наташи сердце сразу проваливалось куда-то очень глубоко.

Провожая до подъезда, вдруг спросил:

— Наташа, вы хоккеем любите?

— Хоккеем? — растерянно переспросила она. — Темка любит.

— Отлично, значит, возьмем с собой Темку. Завтра у «Спартака» очень ответственный матч, я вас приглашаю.

Вряд ли Мартин мог выбрать лучшее место для знакомства с московской ночной жизнью, чем этот клуб. Не то, чтобы в центре, и не то, чтобы сильно раскрученный, но те, кто про него слышал, — стремятся сюда попасть и остаются его постоянными посетителями. В меру стильный, в меру уютный — редкое сочетание, поскольку в основном модные клубы, оформленные именитыми дизайнерами, именно чувством меры и не отличаются: поражают размахом и бестолковостью, как настоящий бокс разнится с кулачными боями, затеянными на городских и деревенских ярмарках.

Здесь вкусно кормили, было, где потанцевать и что называется просто оторваться, музыка звучала живая и электронная... Тусуйся, кому не лень!

Хочешь в общем зале, хочешь в отдельных кабинетиках. Бизнесмены и бандиты, депутаты и актеры, проститутки и семейные пары, культуристы и наркоманы, иностранцы из дальнего и ближнего зарубежья — здесь все к месту, всем здесь рады. Здесь ведутся переговоры, проматываются шальные и просто деньги, заводятся нужные знакомства, демонстрируются лучшие модели от русских кутюрье...

Мартин, приветливо встреченный администратором, выбрал столик в затемненном уголке, пока эти уютные места еще не разобрали, открыл карту вин и содрогнулся: таких цен он не видел нигде и никогда. Хотел было заказать стакан минеральной воды, но поймав изучающий взгляд официанта, передумал и попросил martinini — в качестве аперитива. Цены в меню оказались столь же устрашающими, как и на напитки, и, дабы набраться мужества, объявив, что сделает заказ попозже, Мартин принялся изучать зал. Алевтину он заметил сразу же — не заметить ее было трудно, взгляды большинства мужчин из любой точки зала упирались как раз на нее. В жизни она была еще ярче, еще привлекательнее, чем на пленке, и, к тому же, излучала некий особый сексуальный магнетизм, который даже потомственного импотента не мог оставить равнодушным. Зная про себя все, она сидела за столиком в одиночестве и неторопливо потягивала минералку — «Дом Периньон» ей еще закажут, — наблюдая за пианистом на сцене. Судя по тому, что он тоже частенько на нее поглядывал, они явно были знакомы.

Мартин подождал немного, размышляя, как лучше начать знакомство, вздохнул обреченно, подозвал официанта и попросил отнести бутылку именно «Дом Периньон» (а другого не придумаешь) даме вот за тем столиком. Офи-

циант понимающе улыбнулся и исчез, а минуту спустя появился рядом с девушкой уже с бутылкой знаменитого французского шампанского. Алевтина сделала обязательный вид, что удивилась, улыбнулась снисходительно, кивнула Мартину в знак признательности, окинула новоиспеченного поклонника изучающим взглядом и благосклонным жестом пригласила за свой столик разделить тет-а-тет.

— Вы давно в Москве? — Алевтина прекрасно говорила по-английски.

— Всего пару дней. Удивительный город...

Все так же жестом, она перебила его:

— Когда здесь живешь, этого, увы, уже не замечаешь. Вы турист?

— Нет, бизнесмен. Пытаюсь купить орловских рысаков для одной коневодческой фермы...

— Лошади...

Девушка запнулась — эта тема была ей мало знакома, но моментально нашлась и посмотрела куда-то вдаль, мимо Мартина, где она уже, кажется, гарцевала на породистой кобыле: — Как это прекрасно... Всегда мечтала научиться кататься на лошадях...

Их завязавшуюся было беседу не к месту прервал пианист. На какое-то время он исчез со сцены и сейчас вынырнул откуда-то из-под кулис. Фривольно присел за столик, нимало не обращая внимания на иностранца, притянул Алевтину вместе со стулом поближе, жарко зашептал, чуть ли не в ухо:

— Слушай, Алька, вот поперло! Есть маза сдать, все оптом. Лавэ чуть поменьше, но зато без головной боли. Вписываемся?

Алевтина, будто извиняясь за бестактность своего друга — лабух, что с него взять?! — улыбнулась Мартину и посмотрела на часы:

— Сдавай, Маркуша, я через полчаса все равно уеду...

— Как уедешь? А обмыть сделку? — недовольно заворчал тот. Потом повернулся к Мартину, посмотрел ему прямо в глаза и сказал уже достаточно громко:

— Заодно и приятель твой новоиспеченный поучаствует, о'кей?

— What? — переспросил Мартин Алевтину. Она махнула рукой: ничего, мол, страшного и раздраженно процедила шкодливому музыканту:

— Вали отсюда, а? Займись делом.

Тот понимающе кивнул, убрался обратно за кулисы. Там его уже поджидали. Но не покупатели, для которых он заготовил приличествующую улыбку, а два дюжих недобрых молодца в пиджаках и при галстуках. К тому же явно чем-то недовольных. Один стоял у зеркала и с вялым интересом изучал гри머ные принадлежности, другой сидел в кресле и смотрел в никуда прямо перед собой. Марк-Антон явно не ожидал их тут встретить, и рыпнулся, было, обратно к двери, но тот, что в кресле, молниеносно вскочил и преградил ему дорогу:

— Ишь, какой приткий лабушок, — начал он тихим монотонным голосом. — Погодь-ка! Ты в школе топчешься, там и маркуй. А не хватит — мы тебе подсыплем...

— Да вы что, мужики, — вся бравада мигом слетела с Марк-Антон, — в школе в два счета заметут!

— Кому ты на фиг нужен, Марк-Антон? Кстати, кто тебе такой звонкий псевдонимчик заман-дядил?

— Марк-Евангелист, библию писал, — от страха на полном серьезе принялся объяснять Марк-Антон. — Антон Павлович Чехов — пьесы...

— Ты нам фуфло не вкручивай, не ты один в школе маялся!

— Я и не думаю, — лебезил пианист, — то и другое в одном флаконе. Для куража песни пишу...

Объяснение вышло совершенно невразумительное, и тот, что стоял у зеркала, решил, что лабух над ними насмехается.

— Что ты тут гонишь? — в руках он вертел коробочку с тональным кремом. — Пьесы... Песни... Здесь тусуешься... Ты нас, похоже, кидаешь! Ты на кого работаешь, сука?..

Крем полетел с такой изуверской силой, что пластиковый тюбик треснул, и его содержимое осталось на стене, сплошь залепленной разномастными афишами и фотографиями, тошнотным мозговым потоком в районе бакенбарда Филиппа Киркорова. Во избежание подобной участи Марк-Антон вздрогнул и отшатнулся.

— Ну, вот что, лабух! Иди, трудись пока, а закончишь — мы с тобой по-другому потрещим... — сказал другой бандит и посторонился, выпуская Марка на сцену.

Стоит ли говорить, как игралось Марку весь оставшийся вечер?..

Медленно и печально переминались на площадке несколько пар. Мартин склонился к Алевтине:

— Леди не желает потанцевать?

Алевтина покачала головой.

— Леди при делах. А джентльмен ее отвлекает, — она тревожно смотрела на Марк-Антон, пытаясь понять, что с ним произошло.

— Неужели леди... обычная проститутка? — разочарованно спросил Мартин и слегка отодвинулся.

Девушка улыбнулась.

— Леди не может быть проституткой. Только незаурядной шлюхой...

Она вдруг вскочила со стула, потянула Мартина за руку, увлекая на танцевальный пяточок. Закинула ему руки на шею, прижалась плотно, всем телом.

— Незаурядной шлюхой? Чем же она отличается от заурядных? — подхватил игру Мартин, продолжая муссировать тему.

— Сейчас почувствуешь...

Алевтина увлекла его ближе к эстраде, пианист кивнул ей едва заметно. Мартин взял это на заметку. «Надо бы с ним побеседовать, — решил он, — но это как-нибудь в другой раз...»

Алевтина прижалась к Мартину еще плотнее.

— Кажется, я начинаю чувствовать...

— Вот видишь! Заурядная шлюха имеет мужиков без разбора, а моего класса — выбирает с претензией...

— Значит ты претензионная шлюха...

Она взглянула на него с интересом:

— Ты быстро схватываешь суть...

— У тебя хороший вкус, — теперь уже Мартин прижался к ней всем, чем можно.

— Не возбуждайся, — Алевтина слегка отстранилась. — Я тебя еще не выбрала...

— Я смотрю, вы коварная леди... — они продолжали кружиться в медленном танце.

— Леди живет в коварных джунглях, — прошептала она, вновь придвигаясь ближе некуда.

Мартин демонстративно огляделся по сторонам.

— Но эти люди совсем не похожи на монстров...

— Джентльмен не знает России, он слишком трезв для этого...

Внезапно Алевтина прервала танец и буквально подтащила Мартина обратно к столику, наполнила фужер до краев непонятно откуда взявшимся черносмородиновым «Абсолютом», протянула своему кавалеру:

— Попробуйте, таким образом...

Тот сделал несколько пустопорожних глотательных движений:

— Я должен все это выпить сразу?..

— Да, залпом...

Он отрицательно замотал головой:

— Может, есть другой способ?

— Любовь? — она маняще улыбнулась. — Или кокаин? Что предпочитаете?

— Пожалуй, — Мартин тоже улыбнулся, — начнем с чего попроще...

— Это не ко мне!

— Тогда я выбираю любовь... — он потянулся к девушке, но та выскользнула из его объятий. Протянула ему визитную карточку:

— Да, старик, с чувством юмора у тебя плоховато. Типичный янки. Позвони, ходок...

Она направилась к выходу, кинув прощальный взгляд на Мартина и еще один — на Марк-Антонна.

Мартин посмотрел на удаляющуюся девушку, ее плавно покачивающиеся бедра и рассыпавшиеся по плечам светлые волосы, поднял фужер, сделал маленький глоток и поморщился, уткнувшись в счет, любезно предоставленный на серебряном подносыке подоспевшим официантом:

— И это они называют чувством юмора...

Он покачал головой, расплатился и тоже направился к выходу.

Успел заметить, как Алевтина садится в машину с неровно посаженной синей мигалкой на крыше. Номер он запомнил автоматически и с чувством выполненного долга отправился в гостиницу. Спать. Разница во времени — самое сильное снотворное...

По ночной Москве мчался уже известный нам старенький БМВ, за рулем которого сидел Маковский. Он был полностью погружен в какие-то непонятные мысли. Пролетел на красный свет, подрезал чей-то черный «Мерседес». То ли вспомнил, что в Москве, если ты смелый и у тебя есть, что предложить ментам, правила дорожного движения соблюдать необязательно, то ли просто очень спешил. Встреча ему предстояла важная, но думал он не о ней — то вспоминал Наташу, то собственную семью. Постепенно воспоминания переносились все дальше, к тому времени, когда умер сын и все в жизни пошло по-другому. Лицо Фила становилось все мрачнее, скорость старенького автомобиля — все быстрее. Фил достал телефон:

— Привет, Кот... Я сейчас еду в «Луксор», знаешь, где это?

— Найдем...

— Подстрахуйте меня.

В полном миноре закончил программный вечер Марк-Антон.

«Трещать» с братвой, знамо дело, не хотелось. Он-то что, он человек маленький, ему дали — он продает. А кому сколько — это пусть там между собой разбираются, ему бы себе на «дурь» заработать и всех дел. Так нет же, нашли стрелочника...

А мы эти стрелки возьмем и переведем! Точно — переведем. Вместо того чтобы вернуться в примерную, Марк спустился в зал и пошел к выходу. Он был почти у крутящейся как нарядный детский волчок двери, вечно дающей под зад коленкой улыбающимся входящим и хохочущим выходящим, когда грозный голос окликнул его:

— Эй!

Он и не подумал обернуться, только ускорил шаг, а, достигнув вертушки, бросился бежать со всех ног. Преследователи не отставали, устрашающий топот их тяжелых ног отдавался неведомым до сей поры ревматизмом в ежесекундно ожидающей удара спине. До стоянки, где Марк припарковал свою машину, было еще ой как далеко. Марк-Антон совсем потерял голову от страха и сделал то, чего не делал еще никогда: выхватил пистолет, который выменял в лучшие времена за пару доз у окончательно сошедшего с катушек бывшего афганца. За те же деньги к нему прилагалась краткая инструкция: достал — стреляй. Круто развернувшись на ходу, изо всех сил пытаясь удержаться на предательски подгибающихся ногах, чтобы не схлопотать в придачу «асфальтовую болезнь», он трясущимися руками направил его на набегающую братву:

— Не подходи! Убью! Стоять всем!

Его истерические крики были слышны не только преследователям, но и всем в округе. Охранник у дверей клуба бросил недокуренную сигарету и неохотно направился в их сторону.

— Стоять всем! — орал обезумевший Марк.

— Стоим, братишка, стоим, — примирительно произнес один из братков и даже поднял руки. Откуда ему было знать, что стрелять Марк не умеет, а пистолет вообще не заряжен?!

Дуло черное всегда.

Марк, уловив, что чувство страха присуще не ему одному, слегка успокоился и начал медленно отходить, грозя всем окружающим подрагивающим пистолетом. Охранник, который и так был на расстоянии выстрела, подумал-подумал и вмещиваться не стал. Марк отходил к своей машине, братки, как намагниченные, неуверенно продвигались за ним. Пятясь, пианист достиг компании байкеров, мирно покуривающих у своих мотоциклов и с нескрываемым интересом наблюдавшим за всей этой катавасией. Самый азартный из них даже крикнул ему:

— Да пальни ты по ним, чего тянешь кота за яйца!

На беду, они расположились как раз между Марком и его автомобилем.

— Пропустите! — не сводя глаз с преследователей, потребовал полуевангелист, полусказочник.

Байкеры подчиняться не спешили, им хотелось продолжения зрелища.

Браткам так бессовестно прилюдно бояться пистолета стало запаadlo, и они в любой момент могли ринуться в атаку. Неизвестно, чем бы дело кончилось, но к клубу подкатила очередная машина — довольно хорошо и долго обкатан-

ный «БМВ», водитель которой, по-видимому, не просек ситуацию и корячился, пытаясь припарковаться. В то же мгновение Марк метнулся к нему, рванул на себя дверцу.

— Гони! — заорал Марк водителю, тыча в него пистолетом.

— Что, машина нужна? — спокойно осведомился тот, не обращая внимания на приставленное к виску дуло.

— Они меня убьют, — голос носителя культуры в массы стал просительным и несчастным. — И вас тоже. Пожалуйста, поедем!

— Разве, что убьют, — задумчиво произнес водитель. — Поехали...

«БМВ» сорвалась с места.

Униженные и обозленные преследователи рассыпались по своим тачкам и устремились в погоню.

Не в меру азартным байкерам любопытен был финал, и они решили, что Маковский обратился к ним не зря. Мигом вскочив на своих железных коней, они сорвались с мест и понеслись следом.

Охранник, наблюдавший, как кавалькада растворяется вдали, вернулся к своей брошенной сигарете.

Логика людей на мотоциклах была такова: тем, кого преследуют, всегда однозначно хуже, а старым знакомым, по мере сил, можно и помочь. Радостно гогоча, они подрезали «братковские» машины, и достигли полной эйфории, когда одна из них, неудачно увернувшись, врезалась в фонарный столб.

С чувством выполненного долга, не дожидаясь ГИБДД и ответной реакции «братков», натужно сак-софоня на все трубные лады, они дернули в ночь.

— От кого бежим? — спросил сидящий за рулем Фил Маковский своего негаданного пассажира.

— От мафии, — ответил тот.

— Значит нам не по пути, — констатировал Фил. — Я как раз ищу встречи с ней.

— Это всегда успеется, — оценил юмор осмелевший Марк и оглянулся — их БМВуха неслась по ярко освещенной набережной Москвы-реки в гордом одиночестве.

— Уф! — с облегчением произнес Марк-Антон, к которому возвращался былой шик, промокая со лба пот, бесцеремонно вытащенной из бардачка салфеткой. — Спасибо, спасли!

Маковский покосился на него, хмыкнул, ожидая, что его вот-вот снисходительно потреплют по плечу.

— Не за что. Неплохо повеселились. Куда дальше ехать-то?

— В Центр.

— В Центр так в Центр, — легко согласился Фил, без предупреждения закладывая вираж. Не снижая скорости, он резко ударил по тормозам, отчего вылупившего глаза, не пристегнутого к сиденью Марка-Антоня неумолимая центробежная сила попыталась тут же вышвырнуть через лобовое стекло, и лишь изо всех сил вцепившись побелевшими пальцами в обивку, ему чудом удалось задержаться в салоне. Мушка, естественно, сбилась. Машина развернулась на сто восемьдесят градусов, застыла на какое-то мгновение, переваривая собственную прыть, и устремилась обратным курсом.

— Может, расскажешь, — как ни в чем не бывало поинтересовался Маковский, — из-за чего мы тут каскадеров изображаем?

Пианист переводил дух. К чести его надо заметить, восстанавливался он весьма быстро, Маковский был бы очень удивлен, узнав, что в его машине сидит музыкант.

— Много будешь знать, — непритязательно сказал Марк-Антон, по-свойски и уже в окончательном варианте переходя на «ты», — на тот свет от-грузят... Молоденьким...

— Столько, сколько знаю я, на десять покойников потянет.

— Да хоть на двадцать, — совсем уже неучтиво прервал его Марк. — Ты лучше рули...

Неприятная мысль к этому моменту посетила Марка и серебряной пулей застряла в воспаленном мозгу: чем же он будет расплачиваться с прибалтом?! Ведь не за здорово живешь он с ним кочевряжится?!

В том, что он имеет дело с пригнавшим на продажу «БМВ» и решившим слегка развезтись литовцем или латышом, Марк не сомневался ни минуты. Захаживали к ним в заведение такие. Денег в кармане было с гулькин... Ладно, пусть будет нос. Может, дозу ему предложить? Прибалты падкие на это дело. А у него как раз кое-что завалилось. Черт с ним, используем не по назначению. Из какой передряги вывез.

— Не поделили кое-что, — неохотно признался Марк. — Притормози здесь.

«БМВ» вильнула к парапету и застыла в нетерпеливом ожидании.

— Кстати, мужик, у меня с башлями напряг, не успел сделать обмен товар — деньги. Может, дозой возьмешь в счет услуги? Хочешь, на пару оттянемся?

— По-нят-но, — по слогам протянул водила. — Не-а, братан, я не по этому делу. В следующий раз отдашь. Будешь должен...

Откровенное пренебрежение звучало в его голосе. И Марк-Антон взвился: и что этот занюханный чухонец себе позволяет?! Пренебрегает им, брезгует. Ну, погоди, сейчас я тебя раздрочу! Ты на минуточку не перепутал, у кого пистолет в руках?!

— Тогда извини за компанию, — сказал он. — Я, ей-богу, хотел по-хорошему. Ты не оценил. Пусть будет по-твоему. По-плохому, значит. С песней вымечтайся из машины...

Пистолет снова был у виска Маковского.

— И не ерунди! Одно движение...

Бедный неудачник Марк-Антон! Это же не гаммы играть. Одно движение сделал Маковский. Резкое и неожиданное. Был пистолет — и нет его... в руке музыканта. Зато вот он — полновесно покачивается на ладони Маковского. Дальше как по нотам. Тот передернул затвор и убедился, что патронник пуст. Сказал закрывшемуся ладонями от предполагаемого удара пианисту:

— Засунь в задницу свой муляж. И вали отсюда!

Повторять было не надо.

Генерал Соколов жил и работал по «детскому» времени.

Будь то десять или двадцать два.

Соколов смотрел на часы, которые, как и президент, носил на правой руке, — надо заметить, в отличие от некоторых, привычку эту он приобрел заведомо раньше президента, хотя свою первоочередность и не выпячивал, — и констатировал:

— А время-то еще детское...

Когда на ежегодных профилактических осмотрах, которые и по сей день именуются препротивнейшим словом «диспансеризация», врачи спрашивали его:

— Как сон?

Он неизменно отвечал:

— Регулярный.

Медики скептически хмыкали и помечали в своих талмудах:

«Сон сбит».

Сегодня ночью генерал был крайне недоволен американцами, которые беспардонно тянули со своим заокеанским телефонным звонком.

— И так сон сбит, — ворчал он, кляня почему зря несуразную разницу во времени. — А почему бы им самим не остаться на ночь в офисе и не позвонить, когда здесь рабочий день?! Вечно мы в какой-то заискивающей роли. Агента, вон, своего прислали! Мало их без него у нас пасется...

Генерал слыл человеком старой закалки и американцам не доверял. Ни раньше, ни теперь. Он был воспитан на лозунге:

— Янки, гоу хом!

Так по-английски, который ему с грехом пополам все же удалось осилить, звучало пожелание:

— Попутного ветра в сторону дома...

А по-другому и не скажешь. Времена изменились, наступила эпоха сотрудничества на основе взаимного уважения. Только они дрыхнут там, а ты карауль их здесь...

Он вздохнул, подошел к кофеварке, налил кофе. Кофеварка была старая, еще из стабильного прошлого. Да и вообще все в кабинете было еще из тех уверенных времен. Внешне мало что изменилось. Разве что портрет на стене — вместо Дзержинского, которого генерал, несмотря на все последние исторические изыскания, глубоко уважал, Путин висит. А вот кофе хуже стал — раньше секретарша Анечка такой напиток богов забабахивала, какой нынче и в ресторанах лучших не подают. Генерал сел обратно в кресло, откинулся на спинку и предался ностальгии.

Приятные воспоминания нарушил американский звонок генерала Джексона:

— Добрый вечер! — сказал он с подчеркнутым американским дружелюбием.

— Добрый! — согласился Соколов. И не давая себе спуска, сразу перешел к делу: — Ваш агент очень неплохо поработал. Просто, о'кей! Кажется, мы взяли задругой конец цепочки. Машина, которую он засек, была предоставлена в распоряжение генерала Сатарова, важного таможенного чиновника из Душанбе. Мы начали его разрабатывать...

— Мы тоже не сидим на месте, коллега, — Джексон довольно хмыкнул. — Индус вывел нас на крупную разветвленную сеть. Скоро их можно будет брать.

— Давайтеждемся следующей поставки...

— Договорились. Кстати, что с Маковским? Как он себя чувствует?

— Отлично, — Соколов глубоко со смаком зевнул, прикрывая ладонью трубку. — Отслеживаем его контакты...

— Желаю удачи, держите нас в курсе. Ловко же устроился ваш «хоккеист»...

— Да уж...

На Соколова навалился новый приступ зевоты, которую не могла разогнать даже предполагающаяся улыбка генерала Джексона, все еще отдающая свежестью зубной пасты.

Еще раз расшаркавшись в космическом пространстве, генералы пожелали друг другу относительной доброй ночи. Как всегда не в точку: для Америки слишком рано, для России уже поздно... День пламенеет — как писал с детства любимый Соколовым писатель Джек Лондон. Он повесил трубку, с неприязнью посмотрел на ни в чем не повинный телефон и стал моститься вздремнуть пару часиков на узком казенном диванчике. В рабочем порядке, так сказать. Про себя отметил, что раньше диванчик был более удобным. И скрипел не так. С мечтами об Аннушке — только мечтами, поскольку генерал был примерным семьянином — он казался шире и мягче...

Черт бы побрал эту Америку с их разницей во времени...

Глава пятая

Начало 80-х прошлого столетия

Сегодня они все работали вместе — Маковский, Сатаров, Волков, Сергеев. Такое случалось не каждый день, по такому случаю после смены решено было это вспрыснуть — хоть здесь же, в ресторанчике в Шереметьево, или поехать в Архангельское — тоже дорога не дальняя...

— Вам лишь бы повод, — высказывала матушка Волкову.

И была права.

Смена обещала быть без напрягов, по крайней мере, никаких особых указаний сверху не поступало. У стойки Волкова уже битый час тыркался мексиканец в сомбреро. Не нравилось Борису, когда что-то делалось напоказ. Ну, на фига ты по дождю напялил свою хламиду?! Продемонстрировать, что тебе скрывать нечего?! А чего тогда ручонки пошаливают? Текилы в валютном баре перебрал? Или за неимением оной вчерашняя водочка колотун выстукивает? Как бы то ни было, для очистки совести пройдемся еще раз по кругу. До отправки самолета в страну кактусов время еще есть...

Мексиканец был немолодой, усатый, а из-под сомбреро выкатывал напористый живот. Он беспрерывно вздымал руки к небу и лопотал что-то по-испански — по-видимому, вымаливал у Пресвятой Девы Марии летнюю погоду.

— Не бойсь, амиго, — успокаивал его Волков, в очередной раз перетряхивая чемодан. — Улетишь со всеми или... несколько позже.

Внимание Волкова привлек кожаный жилет с подозрительным утолщением где-то в районе спины. Волков жилет вытащил, начал ощупывать, мексиканец побледнел.

— Хитришь, амиго?!

Игорь нашел небольшой потайной карманчик и извлек оттуда три маленьких флакончика без этикеток с мутной жидкостью внутри.

— Что это? — вопросительно-требовательно уставился он на мексиканца.

Тот сделал вид, что пытается объяснить, размахивая руками, как ветряная мельница.

— What's this? — повторил Волков свой вопрос по-английски.

Мексиканец опять замахал руками еще энергичнее. Привлеченный шумом, к стойке подошел Маковский. Моментально вникнув в суть проблемы, он обратился к иностранному гостю на его родном языке. Мексиканец возблагодарил Деву Марию, что хоть кто-то его понимает, и разразился страстным монологом. Филипп слушал сначала серьезно, потом, едва сдерживаясь, и под конец расхохотался как ребенок. Мексиканец сконфузился, покраснел и полез в карман своей куртки. Долго там копался, вынимая то кошелек, то жвачку, то пачку презервативов. Наконец выудил нужную бумажку и предъявил ее Маковскому. Бегло просмотрев документик, Филипп от смеха согнулся пополам.

— Может, наконец, переведешь? — сердито спросил Волков.

— Не поверишь... — захлебывался он. — Во всяком случае, я с таким еще не сталкивался... Это сперма русского медведя. Даже сертификат качества прилагается. На Птичьем рынке выдали...

Филипп протянул Борису бумагу, на которой черным по белому, пусть и коряво было выведено: «Качество гарантируют М. Топтыгин, В. Тамбовский и Л. Патрикеевна».

— Подписи имеются, сам посмотри...

Волкову ничего не оставалось делать, как тоже рассмеяться:

— Да, «Птичка» — фирма солидная... Жалко бедолагу. Интересно, на сколько же он налетел? И что собирался с ней делать? Кого оплодотворять? Ты хоть объясни ему, в рамках, конечно, что это туфта: русские хоть блоху и подкова-ли, но медведя, насколько мне известно, еще не дровичили...

— Ну и что с ним теперь?

— Нет, ты выясни, что он с ней собирался делать, — сказал дотошный Волков, — чтобы знать на будущее, а я эту штуку на экспресс-анализ к Штейману закину: заодно узнаем, за что амиго деньги заплатил...

Штейман встретил приятеля нельзя сказать, чтобы радостно:

— Ну нет от вас покоя! Что на этот раз нарыли? — ворчливо произнес он вместо приветствия.

— Вот здесь, кажется, что-то есть...

— Тебе всегда все кажется. Особенно ближе к вечеру, — сказал Штейман, забирая флакончик. — Подожди немного...

В лабораторию заглянул Сатаров:

— Что-то мачо наш престарелый совсем приуныл, сидит пот с лысины утирает, — сообщил он. — Не иначе, с медведем экспериментировали на каком-нибудь секретном заводе...

— Ошибаешься, — Шурик поднял голову от стола с реактивами и провозгласил: — После анализа всемирно известной суперлаборатории имени Штеймана жидкость непонятного предназначения, которую контрабандным способом тайно собирались вывезти за пределы нашей Родины, является обычным конторским клеем...

— Руки прочь от наших медведей! — хохотнул Сатаров.

— Бедная моя Лиля, однажды возьмет и проснется с осеменителем медвежьего питомника, — вздохнул Штейман. — Ну, а сейчас кто со мной?

И жестом фокусника он вытащил из лабораторного шкафчика колбу с прозрачной жидкостью.

— Чистейший... — сказал благоговейно. — C_2H_5OH ...

— Еще один стаканчик... — продолжил входящий, как всегда вовремя Маковский.

— Наш! — закончили все хором, преждевременно выдохнули и так же преждевременно задержали дыхание.

Чайник на плите давно уже вскипел, но Стас и Марк-Антон про него забыли. Судя по чайнику, это ему было не в диковинку — пригорал он неоднократно. Некогда уютная кухня сталинского дома давно заросла грязью по самые дальше некуда, в раковине громоздилась гора немытой посуды, покрытой вполне пенициллиновой зеленой плесенью. На этом многообещающем поле здоровья, никого не опасаясь, пасся выводок тараканов, которые прижились здесь не хуже, чем их сородичи в Катманду.

Серая полосатая кошка — хозяин готов был биться об заклад, будто самая что ни на есть камышовая! — подзаборной породы лениво смотрела в мутное окно, изредка отвлекаясь на увлеченных философским диалогом мужчин.

— Нет, Чехов на это не способен...

— А Достоевский?

— Достоевский...

— Вот Достоевский, точно смог бы! Он бы такое замастырил!..

Марк-Антон подтащил табуретку к буфету, по виду уже вполне антикварному, более точный год рождения и стиль которого при желании ничего не стоило определить, если бы, конечно, удалось отмыть от вековой пыли. Рукой до верхней полки низкорослый Марк достать не мог, а именно там, на верхней полке, за расписным самоваром, хранились остатки сокровища.

— Да ты, дядя, просто не врубаешься! — Стас, вольготно расположившийся на диване, подтянул к себе валявшуюся неподалеку гитару и начал тихонько перебирать струны.

— А ты, значит, врубаешься?

Даже стоя на табуретке, Марку-Антону было нелегко добраться до заначки. Табуретка покачивалась, дверца, за которую Марк-Антон судорожно вцепился одной рукой, нехорошо потрескивала.

— Я тоже не врубаюсь, но я убежден: за ними будущее...

— Да за ними — прошлое! Вот эти, кто подтянет, вот они будут гении. А я уже потихонечку отъезжаю...

Издав победный возглас, Марк-Антон соскочил с табуретки, благоговейно держа в руках небольшой сверточек. Подошел к кухонному столу и занялся необходимыми приготовлениями. Кошка спрыгнула с подоконника, потерлась о хозяйские ноги, посмотрела в глаза укоризненно.

— Брысь! Слушай, здесь и одному мало, может, я все вотру?

— Не надо так шутить, дядя. Юмор здесь не проходит. А ну, дай я первый!

— Нет уж... — Марк-Антон нашел вену и воткнул в нее шприц, потом передал шприц другу.

— «Прихода» никакого, но продержаться можно...

Стас укололся и опять откинулся на диван, и на некоторое время тишину в квартире нарушало только жалобное поскуливание подыхающего на плите чайника.

— Твоя, правда, дядя. Что же суки «фармацевты» так обламывают!? Ты же говорил, в пять будут точняк?!

Марк-Антон полез в карман за часами, которые вовсе были не карманными, а просто ремешок перетерся:

— Семь минут шестого всего. Они тебе что, «Красная стрела», по расписанию приходить?

— А вдруг кинут?

— Ну, никогда же не кидали...

Стас сплюнул через плечо и трижды постучал по буфету:

— Ну, дай бог, дай бог...

Он опять подобрал отставленную было гитару и принялся негромко напевать, видимо, на ходу сочиняя новый городской романс:

Просьпаюсь как-то утром рано, На подушке клоп большой сидит Он топает ногами, хлопает ушами. На меня заманчиво глядит...

— Он тебя разбудил, что ли? — подал голос Марк-Антон, на которого шедевр явно не произвел впечатление.

— Кто?

— Ну, этот... Клоп ушастый...

— Разбудил...

На второй куплет вдохновения Стасу уже не хватило, и гитару он вновь от-

ложил.

— Вот так прямо взял и затопал? — Марк-Антон, хихикая, потопал ногами и даже изобразил что-то вроде кадрили.

— Ага, похоже...

— Батенька, столь необычные галлюцинации наталкивают меня на мысль, что у вас паранойя! — отплясав и отсмеявшись, Марк плюхнулся на диван рядом со Стасом.

— Любезный, мыслите вы правильно, но в поэзии ты, дядя, не рубишь. Что-то нехорошо мне, сейчас приду, — медленно поднявшись, Стас нетвердыми шагами направился в коридор, открыл дверь ванной и подставил голову под струю воды. Постояв так некоторое время, он встряхнулся и принялся рассматривать свое отражение в зеркале:

«А зеркало-то с трещиной. Не к добру. Когда это Марк успел его раскокать?»

Отражение и без трещины красотой не отличалось — кожа натянута, скулы торчат, а с трещиной и вовсе походило на порванную карту, изображающую вытертого Джокера. Подмигнув своему не шибко симпатичному двойнику и решив с завтрашнего дня взяться за себя всерьез, Стас, насвистывая, отправился обратно на кухню. Приятеля там не оказалось. Зато из коридора доносились приглушенные голоса, потом хлопанье дверей, и, наконец, радостный голос Марк-Антонна:

— Ну что? Опоздание экспресса всего тринадцать минут тридцать восемь секунд. Причина уважительная — ремонт путей. Лифта то бишь. Состав подан на запасной путь. Груз получен мной лично и опломбирован. Тащи «баян», скептик. Гусары, радуйтесь!..

Марк прошмыгнул в комнату и Стас, забрав из кухни шприц, пританцовывая и улыбаясь, направился за ним.

— Да здравствуют питерские химики, самые гуманные химики в мире!

Антон торжественно водрузил пузырек на середину стола.

— Ну что, камень, ножницы, бумага?

Хихикая, они как дети разыграли право первого укола. Антон показал ножницы, Стас — бумагу.

— Так я и знал... — протянул он разочарованно.

— Зависть — скверное чувство, — наставительно произнес Антон, садясь в старое «вольтеровское» кресло. В былые времена, когда Антоном владела только одна страсть — музыка, в кресле этом любили посиживать очень даже не последние люди из музыкального мира, и даже сам Иосиф Виссарионыч Кобзон давал как-то наставления юному дарованию, попивая ароматный кофе, сваренный Марк-Антоновой мамочкой. Конечно, каждый кулик хвалит свое болото, но руль за сто — никто во всей Москве не умел варить кофе так, как она. Собственно, на кофе и слетались в их квартиру всевозможные важные люди, а вовсе не затем, чтобы восторгаться музыкальными успехами тогда еще просто Антона. Мамы давно уже нет, светский салон прекратил свое существование, и даже кошка Фиона, кажется, доживает свои последние месяцы. По их, кошачьим, меркам, она давно рекордсмен — двадцать два года ей стукнуло. Давно на тот свет пора, да, видимо, не хочет Антона одного оставлять.

— Чего изволите? — спросил Стас, направляясь к проигрывателю и перебирая кипу раритетных виниловых пластинок.

— «Пинк Флойд», плиз... Намба фо... — Антон устроился поудобнее и приготовился к уколу. Шприц вонзился в вену как раз на первых аккордах... Антон застыл с блаженной улыбкой на губах.

Стас, выждав положенное для «прихода время», вобрал в шприц свою дозу и склонился над приятелем:

— Ваше время истекло. Не изволите ли уступить место страждущему, сэр?

Ответа не последовало.

— Имей совесть, дядя... — Стас нетерпеливо толкнул неподвижного Антона, тот завалился на бок. Какое-то время Стас просто бездумно стоял, не осознавая происшедшего, потом бросился к телефону:

— Алло, скорая? Человеку плохо... Очень плохо...

Положив трубку, попытался, уже предвидя результат, привести Марк-Антон в себя. Тот сидел в кресле уже чуть криво, блаженная улыбка не собиралась покидать его губ, в отличие от остальных признаков жизни. Стас попробовал нащупать пульс — пульса не было. Дыхания тоже. Стас в панике заметался по комнате, побежал на кухню, налил воды, потом, осознав тщетность своих попыток, обессиленно опустился на пол, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Потом резко вскочил и опять ринулся к телефону.

— Алло, Игорь? Помнишь, ты мне говорил про больницу? Ну что, там укрыться можно? Я сейчас к тебе приеду...

Он попытался наспех уничтожить следы своего присутствия, но, сообразив, что это пустые хлопоты — в таком бедламе чьих только следов при желании не обнаружишь, — Стас торопливо покинул квартиру, протерев заскоружлым вафельным полотенцем наполненный смертью шприц. Улыбающийся Марк-Антон остался дожидаться приезда «Скорой» в обществе Фионы и «Пинк Флойд», которые как раз приступили к исполнению одной из самых мрачных своих композиций.

Наташа чувствовала себя виноватой перед Волковым и от этого злилась на него еще больше.

Несколько дней, проведенных с Филом, пролетели, как в угаре. События наезжали на события, захлестывали ее, приноровившуюся к пресной жизни разведенки. Еще не до конца улеглись впечатления от байк-шоу и хоккейного матча, который Наташе неожиданно понравился, а Темку привел в полный восторг, а в субботу к вечеру они ног под собой не чувствовали, протолкавшись вместе с Темой от клетки к клетке и хохоча до неприличия в зоопарке. Казалось, полный финиш, до понедельника будет отлеживаться, а уже поздно вечером Фил позвонил и объявил, что у него для нее сюрприз и, если она не возражает, он сыграет побудку с утра пораньше.

Она не возражала, поражаясь собственной выносливости. А Темка был просто счастлив, еще бы — столько развлечений подряд! И они на весь день укатили в Михайловское на той же самой выносливой БМВухе, которая неслась по дороге, как резвый молодой олень, презирая то и дело появляющиеся на пути знаки ограничения скорости.

— Ведь ты же отмажешь меня, если менты тормознут? — только и спросил Фил.

И она ответила, ни на секунду не задумываясь:

— Запросто!

Погода стояла чудесная, удушающий зной, окутавший столицу на прошлой

неделе, растворился в августовской прохладе. Темка, набегавшись и наевшись замечательных домашних пирожков в покосившемся летнем кафе, заснул, оставив Наташу и Фила вдвоем... Они ходили босиком по траве, читали друг другу стихи — и не только Пушкина, а потом Фил ее поцеловал...

Это было так романтично, так восхитительно, как будто впервые...

А если смотреть на вещи трезво, она просто давно уже скучает по мужской ласке, не надо было кочевряжиться столько лет, а безо всяких завести любовника...

И завела бы! А то, как дура набитая, все ждала, когда шеф, наконец, определится в своих чувствах и перестанет вести себя как заботливый папаша...

Определился?! И что теперь?! Сердцу не прикажешь! Может, просто безо всяких там фигли-мигли молча зайти в кабинет и положить на стол заявление на отпуск за свой счет? Пусть как хочет, так и понимает. А начнет артачиться, то и об уходе можно бухнуть!..

Нет, это она лишкухватила. После, можно сказать, семейной командировки в теплые страны?! И вообще, не по-людски как-то... Он же не виноват, что такой рохля. Воспитание у него такое. И вообще, время отпусков. Таможня работает в авральном режиме. Каждый человек на счету. Нет, без объяснений при всем желании не обойтись. И ведь самое гадкое, что она знает: отпустит. Даже и выкаблучиваться особо не станет. Как ни ерепенься, а умом она прекрасно понимает, что лучшего мужа, чем ее начальник, и представить себе невозможно. Но чуточку бы раньше. На каких-то три дня. Если бы не Маковский...

Маковский пригласил ее в Питер. Вернее, их с Темой. У него там неотложные дела, — интересно какие, сразу подумала она — и Фил предложил по широте душевной:

— Не желаете развеяться, мадам?! С сынком, разумеется. А то по старой русской традиции отроков по осени заставят писать сочинение на тему «Как я провел лето», а ему и вспомнить нечего, кроме чуждого русскому сердцу Средиземноморья. А тут, считай, готовая глава в новую повесть «Детство Темы». Как вы насчет берегов Невы?..

Знал, на что бить, стервец! Психолог. Стоя за таможенной стойкой, она провозжала людей в дальние страны и встречала из них, сама при этом невольно пропагандируя удивительно занудный оседлый образ жизни. Отчасти поэтому Волков и отправил ее на юга: когда еще представится такая халява? В Питере она первый и последний раз была на экскурсии с классом. И впечатления остались какие-то монументальные, Дворцовые. Потом много раз порывалась — и в институте с однокашниками, и позже сама по себе — да все как-то не складывалось. И эта такая близкая, такая бытовая, а от того постоянно откладываемая мечта превратилась в мечту выходного дня. Она и Темс все уши прожужжала:

— Вот расплуюсь с делами, увезу тебя в Питер...

А тут все утрясалось само собой. Давняя и не всегда осознанная мечта любой — а тем паче одинокой — женщины: все уже решено. И не как-то там обидно — тебя не спросили или без меня меня женили — а просто без проблем. На все готовенькое. Любо-дорого. Разве не так?

И потом, если уж действительно Маковский незаконными делами занимается, за ним ведь проследить надо, разве не так?

Только как бы Волкова убедить, что не обойтись им без этой командировки!

Волков убеждаться не хотел, упирался, в командировке отказывал, причем по причинам, которые казались Наташе явно надуманными.

— Одно дело ты стоишь за стойкой, а другое... — с сомнением в голосе рассуждал шеф.

— Глупо отказываться, упустить такой шанс — умоляла его Наташа. — Мы можем выйти на эту загадочную лабораторию.

— А как ты себе это представляешь? Он что, возьмет тебя за ручку и поведет туда на экскурсию? Нет, Наташенька, это тебе не зоопарк. — Волков кивнул на рыжую плюшевую обезьянку, нагло восседавшую прямо посередине рабочего стола. — Вот, кстати, возьми игрушку для Темы.

— А Тема тоже в Питер рвется...

— Успокойся, дай сосредоточиться.

Недовольно фыркнув, Наташа села на стул и сложила руки, как примерная ученица.

— Простите, я молчу и внимательно вас слушаю.

— Не ерничай... Не знаю, Питер... — Волков покачал головой. — Хотя чем черт не шутит... иди, собирайся.

Издав радостный возглас, Наташа сорвалась со стула, подскочила к Волкову и чмокнула его в щеку.

— Обезьяну не забудь, — он сунул ей в руки упитанное плюшевое тельце.

— Спасибо...

Она выскочила из кабинета, второпях слишком сильно хлопнув дверь. Висевшая на стене фотография, на которой чуть ли не в обнимку дружелюбно скалились первые посетители космоса — дворняги Белка и Стрелка, от удара покосилась, а потом и вовсе обиженно шлепнулась на пол. Волков проводил благополучное приземление четвероногих глазами, вздохнул и полез в шкаф за молотком...

От кого она бежала? Куда? Наверное, от себя к самой себе. Но это еще надо было осмыслить. А сейчас просто мчалась по зданию аэропорта девушка в таможенной форме, и все невольно оглядывались на нее: просто так не победит! Форма обязывает. Контрабандой пахнет...

Спринтерский — а может, стайерский, поди тут разберись в таком смятении чувств — бег Наташи по коридорам, был остановлен неодолимой преградой в виде старшего товарища Сергеева, шедшего ей навстречу. К бегу с препятствиями она готова не была.

— Привет! — Сергеев постарался подольше задержать в своих объятиях случайно угодившую туда Наташу. — Куда спешим?

Меньше всего она была готова удовлетворять его праздное любопытство, зная его склонность «пофилософствовать» не в самое удобное время.

— По делам службы!

— О-хо-хо, — простонал Сергеев, все еще не оставляя попыток растянуть тайм-аут: — А у нас бывают другие дела?

— У кого как, — отрапортовала она. — Прости, я зашиваюсь совсем. Уматываю в Питер...

— Во как, — позавидовал Сергеев. — Да ты у нас, мать, просто лягушка-путешественница. У себя? — он кивнул в сторону кабинета. — Один?

— Один, — подтвердила она. И зачем-то добавила: — И прекрасно себя чувствует...

— Он всегда себя хорошо чувствует («после ваших встреч» — подумав про себя). — с иронией заметил Сергеев, — А вот Стас твой в больницу загремел...

Продолжение следовало. Но Наташа попыталась закрыть тему:

— Слава богу, не в тюрьму!

— Может, навестишь перед отъездом? Не чужой ведь человек...

Наташа упрямо поджала губы.

— Знаешь, Сергеев, кто ему друг?

— Выходит, что я...

— Вот ты его и навешай, а меня оставьте в покое! — не дала развить ему мысль Наташа, и даже не кивнув на прощанье, заспешила дальше. Но уже умеренно и осмысленно.

— М-да! — Сергеев остановился перед начальственной дверью. Замешкался на какое-то мгновение. Мысль о том, что изо всей их честной компании он один в чины не выбился, уже не так свербела. В основном — в дни зарплаты. Когда он проверял деньги, не отходя от кассы. Больше их не становилось. А к тому моменту, когда он добирался до дому, так и того меньше. Жена, человек мягкий и достаточно тактичный, не посыпала практически затянувшуюся рану крупной солью — берегла для консервации. По этой части она у него была мастерица, а вот детей Бог не дал. Но обиженное самолюбие нет-нет да и давало о себе знать: что ж ты со мной так не рачительно? И не было у него ни объяснений, ни оправданий, а одна бессмысленная надежда: а вдруг? Этой вот надеждой они время от времени и тешились. Он и самолюбие. И вот сейчас...

— Борис Семенович, войду?

И опять этот дурацкий свойский уважительнонапускной тон, к которому они оба уже давно привыкли.

— Так ты уже вошел. И очень, надо сказать, кстати...

Волков стоял на стуле с молотком руке, примеряясь для удара, в губах у него на манер сигареты торчал запасной гвоздь, поэтому говорил сквозь зубы:

— Поддай-ка... — он кивнул на лежащую на полу фотографию. — Что это там у тебя?

— Заявление об уходе.

— Чего-о-о?... Тут таможня рушится, а ты... — Волков указал на гвоздь, размахнулся и ударил по нему молотком. Сергеев вдрогнул, поднял с пола картину и протянул шефу.

— А что мне делать? Хоть домой не приходи. Не мужик, а махонец какой-то.

— Ну и куда ты собрался, махонец?

— Да есть предложения... Фирмы разные... по крайней мере, деньги будут.

— Деньги скоро и у нас будут — проценты от стоимости конфискованного товара. Это тебя устроит?

— Эти проценты как обычно мимо нас проедут. Проще в казино миллион выиграть! Пустые разговоры. Подпиши! То есть — подпишите...

— Не могу, Сергеев, видишь, руки заняты! — Волков повертел под носом у коллеги молотком. — А потом, по закону ты все равно еще два месяца оттрубить должен. А пока в Питер смотайся, кое за кем присмотреть надо. И командировочные получишь...

Сергеев, почувствовавший себя одной ногой уволенным, откровенно фамильярно присвистнул.

— Ты прости меня, конечно, Борис Семенович, но по старой дружбе рискну полюбопытствовать: а ты не путаешь свою личную шерсть с государственной?

Какое-то время они внимательно смотрели друг на друга.

— И ты туда же, — сказал наконец Волков. — Что, в сплетники записался?

— А при чем...

Волков, спрыгнув со стула, отложил молоток в сторону и заговорил уже сухо, по деловому:

— Маковского помнишь? Так вот он у нас объявился...

— Филиппок? — Сергеев поразился. — Сколько лет... А я про него ничего не слышал.

— Филиппок нынче — лошадка темная. В Россию прикатил неизвестно с какой целью. Адо этого еще на конференции, где опять же непонятно с чего вдруг оказался, к Наталье клинья подбивал. Не уверен, что случайно. А если честно, уверен, что не случайно. Кстати, инициатива поездки в Питер принадлежит ему. Похоже, Филиппку из-под нас что-то надо. А Наталья — сотрудник молодой...

— Ага, неопытный, — только и мог сказать Сергеев. — Ух, как накручено...

— А ты думал...

— Так он же меня в раз узнает!..

— Не узнает, — не замедлил отыгаться Волков. — Это ты на себя каждый день в зеркало смотришь. Пригляделся. И вот еще что. Ты там и перед Натальей особо не выпячивайся. Держись на расстоянии. Она девка вспыльчивая, излишнего контроля не приемлет...

На пороге Сергеев обернулся:

— Какую-то не шибко благовидную роль ты мне в этом деле отводишь, а, Борис Семенович? Но в качестве последнего салюта... Так что заявление все-таки подпиши...

— Там видно будет, — дождавшись, пока за ним закроется дверь, Волков взялся за телефон.

— Приветствую, Петр Григорьевич... Тут к вам наши ребята засобирались... Считай, на ознакомительную экскурсию... Ну, ты Сергеева должен еще с тех времен помнить... Ага, он... Заскочит к тебе, подробнее введет в курс дела, чтоб не по телефону... Так ты подстрахуй там, на всякий пожарный...

В туалете перед зеркалом Сергеев умылся, тщательно оправил форму, и сокрушенно разглядывая несмываемые морщины, покачал головой:

— Прав, Волков, не признает. Будем утешаться тем, что и Филиппок за эти годы изменился не в лучшую сторону...

Столичную жару они привезли с собой. Кондиционер-дистрофик работал в вагоне как обычно — то есть почти никак, духота мешала спать даже Темке, который обычно засыпал раньше, чем его голова касалась подушки. А уж Наталье отдохнуть совсем не удалось, тем не менее на ранний перрон Московского вокзала она умудрилась выйти благородной и сдержанной, под стать архитектуре питерских дворцов, сменившей подтаявший купеческий пряник первопрестольной.

Тема был в полном восторге.

Ну, во-первых, потому что они его взяли с собой. Честно говоря, он до последнего не верил, что который год обещанная поездка все-таки состоится. Особенно после того, как засек с балкона, как Фил и мама целовались на прощанье. Поэтому он демонстративно делал вид, будто ему до лампочки, что Наташа пакует чемоданы. Ей было забавно смотреть, как он мельтешил по комнате — туда-сюда, туда-сюда — но она специально держала марку. Чтобы сюрприз, так сюрприз! Интересно, на сколько его хватит? Ты смотри, какой упертый! В кого бы это? Наконец, сама не выдержала, сжалилась:

— А ты что шлындаешь?

— Спать собираюсь...

— В поезде поспишь...

— В каком поезде?..

«А над Невой в это время разводят мосты...» — пропела она.

Что и следовало ожидать.

Во-вторых, у Темы появились далеко идущие планы. В логике ему было трудно отказать. Если Фил приехал в Москву, чтобы под видом прогулки в зоопарк целоваться с мамой под балконом, почему бы им не продолжить это занятие под каким-нибудь столь же благовидным предлогом в Сан-Франциско? И он бы в языке поупражнялся на будущее. На занятия по английскому он всегда ходил с удовольствием. Кстати, у них один мальчик насовсем уехал в Америку. Мама у него вышла замуж. Об этом все воспитатели целый месяц шушукались. Русские жены вообще за границей в почете. Потому что они труженицы. Это всем известно.

В Америку очень хотелось хотя бы одним глазком.

Несколько расшатывали построения Темы упоминания Фила о дочери. Несколько ему известно, дочерей без жен не бывает. А это создавало определенные препоны. Но уж не такие, чтобы не осознавать, что в кои веки ты, наконец, очутился в Питере.

Наташины мысли текли в том же направлении. Выражалось это в том, что все дурное она гнала от себя прочь, стараясь не придавать значения весьма частым отлучкам Фила. Работа есть работа. Что же касается прогулок по городу мечты, поездкам на прогулочном катере, посещениям театров и кафешек — здесь не подкопаешься, все, как и положено влюбленным. Вечером, уложив Тему спать, они шли бродить дальше. Жаль, конечно, что белые ночи уже сошли на нет, но и без них хватало очарования. Знатоки Питера утверждали, что одряхлел город за последние годы, обветшал, не по вкусу пришлись ему новые времена... Но она других не наблюдала и потому была в восторге. Они с Филом делились впечатлениями, удивляясь совпадению взглядов. Это сближало еще больше...

...В отель они вернулись далеко за полночь — решили посетить вновь открывшуюся почти через сто лет «Бродячую собаку». Нынешние владельцы легендарного кабачка всю пыжились восстановить атмосферу «Серебряного века», и это им с большой натяжкой удалось. По крайней мере, Наташе так показалось. А там, как оно было на самом деле по тем временам? Кирпичные стены с портретами Ахматовой, Гумилева, Мандельштама, деревянные столики со свечами, эстрада, с которой любой может прочесть стихи — свои и чужие...

Фил на эстраду выходить не стал, но поэтическое настроение мимо него не

прошло. Подождав, пока официант разольет вино и удалится, он придвинулся к Наташе поближе, многообещающе улыбнулся и поднял бокал:

— Посвящается чуткой, проницательной и удивительно скромной...

Образ твой, пленительный и сладкий, Снится мне и сладостью пьянит. Милый взор зовет меня украдкой, Ласковой улыбкою манит.

Сам он такое вряд ли зарифмует. Скорее всего, это Бунин. И не потому, что она такая образованная и начитанная. Она и поозу-то его. Ивана Александровича или Алексеевича? Убей бог, не помню! — читала из-под палки. Просто, если все сопоставить...

Знаю я, опять меня обманет Этот сон при ярком свете дня. Но пока печальный день настанет — Улыбнись мне — обмани меня.

— Здорово! — похвалила Наташа. И спросила на всякий случай: — Чьи это стихи?

— Бунин. Помните, я говорил вам, что очень его люблю?

— Да, помню. Мало кто сейчас его стихи знает, — сказала она в оправдание и себе тоже.

— Поэт он замечательный. На мой взгляд — поэт в первую очередь, а потом уже прозаик.

— Улыбнись мне — обмани меня! — опять только для нее процитировал Фил. В этом не приходилось сомневаться. Он глядел Наташе в глаза, и расшифровать этот взгляд было проще простого — ни одна женщина не обманулась бы. Страстное желание, нежность и одиночество были в нем. Вопрос и надежда...

— Пойдем отсюда... — тихо сказала Наташа.

До гостиницы они дошли в молчании, так же молча поднялись в его номер. Только когда дверь за ними плотно закрылась, Маковский притянул Наташу к себе, поцеловал глубоким долгим поцелуем. Она не сопротивлялась, но и отвечать не спешила, еще и еще раз спрашивая себя, правильно ли поступает? А почему нет?! Хватит разыгрывать святую невинность! Это уже переходит все границы! Это становится неприличным, в конце концов!

Фил ей небезразличен и она хочет быть с ним. Она уже с ним...

Его губы оторвались от ее губ, переместились осторожными поползновениями по щеке к нежной мочке, поиграли с ней немного, проложили дорожку, от шеи к груди... Легкое Наташино платье соскользнуло на пол, а сама Наташа взлетела на руки Фила. Он понес ее к постели, опустил резко и нежно, восторженно глядя на ее обнаженное тело...

— Я хотела тебя спросить, — Наташа потерлась носом о его шею. Шея пахла дорогим одеколоном и сладким любовным потом — так обычно и пахнут мужчины после горячих ночей, а еще в этом запахе было нечто таинственное, непонятно что, отличающее эту шею от всех прочих. Запах опасности и тревоги, нервный и возбуждающий...

— Спросить? О чем?.. — Фил лениво потянулся. У него был вид довольного самца — того и гляди вскочит с постели и с первобытным воем начнет колотить себя в грудь — смотрите, мол, я победитель, эта женщина принадлежит мне!

— Ты для чего все это разыгрываешь?

Вопрос прозвучал неожиданно, Фил резко поднялся на постели, сбросил одеяло...

— Что я?

Иначе, как обломом, это не назовешь. Все опьянение минувшей ночи вдруг обернулось непредсказуемым похмельем.

— Так что я делаю?

Впрочем, Наташа не глядела на него. Она уже успела переместиться на самый краешек высокой кровати, трогательно свесить ноги и ухватиться за зашторенное окно, за которым сулил райские кущи подсматривающий в узкую щелочку между шторами новый день.

— Я чувствую в тебе какую-то фальшь...

— Я и сам в себе это чувствую... — помолчав, сказал он.

— И как давно это?

Фил встал с кровати, не глядя на Наташу... И, постаравшись уйти от ответа, поменял тему:

— Мне надо одеться. Я как-то не привык вести серьезные разговоры голышом.

— Прости, — Наташа поймала себя, что и в этом они с ним схожи и временно натянула на себя простыню.

Он ушел в ванную, по ходу сгребая разбросанные с вечера шмотки, а Наташа...

«Ну и ладно, — подумала она. — Рано или поздно этот разговор все равно должен был состояться. Конечно, некстати, что я затеяла его именно сейчас, но что уж теперь. Такой вот характер. Не свойственно мне находиться в состоянии радужной эйфории. Не мое это. Или элементарный страх ускорил события. Потому что дальше — больше. Я бы совсем утратила контроль над собой. Перестала быть себе хозяйкой. Я и так делаю все, что ему заблагорассудится. Правда, до сих пор все его пожелания были исключительно приятными. Но так же не может быть всегда. Так просто не бывает. И что тогда? Идти на поводу у слепых эмоций и стечения обстоятельств?..»

Жаль, что вот так быстро все закончилось. И Питер толком не посмотрели. Как теперь с Темкой объясняться?! Ладно, навру что-нибудь. Не привыкать. Он мальчик смысленый. Выводы сделает сам. И, тем не менее, жаль...»

— ...Я действительно чувствую себя не совсем в своей тарелке, — Фил вышел из ванной, по-свойски на ходу застегивая молнию джинсов, но с обнаженным торсом.

«Нарочно, — подумала Наташа, — знает, что в таком виде он неотразим. Тут у любой женщины мысли... пойдут наперекосяк». Она натянула простыню до самого подбородка и свои собственные мысли с трудом поставила по стойке смирно, стараясь отключить все излишние эмоции.

— Причин тому много — я не хочу, да и не могу посвящать тебя в них — но одна из них ты.

Он сделал паузу, во время которой Наташа успела прийти к выводу: неплохо подготовился. Шпарит, как по-писанному. Сейчас по его сценарию она наверняка должна спросить: «Почему я, милый?». И он уведет разговор в сторону, наплетет с три короба всяких обнадеживающе-лестных для женского разума объяснений, по сути, так ничего и не сказав. Ну уж, дудки!

Не дождавшись вопросов, которые, в его понимании, действительно должны были последовать, Фил свернул так и не ставшее полномасштабным объяснение, потянулся к Наташе, зарылся лицом в ее волосы...

— Не думай об этом... Надо потерпеть еще немного, и я... — он не договорил, пытаясь отвлечь Наташу поцелуями от опасной темы.

— Что я? — Наташа вывернулась из его объятий.

— И я буду свободен от всех ваших подозрений.

— Тогда... — Наташа на этот раз сама подвинулась к нему, проворно растегнула молнию на джинсах, и какое-то время им было не до «серьезных бесед».

— ...Я не хочу, чтобы ты ездил сюда, — жалобно сказала Наташа, когда и на этот раз все началось и закончилось. — Или мне уйти с работы, чтобы ничего не знать?

— А что ты знаешь? — не заостряя внимания — ха, ха, — поинтересовался Фил.

— Да все уже говорят, — Наташа вздохнула, — Маковский — авантюрист, пробы ставить негде... Думаешь, приятно?

— Думаю, неприятно, — Фил помолчал, словно размышляя.

— То-то и оно!

— Я даже догадываюсь, кто говорит...

И не дождавшись реакции на свою многозначительную реплику, вдруг предложил:

— А ты вот что. В следующий раз, когда я приеду, ты возьми и задержи меня.

— Это как?

— Ну, скажем, у меня будут не указанные в декларации золотые часы «Картье»...

— И что?

— Пусть утвердятся в своих догадках, что я низкопробный «жучила», а ты патриот своего дела, и раз и навсегда отвяжутся от нас.

— А ты на самом деле, крупный «карась»? — Наташа официально строго сдвинула брови.

Но как она ни пыталась придерживаться шутейного тона, номер не прошел. Фил поцеловал складочку, образовавшуюся у нее на лбу:

— Перестань. Я же серьезно. Пусть меня один раз захомут на мелочовке, раз уж им так хочется, отшлепают и успокоятся. И тебе — в актив...

— Не рассчитывай, не успокоятся. А свои поощрительные дивиденды я уж как-нибудь заработаю естественным путем.

— Не сомневаюсь. Но ты смотри, как пикантно все вырисовывается. Я прохожу паспортный контроль, нахожу тебя за стойкой, если медальон на тебе... — он коснулся рукой своего подарка, уютно завалившегося в ложбинку Наташиной груди, — значит уговор в силе, не вписываю «Картье» в декларацию. Ты поднимаешь шум-гам...

— Я и так обязана тебя сдать, если ты что-то незаконно провозишь, а при чем здесь медальон?..

— Как же нам без него? — Фил куснул ее маленькое розовое ушко, шутливо зарычал. Наташа, на которую все тревоги и сомнения тут же навалились с новой силой, с деланным смехом отстранилась от него. Она так и не сказала Маковскому, что его дешевый трюк с «фамильной» драгоценностью для нее давно уже не секрет. Зачем? Усугублять то, что и так держится на волоске? Ведь ей так не хотелось, чтобы этот волосок оборвался. Вдруг и этой его фанта-

зии — она нарочно избегала более грубых, но подходящих выражений — найдется мало-мальски приемлемое объяснение?

— Старую, обещанную еще на Средиземноморье легенду я так и не услышала, а на подступах, гляжу, уже очередная?

— Ну... — Фил судорожно пытался сварганить нечто удобоваримое. Медальон этот он, действительно, купил там же, на Кипре, на распродаже в маленькой лавочке, а насчет его антикварной ценности ляпнул с единственной целью — заинтриговать понравившуюся да к тому же возможно полезную девушку. Подарить-то подарил, а вот снабдить его какой-либо достоверной инструкцией — напрочь из башки вылетело. Вот и блеет теперь, как овца на заклании. — Это длинная история, которая тянется через века...

— Как хорошо, что мы никуда не спешим, — не унималась Наташа.

— И ее надо рассказывать на сон грядущий...

— С твоим темпераментом я ее никогда не услышу, — откровенно польстила ему Наташа.

После таких слов отступить было некуда, Фил выпучил глаза в предвкушении, что древнее семейное поверье на поверку окажется полнейшей тупфтой:

— Ну, тогда слушай...

Вечная палочка-выручалочка — телефонный звонок. Потерянно зазвонил Наташин мобильный. Она выскочила из постели, принялась искать неизвестно куда брошенную сумочку, откопала ее из под брюк Фила, выдохнула в трубку:

— Да?!

— Вас беспокоит руководство...

— Я поняла.

— Почему шепотом?

— Тема спит.

— Ясно... — как-то многозначительно протянул Волков. — Так когда же вас ждать, мадам?

— Сегодня ночью выезжаю «Стрелой».

— Тебя встретит наша машина, — почти официально произнес Волков и повесил трубку.

И чего звонил?

Хотя она прекрасно знала, «чего».

— Кто это — Борис? — безмятежно спросил Фил, чувствуя, что получил отсрочку для создания своего опуса.

— Борис... — Наташа вдруг покраснела. — Мой опекун и друг.

— И ты, конечно, с ним не спишь, — в голосе Фила послышались неожиданные собственнические нотки.

— Я вообще ни с кем не сплю! — взъерепенилась Наташа. — У меня бессонница.

— Поражаюсь его выдержке, — хмыкнул Фил, глядя, как Наташа начинает одеваться. Белье — вчера он не обратил на него внимания, не до того было, а сейчас с удовольствием изучал крохотные кружевные трусики-стринги и ажурный лифчик — все ослепительно белое, как снег.

— Я сама поражаюсь. Он же растил меня, как цветок. И даже проглотил мое нелепое замужество...

— Теперь, наверное, жалеет. — Фил лежал на постели, откинув одеяло, и

Наташа невольно залюбовалась его сильным, мускулистым телом.

— Не знаю, но развода ждет... Официального.

— Ждет своего часа. Ничего не скажешь, благородно.

— Мне тоже так кажется.

— Благородно... — в устах Фила это слово прозвучало не очень-то искренне.

Судя по всему, Наташе был неприятен этот разговор, она отвернулась и принялась натягивать легкие летние брючки. Потом подняла с пола маечку, встряхнула...

— А ты? Живешь со своей женой?

— ...Мы с ней давно друг друга знаем...

В дверь деликатно постучали. Это спасло Фила от неудобных вопросов. Он встал, накинул халат и пошел открывать. Замешкался в коридоре, Наташа успела одеться, выглядывала из-за его плеча: кого это принесло так невовремя? Официант в ослепительно белой одежде вкатил сервировочный столик с едой и цветами. Ох, уж этот Маковский! Ну, как на него долго сердиться?! Видно, умеет пустить пыль в глаза. И когда успел заказ сделать?

Официант поклонился учтиво и скрылся за дверью. Молодая женщина услышала, как Фил втолковывал ему за порогом:

— Нет никаких супругов Маковских, нет и не было. Есть мсье Маковский и мадам «Икс», зарубите себе на носу, милейший. И между ними ничего общего.

Официант что-то пробубнил, и Фил вернулся в номер, толкая перед собой столик.

— Значит, ничего общего? — не успел Фил подойти к столику, как в него полетела подушка. Столику повезло, Филу — не очень, метательный снаряд задел его ухо.

— Я тебе покажу — мадам «Икс»! — вторая подушка полетела вслед за первой, но на этот раз Фил успел увернуться.

Со смехом подскочил к Наташе, схватил ее за руки и посмотрел в глаза. Улыбка исчезла, он сказал совершенно серьезно:

— Именно ничего общего. Сегодня так надо. А то, видите ли, господин Маковский с супругой...

Наташа тоже стала серьезной. Посмотрела на него испытующе:

— Ты кого-то боишься? Или я должна бояться? Ты контрабандист? Или просто опасный тип?

— Опа-а-сный... И не просто... — Фил состроил зверскую рожу, и, рыча, набросился на девушку. Началась шутливая возня, но Наташу не так легко было сбить с темы:

— А тебя с таможни за что поперли?

— За любовь... К родине... — заметив, что Наташа никак не реагирует на столь нелепую попытку пошутить, решил пояснить: — Не стал я дожидаться бичующих формулировок и всеобщего презрения товарищей, взял и написал заявление. Знаешь, как раньше говорили: по собственному желанию начальства. Оно только радо было. Даже отрабатывать не заставило. Так что, когда его грозно спросили, куда это ваши таможенники линяют, они под козырек: наши — никуда, наши все туточки. А злыдень Маковский — давно отрезанный ломоть...

— Ладно, давай завтракать. — Фил подошел к столику и окинул критическим взглядом предложенные деликатесы.

— Тебе кофе налить?

Наташа кивнула. Фил протянул ей чашку, себе тоже налил, устроился на подоконнике. Наташа присела на кровать, оперлась о подушку, отхлебнула ароматный напиток, зажмурилась от удовольствия.

— Вкусно.

— Да, кофе они готовить научились, — кивнул Фил. — А вот кефира у них не дождешься, думал, хоть на родине дорваться, так на тебе, и здесь йогурт! Зато Библия..., пожалуйста, в каждом номере, как в лучших отелях...

— Йогурт оставь Теме, он любит.

Она рассеянно посмотрела на книгу, лежащую на прикроватной тумбочке. Сказала задумчиво:

— Вика перед концом все время твердила: — Бог наказал, Бог наказал... А как книга с валютой к ней в чемодан попала — так и не вспомнила.

— При чем здесь Бог, — не по-христиански отмахнулся Маковский, — чемпионку мира хотели переманить на Запад, она клюнула... Ее элементарно подставили. Об этом вся таможня знала...

«Наконец-то он перестал шифроваться», — подумала про себя Наташа.

— И Боря?

— Насчет Бори, — он саркастически улыбнулся, — на все сто сказать не могу. Я в тот день не работал...

Вдруг Наташа догадалась, откуда у нее это иногда возникающее ощущение «дежа вю», когда она смотрит на Фила. Сейчас она отчетливо вспомнила, как встречала свою сестру на таможне в тот день... большая толпа, и куча работников аэропорта, которые тоже сбежались посмотреть на знаменитую спортсменку. И где-то в этой толпе — врезавшееся в детскую память молодое красивое лицо. Высокий парень в форме таможенника, в фуражке, из-под которой выбивались длинные светлые волосы.

Наташа задумалась, отвернулась и уставилась в стену.

Фил же отвернулся к окну, рассеянно глядя вдаль. По каналу как раз мимо окон проплывало утлое суденышко.

— Вот бы уплыть бы на нем на необитаемый остров...

— Это буксир, на нем далеко не уплывешь, — Наташа подошла к Филу, но не обняла, а просто встала рядом. Они долго смотрели на уплывающую в неизвестность баржу, думая каждый о своем...

С утра они поехали в Петродворец, полюбоваться фонтанами — Темка даже залез в один, еле вытащили. Наташе было не до веселья, все красоты летней резиденции матушки Екатерины меркли по сравнению с тем, что она узнала сегодня утром. В сердце поднималась волна холодной ярости — против тех, кто сотворил такое зло с Викой. Господи, да за что же? Что она им сделала? Наташа была благодарна Филу за то, что он не лез к ней с разговорами, общался в основном с Темой — этим двоим общество друг друга явно было по душе.

Днем Фил должен был быть у Ледового дворца — что поделаешь, работа.

— Подождете? — спросил он в такси по дороге.

— Сколько?

— Переговоры несложные, часиков за шесть управлюсь. Смотри, чтобы мама не скучала.

— Не будет скучать, — важно заявил Тема. — Мы куда пойдем, мам?

— Там видно будет, — ответила Наташа.

— Я тут же позвоню, как закончу, — пообещал ей Фил.

Ключнул Наташу в щеку — легко, по-американски, и выскочил из машины.

Этих двоих следопытов он засек сразу по приезду и, похоже, его культурная программа к настоящему моменту их изрядно вымотала: они пасли его с откровенной зевотой, постольку-поскольку. Фил не знал, кто они такие, но для них он был явным лохом. Но, кажется, был еще кто-то третий. По крайней мере, знакомая фигура периодически появлялась в радиусе его периферического зрения. Вот уж не думал, что его появление вызовет такой ажиотаж. Что ж, ребята, попотеете вы сегодня у Ледового дворца. Не все ж хоккеистам отдуваться. Помурыжу я вас...

Он зашел в предполагаемую прохладу и убедился, что сладкая парочка, припарковав свою «десятку» в хилой близлежащей тени, засекала его прения с вахтером. Они распахнули двери в надежде на сквознячок и приготовились бдеть дальше. Поддерживайте температурный режим, уважаемые!

Фил поднялся на второй этаж, миновал лабиринт тупиковых коридоров — для него это был найденный маршрут — и через пищеблок вновь вышел на улицу. Не прошло и десяти минут. Он еще раз оглянулся — все было чисто, впередсмотрящие загорали с другой, солнечной стороны здания — достал мобильник:

— Алло, это я. Буду в пять, как условились.

Поймать такси оказалось делом сложным, пробиться сквозь пробки — нереальным вообще. Настолько, что, в конце концов, пришлось выскочить из машины и остаток пути преодолеть на своих двоих — Шурик не выносил опозданий, это Фил помнил хорошо. Он влетел в подъезд, запыхавшись, и увидел Штеймана, спускающегося по витой лестнице под руку с каким-то научно-образным типом — то ли доцентом, то ли... Несмотря на жару, тот был в кожаном кепи, темном свитере и брюках образца 85-го года. Где-то Фил уже видел этого франта. А может, обознался. Тип не поздоровался, лишь кивнул и прошел мимо. Штейман держал паузу. Спускаться ниже не стал, подождал, пока Маковский поднимется. Свет, струящийся из полукруглых окон, окутывал его фигуру мерцающей мантией пыли, словно средневекового алхимика.

— Точность — вежливость королей, — голос негромкий, с легкой приятной картавинкой звучал так значительно, что техники, все это время суетливо починявшие лифт, вздрогнули и уставились вверх по лестнице. Один даже отвертку выронил, отчего тут же пришел в себя и матерно выругался. Все вернулись к действительности.

— Извини, Аркадьич, пробки, не мне тебе объяснять, — Фил сделал несколько шагов по ступенькам к улыбающемуся Штейману. Тот хлопнул его по плечу, притянул к себе, потом наоборот отстранил на расстояние вытянутых рук, оглядел внимательно:

— Хорошо выглядишь!

— Ты, кстати, тоже... А кто это был с тобой?

Он машинально покосился на монтеров, которые, по-видимому, собирались доконать лифт, так по нему колошматили. Штейман по-своему расценил взгляд бывшего сослуживца, увлек его наверх, разъясняя вполголоса:

— А, это... Ассистент мой, эффектом Кирлиана занимается...

— Ты же знаешь, — усмехнулся Маковский, — для меня все эти таблицы Менделеева — темный лес. — А ты все еще колдуешь?

— Это мой крест, — вздохнул Штейман. — Да ладно, что уж тут, пойдём, покажу тебе свое логово.

Добравшись до шестого этажа, Фил изрядно запыхался. Штейман смотрел на него снисходительно — сдаешь, брат — хотя было заметно, что подъем и для него не был пустяковым.

— Аркадьич, а ты не хотел бы перебраться пониже? — Фил с комическим ужасом взглянул на спиральную железную лестницу, ведущую еще выше на чердак.

— Хочешь спровадить меня в могилу? — в голосе Штеймана слышались юморные одесские нотки. К одесситам Штейман никакого отношения не имел, скорее к полякам, но польский акцент появлялся у него гораздо реже — только когда он очень сильно волновался. А не волновался Штейман почти всегда — такое у него было правило. — Вот так сразу? Чем я перед тобой провинился, Филя?

За чердачной дверью оказался длинный полутемный коридор, сплошь заставленный мешками с цементом, досками и канализационными трубами. Лампочка, на длинном шнуре болтающаяся под потолком, мигнула и погасла. Фил споткнулся, схватился за стену и поцарапался о гвоздь.

— У, черт!...

— Держись за воздух! Я уже привык, в любой темноте дорогу найду. А чужой не пройдет! Сигнализацию ставить не нужно.

— За цемент беспокоишься?

— Да уж... Превратить засранный чердак в Академию наук — первейшая задача советского ученого.

— А ты, я смотрю, не теряешь расположения духа. Все шутки шутишь.

— Какие уж тут шутки!

Дверь открылась, и Маковский присвистнул от неожиданности, увидев просторное помещение, которое и язык-то не поворачивался назвать чердаком. Вычурное «пентхаус» подходило здесь как нельзя более к месту. Кабинет был заставлен роскошной антикварной мебелью, на стенах висели картины, купленные явно не на толкучке.

— Ну, что застыл, как соляной столб? — в голосе Штеймана явно слышалось самодовольство.

— Шурик, ты — гений! — наконец обрел дар речи Фил.

Последний раз, когда он виделся со Штейманом, тот был обладателем на птичьих правах маленькой захлавленной каморки под лестницей в одном из закрытых институтов. Наподобие той, где обитали папа Карло с Буратино. Только вот многообещающих холстов с очагами в ней не было. Полнейшая безнадега. Насколько Филу было известно, материальное состояние российской науки с тех пор сильно не прибавило, и ученые на чердаках прозябали, а не устраивали королевские резиденции.

— Гений! Гений! — поддержал Фила из дальнего угла противный скрипучий голос. Маковский никогда не слыл другом пернатых, поэтому с неодобрением покосился на огромную золоченую клетку, в которой вальяжно восседал зеленый подхалим попугай. Они обменялись взглядами, и попугай пришел к выводу:

— Дурак!

Штейман захохотал и завалился в вольтеровское кресло у письменного сто-

ла.

— На сей раз, Кеша, ты не прав. Какой же Филя — дурак, если сообразил вовремя свалить, а мы, умные, до сих пор здесь прозябаем?!

— Дурак! — настаивал попугай.

— Ша! — прикрикнул на него Штейман. И обратился к Филу: — Гений, говоришь? Так об этом мало кто догадывается. Вот ты да Кеша, ну, может, еще кое-кто.

— Сраный чердак! — выдал напоследок попка и умолк в задумчивости.

Маковский засмеялся и уселся в кресло, предложенное Штейманом. Поменьше хозяйского, но такое же удобное. Штейман нажал какую-то кнопку в столе, дверь в стене открылась, и оттуда бесшумно выплыла конструкция из пластика и металла, держащая в железных лапах поднос.

— А это Верочка, — гордо объявил Штейман, любовно оглядывая монстра. — Куда удобнее обычной секретарши, и Лиля не ревнует.

Железная леди с чуть заметным несмазанным повизгиванием подплыла к столу, спихнула поднос с двумя хрустальными стаканами, графином и какой-то снедью. А еще на подносе была лабораторная колба с прозрачной жидкостью, в которой плавала небольшая засушенная змея неизвестной породы.

Штейман посмотрел лукаво:

— Чего изволите, сэр?

Фил в замешательстве переводил взгляд с предмета на предмет. Усмехнулся.

— Змея на выбор предлагаешь?

— Чистейший! — торжественно объявил Штейман, показывая на колбу.

— Как в лучшие времена? Наливай.

— Наливай... — раздалось из клетки. Птичка явно была не прочь присоединиться.

Они чокнулись, и Фил залпом влил в себя полстакана обжигающей жидкости. Поперхнулся, закашлялся. Штейман, смеясь, ударил его по спине.

— Ну что, забыл в своей эмиграции, как спирт пьют?

Бесцветная ночь степенно опускалась на город. Белые ночи уже минули, оставив в перспективе неясный намек своего бывшего присутствия — словно театр теней, неясный и безрадостный, задумал на улицах призрачный карнавал.

Колбу со спиртом они уже прикончили, да и в объемистом графине водки осталось на доньшке. Скачкообразный разговор давно перешел от общих знакомых к вещам более насущным.

— А я думал, мы с тобой столкнемся... — Фил по-прежнему выжидающе смотрел на непреклонного Штеймана. Очередной долгоиграющий ну-деж Фила он даже не удостоил ответом. Смотрел долго и пристально куда-то в стену, сжимая крепкими кистями с вздувшимися венами вольтеровские подлокотники. Потом вдруг изрек:

— А ты знаешь, зачем Бог придумал Сатану?

Фил, не ожидавший такого поворота темы, удивленно пожал плечами. Попытался отшутиться:

— Наверное, что б не скучно было...

— Сатана — это проверка качества человеческой души, — торжественно изрек Штейман. — Ты почти попал...

— Да, я попал, — уныло согласился Фил. — Мне позарез надо им привезти, хотя бы образец...

— Не привезешь! — жестко отрезал Штейман. — Засунь эту бредовую идею себе в задницу! Я не собираюсь губить человечество! — он треснул ладонью об стол и сердито отвернулся от Фила. Взгляд его уперся в клетку с попугаем. Кеша взгляд уловил, настроение хозяина почувствовал, горестно произнес:

— Шуррик...

Потом воинственно вскинулся и проорал во всю мощь своих попугайских легких:

— Насррать!

Фил аж подскочил в кресле, ошалело глядя на Кешу. Тому только прутья клетки мешали исклевать гостя, который попугаю определенно не приглянулся.

Отдышавшись и вытерев пот со лба, Фил опять попросил забывшегося Штеймана:

— Ну, хотя бы крохотную дозу...

— Крохотную? — возмущился тот. — Хороший химик по крупице всю формулу выведет. Не успеешь оглянуться, весь мир завалят...

— Но они все равно на тебя выйдут, — предостерег Маковский.

— Зря время потеряют, — презрительно пожал плечами Штейман. — Один из компонентов раньше был у нас — на «почтовом ящике №...». Теперь там унитаза делают. А компонентик этот, благодаря нашей неподкупности, у вас в Иллинойсе. В маленьком секретном институтике его Пентагон разрабатывает. Но основная составляющая — вот здесь, — Штейман похлопал себя по лбу.

— Я и не сомневался, — пробормотал Фил.

Честно говоря, поехал он сюда на «авось», даже не предполагая, каких высот достиг в химии его бывший сослуживец. Когда Шурик Штейман служил вместе с ним на таможне, он сильно напоминал своего тезку из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» — рассеянный и с головой погруженный в науку. А имеющиеся отличия только усугубляли картину. Большущие черные глаза откровенно еврейского юноши, которые он то и дело закатывал, еще больше увеличенные толстыми линзами в пластмассовой оправе, сияли на его смуглом лице чистым светом абстрактного знания. Его профессиональное присутствие в стенах таможни не чем иным как блатом, объяснить было невозможно. Он, к чести его сказать, никогда на эту тему и не спорил. Сейчас очки были золотыми, и поблескивали они скорее таинственно. А слухи о его научных подвигах докатились до американской мафии. Как Шурику удалось достичь таких высот за столь короткое время, Фил, честно говоря, понять не мог. Вот только портрет на столе — Шурик в обнимку с Президентом — как бы подтверждал догадку. Пожалуй, мафии Штейман действительно мог не бояться. Или бояться ее меньше, чем он, Фил Маковский.

— Не морочь мне голову, — сердито сказал Штейман. Потом неожиданно поменял тон, заговорил убежденно и страстно:

— К этому прикасаться нельзя! Прикоснулся — уже обречен! И ты, и я, и... сам понимаешь... — он поднял руку в неопределенном жесте. — Это даже не ПРОКАЗА!

— Проказа к проказе не пристает, — усмехнулся Маковский.

Штейман тоже улыбнулся:

— Сейчас проверим.

Он встал из за стола, подошел к книжному шкафу, нашел между корешков на полке какую-то кнопку, нажал. Книги расступились, вернее, разъехались в стороны, открывая проход в пещеру алхимика XXI века. Штейман кивком пригласил Фила войти, тот не заставил себя упрашивать — и оказался, словно на съемочной площадке фантастического фильма. Средневековые реторты и горелки соседствовали с суперсовременными компьютерами и десятком мониторов на стенах, огромный антикварный сейф с резными узорами был заставлен поверху не слишком чистыми колбами. Пока Фил оглядывался, Штейман колдовал над компьютерной клавиатурой.

Маковский увидел страничку браузера с электронной версией газеты «Московский Комсомолец».

— Вот, почитай...

— **(Справка „МК“.** По нашей информации, „бесланские“ террористы использовали наркотик отечественной разработки. Речь идет о психотропном веществе, обозначаемом аббревиатурой ВИЛ. Оно существует уже много лет, распоряжается им только спецназ ГРУ. Согласно вполне достоверным сведениям, ВИЛ применялся в Чечне 1994–1995 годах.

К настоящему времени известны пять модификаций ВИЛа — с порядковыми номерами от 1 до 5. Если использование этого вещества в Беслане подтвердится, неизбежен вопрос: каким образом боевой наркотик из арсенала ГРУ оказался в распоряжении террористов?), — дочитал удивленный Фил.

— Да ладно тебе, — недоверчиво поморщился Фил.

— Здесь полная информация о человеке. Пол-на-я!... А теперь смотри внимательно...

...Вдруг свет погас, а Маковский оказался в радужно мерцающем кругу.

— А вот это, — Штейман указал на них рукой, — ауры, так сказать, наркотиков. Сопоставив их с аурой какого-нибудь человека, можно говорить о его совместимости с определенным видом наркотиков.

— То есть кто на что быстрее подсядет? — перевел Фил с фантастического языка на расхожий.

— Именно. В перспективе, кого с чего можно снять. Теперь...

На мониторе появилась еще одна радужная мерцающая клякса.

— А вот на это, — голос Штеймана прозвучал зловеще, — подсядет любой! И это пожизненная муть. Правда, жизни здесь практически не остается. И я не позволю этой гадости выползти из моей лаборатории!

Он с силой нажал на клавиши. Мониторы погасли, круг, в котором стоял Фил, исчез, и он едва не промахнулся мимо замызанного верандного стула на ржавых металлических ножках, абсолютно выпадавшего из общей атмосферы.

— Это что, розыгрыш?

Штейман покачал головой.

— Мне тебя жаль, Филиппок, ты очень серьезно запутался...

— Похоже, — Маковский обреченно вздохнул и посмотрел на Штеймана глазами, полными отчаяния.

— И умоляю, не смотри на меня так, — голос Штеймана звучал сочувственно, но твердо. — Сказал — не получишь, значит, не получишь!

Он вывел Маковского из закоулков своих владений, а заодно и памяти на

относительно чистую воду петербургского подъезда:

— Бывай, друг ситный! Чувствую, не скоро мы с тобой увидимся, потому что это мое последнее слово. Хочу надеяться, что ты выползешь из этого дерьма.

Не отвечая, Фил спускался по неосвященной лестнице, с головой погруженный в свои новые проблемы.

Но не прошло и десяти минут, как в дверь к Штейману снова постучали. Звонок он еще навесить не успел.

— Что еще?! — сам у себя недовольно спросил Шурик. — Сказал же: последнее.

Он не спешил открывать дверь надоедливому приятелю юности. Его грела перспектива вообще не открывать. Постучит-постучит да и отчалит с миром. Не станет же он барабанить на весь подъезд. А может, и станет. Поддатый Маковский — тот еще фрукт. Зря он, конечно, спьяну выложил перед ним все свои карты. Ох, зря. Тщеславие — преступно. Да уж больно захотелось покрасоваться перед этим недоделанным американцем. Теперь, похоже, не отвадишь. Да ладно бы его одного. Ведь как-то все просочилось наружу...

— Кто там? — спросил он на всякий случай, сонным голосом автоматически открывая дверь и деланно зевая. Должна же у Филиппка остаться хоть капля совести? Или он слишком хорошо о нем думает?

Выяснилось, что Штейман думает вообще не о том. Перед ним стоял незнакомый мужчина, и нехорошее предчувствие моментально все заслонило:

— В чем дело? — чуть заискивающе спросил он, ожидая самого худшего: навел, иуда!

— Прошу прощения за столь поздний визит, — начал мужчина, и у Штеймана чуть-чуть отлегло. Если по башке сразу не дали, есть надежда еще потрепыхаться. — Моя фамилия Сергеев, помните, мы с вами раньше на таможне вместе работали?

И уже переходя на «ты»:

— Не узнаешь старых друзей, Шура? Зазнался?

— Старые друзья прут сегодня косяком, — проворчал Сан Саныч, внося в формулировку прищельца свои коррективы и пристально вглядываясь в непроницаемость подъезда. — Не к добру это.

Но объятия уже были открыты.

Сергеев, пожалуй, изменился меньше, чем Фил. Он был из тех людей, о которых с уверенностью можно сказать, какими они будут через двадцать лет, через тридцать... Обыкновенный — вот самое подходящее для них слово. Порядочный. Трудолюбивый. Идеальный исполнитель. Верный — друзьям и хозяевам. И все это было написано у него на лице. Тут и ауру смотреть не надо. Он вошел, помялся, не зная, с чего начинать разговор.

— Что ж так сразу, без звонка? — разыгрывал из себя гостеприимного хозяина для незваных гостей Штейман, про себя повторяя: нет, не к добру.

— Я, собственно, по делу, — смущаясь, ответил тот. — Так бы и беспокоить не стал...

— Оно понятно, — согласился профессор. — Время такое, — он как бы невзначай взглянул на старинные напольные часы красного дерева, с тяжелым отвесом гирь, тянувшим в вечность упирающиеся стрелки, — без дела по гостям никто не ходит.

— Еще раз, извини, — топтался в дверях Сергеев. — Просто у меня поезд ночной, а я буквально час назад откопал твой адрес...

— Забудь и проходи, — смилостивился Штейман, природное любопытство которого потихоньку брало верх над здравым смыслом: к чему бы все это?

— Разве что на минутку...

— А больше и не получится! — успокоил его тактичный Штейман. — Чаи гонять, если мне память не изменяет, не в твоих традициях, а больше мне тебя угощать, ты уж не обессудь, нечем. Прямо перед тобой — тоже считай как снег на голову — наведалься Маковский. Так все подчистую вымели. Ты ж его запросы помнишь!

— Филиппок? — по-бабьи всплеснул руками Сергеев. — Какими судьбами?!

Штейман в душе посмеялся. А то, мол, ты не знаешь! Ну, давай, плети дальше...

— И чего хотел?

— Денег займы просил, — не задумываясь, соврал Штейман. — Говорит, воздух отчизны на него так расслабляющее действует, что пропился в пух и прах. Только у меня откуда? Сам видишь, в каких условиях живу. — Он горестно вздохнул в полумрак помещения, очень надеясь, что вычурная позолота никак не отсвечивает. — Так что если и у тебя финансовые трудности, извини...

— Нет, нет, — поспешил успокоить его Сергеев, сообразив, что голыми руками скользкого Штеймана не ухватишь. — У меня проблемы скорее морального плана. Можно сказать, медицинского. У меня друг есть, наркоман... Он сейчас в больнице, но сам знаешь, что такой диагноз — безнадега. А о твоих подвигах на этом поприще — по роду своей профессиональной деятельности — я наслышан...

— А ты все там же трубишь? — вяло поинтересовался Штейман.

— А что поделат... Не всем же светилами становиться, — озвучил свою судьбу Сергеев. — Трубим, но уже не с таким запалом. Так вот, нельзя ли посодействовать ему? Ходят слухи, что ваши эксперименты дают какие-то фантастические результаты...

— С каких пор ты стал доверять слухам?... — Штейман помолчал, снял очки, протер их белым батистовым платком, потом надел их обратно и внимательно взглянул на Сергеева. — Пусть пришлет мне свои анализы... А лучше, если уж он тебе такой друг, привози его. На месте разберемся. Только позвони предварительно. Что за манеру взяли...

«Красная стрела» уносила их из Питера поздно ночью. Ехали так же, как и из Москвы — в одном СВ Наташа с Темкой, в другом — Фил в одиночестве. Темка так умаялся за день, что заснул почти сразу же, как его голова коснулась подушки. Немудрено — все дни в Питере были насыщенными до предела, а уж последний — особенно, несмотря на то, что Фил появился прямо перед отходом поезда. Они и без Фила нашли чем заняться после Петродворца. Покатались на катерочке по каналам, посидели в кафе, вечером пошли в цирк — совершенно случайно, просто увидели афишу и решили — а почему бы нет? Темка был счастлив. И, судя по улыбке, сны ему снились тоже счастливые. Наташа немного посидела рядом, удостоверилась, что ребенок спит крепко — до Москвы не разбудишь, и вышла из купе.

Подошла к соседнему, постучала. Фил, открыл — уставший, сонный и за-

думчивый.

— Ты еще не спишь? — Наташа прошла и села за столик, на котором стояла бутылка дорогого красного вина — уже открытая, фрукты, шоколадные конфеты, и — как-то очень по-советски — бутерброды с вареной колбасой.

— Хотел дождаться тебя.

— Да Темка только заснул...

— Какой-то он стал в последнее время вертлявый, я заметил...

— Такая вот реакция на ваше величество... слишком много впечатлений.

Фил присел напротив Наташи, разлил вино в граненые стаканы, улыбнулся, как будто извиняясь...

Наташа отпила глоток. Действительно вкусно, хотя она и не была такой уж тонкой ценительницей сухих вин.

— Ты утром выходить не спеши. Я выйду первая. Меня кто-то встречает.

— Кто?

— Не знаю.

— Нам, как партизанам, все время приходится скрываться, — недовольно заметил Фил.

— А ты как хотел... женатый человек...

— Моя жена... она никогда меня не понимала. Что я делаю, где бываю... И теперь она для меня только мать... моего ребенка. Так что я уже бродяга со стажем.

— Но ведь дочь ты любишь?

— Это единственное, что меня держит... У тебя ведь тоже не все гладко... Таможня... Твое присутствие в этой системе кажется мне странным.

— В этой жизни все странно, — строптиво ответила Наташа, выбрала из кучи фруктов персик и принялась жевать, глядя в окно. Фонари мелькали, сливаясь в желто-золотую цепь, украшающую тяжелый бархат ночи. Фил тоже молчал. Потянулся за бутербродом, потом передумал.

— Кстати, а что сейчас делает Вика?

Наташа оторвалась от окна, посмотрела на него холодно, потом отвернулась обратно и тихо сказала:

— Вика умерла.

— Как?! — вскрикнул Фил.

— С вашей помощью, — с горечью сказала Наташа.

Фил даже подскочил на диване, замотал головой, провел рукой по волосам.

— Но ведь ничего особо страшного тогда не случилось. Нашли доллары, и что? Не посадили же. Попугали просто.

— Ты откуда знаешь? — вопрос прозвучал резко, Фил ответил не сразу. Опустил глаза, долго о чем-то размышляя.

— Я тебе в отеле соврал... В тот день как раз была моя смена.

Наташа порывисто вздохнула, опустила на стол недоеденный персик и вышла из купе. Фил за ней не последовал, так и остался молча сидеть, уставясь в окно. Тишину нарушала только песня, то ли радио, то ли проводница включила кассету.

Из динамиков неся хриловатый мужской голос:

*Бегут столбы километровые,
Мелькают сонные огни
И жизнь летит с такой же скоростью*

Мелькают люди, годы, дни
Но жизнь это выбор
Меж адом и раем
Меж знойных пустынь и дождей проливных
Дороги, которые нас выбирают,
Дороги, которые нас выбирают,
Которые выбрали мы
Звенит в ажурном подстаканнике
Граненый временем стакан
Уносит ночь далеких странников
Под стук колес к чужим ветрам
Но жизнь это путь
Между адом и раем
Меж тропок отвесных
И радостных трасс
Дороги, которые мы выбираем,
Дороги, которые мы выбираем,
Которые выбрали нас

Глава шестая

Калифорния

—... Да все эти новые демократы — в душе коммунисты, — говорил Лысый (кстати, звал его Гарри, но об этом он и сам, должно быть, давно забыл). Руки его в это время забавлялись с тонким шелковым шнурком — весьма безобидным на вид, но незаменимым для «мокрого» дела. — Не верю им! Убить залетного пока не поздно! — шелковый шнурок взметнулся вверх и с силой ударил по столу.

Старик в белом костюме и с белой же бородой, словно выкрашенной акриловой краской, сидящий в кресле в углу, недовольно поморщился, но ничего не сказал.

— Замочить не сложно. Успеем всегда, — лениво протянул Поляк, стоящий у иллюминатора. Он глядел на океан, сверкающий в лучах жаркого калифорнийского солнца, и думал о тех временах, когда и у него будет такая же яхта — с кают-компанией из красного дерева, заставленная антикварной мебелью и завешанная подлинниками импрессионистов. Импрессионистов Старик любил, возможно, это было единственное, что он любил в своей жизни.

— Уберем — теряем выход на Россию. — Поляк повернулся к Старика, ожидая поддержки. Старик кивнул.

— О чем тут говорить? — кипятился Лысый. — Какие-то новые разработки, о которых никто толком ничего не знает.

— А ты чего хочешь? — Поляк усмехнулся. — Чтобы нобелевский комитет присудил им премию в области химии?

— Я не хочу связываться с этими русскими, — гнул свое его оппонент. — Они запрограммированы только на разрушение. — Удавка при этих словах со свистом разрежала воздух и опять опустилась на стол.

— Не скажи, не скажи... А кто подводные лодки для колумбийцев собирает? — вставил свое слово Волосатый, только что вошедший в салон, держа в руках поднос с хрустальным графином, в котором золотилось что-то явно очень старое и дорогое. Блондинка Кимберли, в чем-то явно очень новом и тоже дорогое, расставляла на столе закуски. Волосатый поставил графин, посмотрел на него с вожделением и продолжил тему:

— Русские... Я с ними знаком... Гриша-людоед и Сеня-Тарзан. Очень полезная вещь в нашем деле.

— Лаборатории... Петербург... А почему Петербург? — Лысый наконец спрятав свою игрушку.

— Море... — Поляк опять мечтательно уставился в иллюминатор.

— Дальний Восток — тоже море.

— Там у русских спутник висит. Мелкая рыбешка видна, не то что... — наконец-то заговорил Старик — неторопливо, так, чтобы всем было понятно — каждое его слово — на вес золота, а может, повесомее.

— Насчет спутников не знаю. — Поляк подошел к столу, взял хрустальный стакан с драгоценной жидкостью.

— Ая знаю. Русские на многое способны. Я еще пилотом с ними в Корее дрался.

— Я и говорю — мочить надо, — вставил Лысый.

— Русского не трогать. Глаз не спускать. Свяжитесь с Толстым. Все, — под-

вел итог разговора Старик.

Кимберли налила ему коньяк, поднесла к креслу. Сама устроилась на ручке, отпила из своего стакана и мурлыкнула от удовольствия. Разговор медленно свернул с делового русла и более туда не возвращался.

Москва

Больница Сергеева приятно удивила. Чистая, недавно отремонтированная, в холле пальмы в горшках. Сергеев даже подошел, за листок подергал — не пластмасса ли? Нет, натуральные... Вдоль стеночки стоят уютные диванчики, на них сидят и чинно беседуют посетители с пациентами. Никто не шумит, не кричит, Наполеоном себя не объявляет, на людей не кидается. Правда, за пальмами притаились два могучих санитаря, но и те ведут себя прилично, смотрят по сторонам, ни к кому не пристают. А вот и Стас вышел, поискал Сергеева глазами, улыбнулся, правда, слабо, криво, и присел на диван. Сергеев — рядом. Мялся долго, не решаясь спросить, как дела. Выглядел Стас из рук вон плохо. Впрочем, так он выглядел уже давно. Стас его приходу обрадовался, он судорожно вцепился в руку друга, и принялся рассказывать, нервно. Быстро, без остановки, словно боясь, что сейчас те могучие санитары выскочат из-под пальм и уведут его из уютного холла, в недра больницы, туда, куда посторонним вход воспрещен и где, собственно, и протекает больничная жизнь — палаты на шесть человек и решетки на окнах.

— ...И как назло, каждую ночь снится, что «шмы-гаюсь»... — рассказывал он, не позволяя Сергееву вставить ни слова, — И кайфую... Ты знаешь, дядя, как кайфую... Просыпаться страшно. Глаза открываю и не могу врубиться. Веришь? — Стас так близко придвинулся к Сергееву, что тот прямо-таки вжался в диван. — Какое-то время кайф еще держится, просто чума какая-то! Потом проходит. Убалтываю себя, что это мираж... потом психи просыпаются, кричать начинают... Алкашей будят, а тем поспать охота... Они на психов орать начинают... Потом санитары вступают. И так — каждое утро. Дурдом, короче...

— Ты же сам сюда пришел... — неуверенно возразил Сергеев.

— Да пойми, дядя, живем-то не на облаке. Мне что, теперь ото всех прятаться?

— Терпи.

— Не знаю. — Стас встал с дивана и принялся нервно расхаживать по холлу, изредка оглядываясь на санитаров. Санитары не реагировали. «А одного из них я где-то видел, — вдруг подумал Стас. — Лицо знакомое...» Вдруг стало страшно, затряслись ноги, и Стас опять опустился на диван. «Неужели и здесь нашли? — лихорадочно думал он. — Никуда от них не деться...»

— Ты пойми, я действительно «завязать» хочу... Только не галстук вокруг шеи...

— Да... Юмор у тебя мрачноватый... — Сергеев смотрел на друга с жалостью.

— Уж какой есть... — Стас все смотрел на санитаря, показавшегося ему знакомым, но тот никак на его взгляд не реагировал. «А может, и показалось...» — Стасу хотелось бы так думать.

— Совсем забыл, — встрепнулся Сергеев, и сунул Стасу пакет с фруктами, который до этого вертел в руках. — Тут разные витамины... Может, поможет...

Стас заглянул внутрь.

— Что-то многовато. Пару апельсиновя, конечно, съем, а остальное — психи растащат. Они же здесь при коммунизме, для них уже давно все общее...

— Круто тут у вас. — Сергеев встал, явно торопясь закончить тягостную встречу. — Ну, ты держись. На неделе забегу. До встречи.

— Ну, дядя, бывай... — Стас тоже встал, протянул другу руку. Несколько секунд колебался, потом все-таки спросил: — Как там Наташа?

— Нормально.

— Еще не переехала на Бронную, к Борис Семенычу? — он криво улыбнулся.

— Волков не тот человек. — Сергеев покачал головой. — Да, он к ней не равнодушен, но это не значит, что он ее прямо завтра поведет под венец.

— А жаль. Он мужик нормальный, ему бы я ее доверил. — Он немного помолчал. — Ты поздравь ее... У нас сегодня годовщина.

— Чего?

— Чего-чего... Развода.

— Дурак ты!

— Это точно, — Стас вздохнул, еще раз кивнул на прощанье и ушел. Сергеев помялся в холле и тоже двинулся к двери. В дверях его остановил санитар — не тот, который показался Стасу знакомым, а другой.

— Он что, ваш родственник? — спросил он участливо.

— Друг.

— Жалко парня... Только зря все это.

— Вы о чем?

— Все равно ведь не вылечат. — Лицо у парня было простое, деревенское, обрамленное курчавой русой бородкой.

— Почему же так?

— Да бессмысленно. Ну, привезут их сюда, ну, очистят... Только и пользы, что здесь не колются. А как выйдут — опять за свое: таблетки-то один хрен не помогают...

— Выходит, здесь не клиника, а театр какой-то.

— Сам ты театр, — санитар обиделся, — делаем, что можем. Но лучше бы ты его отвез в монастырь, к отцу Никодиму на исповедь, — санитар кивнул Сергееву, жалостливо пропустил его к двери.

Днем в «Поплавке» народу было мало. Для ланча место малоподходящее, сюда обычно подтягиваются ближе к вечеру — в бильярд поиграть, музыку послушать, посмотреть на красивых девочек — и не только посмотреть, если, конечно, финансы позволяют. Так что Маковский оказался почти что в одиночестве — если не считать о чем-то тихо беседующую парочку парней в уголке зала. Фил заказал кофе и принялся ждать — впрочем, недолго. Не прошло и пяти минут, как за его спиной раздалось негромкое покашливание.

— Господин Маковский, не стоит волноваться, мы никогда не опаздываем.

Фил обернулся. Невысокого роста толстячок улыбался ему лучезарной улыбкой. В улыбке было что-то смутно знакомое — почти так же улыбался Поляк во время их разговора в доме на берегу моря. Как будто в гангстеры нынче набирают, как в Голливуд, — тех, кто улыбается лучше.

— Прошу вас в отдельный кабинет, там нам будет удобнее.

Толстячок прошел к дверям, кивком приглашая Фила за собой. Парни в углу зала встали из-за своего столика и направились за ними, но толстячок жестом велел им остаться.

В кабинете стол был уже накрыт. Толстяк вольготно расположился в мяг-

ком кресле, налил себе минералки, положил на тарелку салат и начал разговор:

— Вы намерены работать с нашими американскими друзьями. А значит, вторгаетесь в сферу наших деловых интересов, — он сделал многозначительную паузу, подцепил вилкой салатный лист, отправил его в рот, запил минералкой и потом уже продолжал:

— Выходит, мы обязаны сотрудничать.

Фил к еде не прикоснулся. Даже минералки не налил.

— Как вы все про меня хорошо знаете.

— Естественно, — толстяк опять продемонстрировал свою фирменную улыбку, — таким образом, каждый займется своим делом. Вы гарантируете производство, мы обеспечиваем транспортировку, американцы — сбыт. На наш взгляд, это идеальная схема.

— А если я откажусь? — Фил прищурился.

— Вы же умный — не откажетесь. У нас найдется множество способов убедить вас дать свое согласие.

— Я могу подумать?

— Конечно! — толстячок ответ обрадовал. — Именно бездумные действия нас больше всего огорчают. Обязательно подумайте. Не смею вас больше задерживать. Или, может быть, вы тоже желаете перекусить? Не стесняйтесь!

Толстячок с аппетитом принялся за еду.

— Нет, спасибо. — Фил поднялся, попрощался и вышел из кабинета.

Двое парней, дежуривших у двери, посмотрели ему вслед.

— Надо бы проверить этого «пассажира», — сказал один другому. — Аркаш, пусть проследят.

Неожиданно сонное спокойствие «Поплавка» взорвалось криками и грохотом сапог. Несколько десятков людей, в камуфляже и с автоматами, словно соткавшись из воздуха, заполнили собой небольшой зал ресторана. Все произошедшее было настолько внезапным и нереальным, что Аркаша и другой, оставшийся безмянным, охранник, оказались на полу, лицом вниз. Раньше, чем успели шевельнуть хотя бы рукой. Фил шевельнуть рукой успел, попытался отбиться — что было совершенно нереально и глупо, принимая во внимание количество нападавших. Через несколько секунд он уже присоединился к отдыхающим на полу, с руками, заломленными за спину и в железных браслетах. Немного позже к ним присоединился и толстячок, с которого мигом слетели его респектабельность и добродушие. То, что он при этом говорил, даже для ушей многоопытного Фила было слишком. Ребята в масках посмеивались, явно удовлетворенные хорошо проделанной работой.

— «Центр», я — «Беркут», — один из них, видимо, командир, включил рацию. — Взяли всех четверых. Никакого шума. Все тихо.

Тихо действительно было. Так, что трель одинокого комара, залетевшего на огонек, разносилась по залу, словно «Полет шмеля», исполняемый для слегка глуховатой публики.

— Внимание, уходим, — распорядился командир. — Эту четверку — по разным машинам. Вперед!

Группа захвата исчезла так же быстро, как и появилась, прихватив с собой своих пленников.

Официанты, застывшие под дулами направленных на них автоматов, поти-

хоньку начали отмерзать, один, самый молоденький и не утративший еще естественного юношеского любопытства, бросился к дверям, в надежде увидеть еще что-нибудь интересенькое.

Одинокий посетитель у стойки, буквально минуту назад забредший сюда неизвестно как и зачем, моргнул и влил в рот только что заказанные сто граммов. Моргнул еще раз, закусил маслиной и пробормотал, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Пора «завязывать»...

Привезли Фила в следственный изолятор МВД. Молча втолкнули в одиночную камеру и оставили в неизвестности. Отказавшись, несмотря на все требования, хоть как-то объяснить происходящее. Минут десять Фил метался из угла в угол, время от времени испытывая крепость стальной двери ударами кулака. После очередного крика конвойного: «Хватит тебе там стучать! „Стучать" надо было раньше!», — наконец остановился, глубоко вздохнул, сделал несколько дыхательных упражнений, заставляя себя успокоиться, и сел на нары, глубоко задумавшись.

Следователь Столяров в это время в своем кабинете разговаривал по телефону. И чем дольше говорил, тем мрачнее становился. Глаза его метали молнии в адрес оперативника Расторгуева, который расхаживал по кабинету, нервно курил, стряхивая пепел на и без того не слишком чистый пол.

— Все осмотрели?.. Ну? — говорил в трубку Столяров. — Это все мелочовка... Я тебя про документы спрашиваю! Что?.. Да такую туфту я только теще могу предъявить, а не «Толстому»! Ладно... Все ясно, сворачивайтесь!

Столяров бросил трубку на рычаг, и, не мигая, уставился на оперативника. Расторгуев глаза отвел, обнаружил на столе пепельницу, пододвинул ее к себе и принялся долго и старательно тушить докуренную до фильтра дешевую сигарету.

Следователь помолчал, налил себе воды из графина, отпил несколько глотков, аккуратно поставил стакан на место и вдруг, размахнувшись, изо всех сил ударил кулаком по столу. Стакан жалобно звякнул, но устоял, а вот Расторгуев от неожиданности пепельницу выронил.

— Ты же божишься, скотина, — заорал Столяров, — что возьмешь его с документами! Ну, и где они?! Где?! Я тебя спрашиваю!

— Да были. Сто процентов — были... — принялся оправдываться несчастный. — Не понимаю, когда и где он их скинул... Ты же знаешь, какой «Толстый» фокусник...

— Ну спасибо, утешил! Я теперь, по твоей милости, по уши в дерьме! Мало того, что от начальства по башке получу, так еще перед этим извиняться!..

А уж его адвокаты просто живьем сожрут! Это ты хоть понимаешь?

— Чего уж тут не понять... — совсем сник Расторгуев.

— Так тебе все мало — ты мне еще американца в наручники одел!

— Да ладно тебе, Вить! Какой он, к черту, «американец»... Рожа рязанская, говорит без акцента. Ксива, наверняка, поддельная. Ребята сейчас проверяют, но я на все сто уверен. Да он с туфтой расколется. Ему деваться некуда, он тебе «Толстого» с потрохами сдаст, — начал с жаром убеждать оперативник. — А со свидетелем — это ж другой разговор. Можно и «Толстого» на нары пристроить...

— Ишь как у тебя все гладко получается, — недоверчиво покачал головой

следователь. — А если у него паспорт не липовый? Тогда как?

— Да из него такой же американец, как из меня — балерина.

— Ну, Костик, гляди... Ловлю на слове. Если что, ты у меня вот на этом самом столе тридцать два фуэте открутишь.

— Да хоть шестьдесят четыре! — радостно заулыбался Костик. — Я тебе точно говорю — этот Маковский — интересный фрукт. Сколько мы «Толстого» пасли, он ни разу не засветился. А теперь «Толстый» сам на него выходит. Чувешь, чем пахнет?

— Чем? — подозрительно спросил Столяров.

— Эх ты, крыса кабинетная, — позволил себе даже некоторую снисходительность Костик. — Да он — киллер, гадом буду. Причем, не «бычара» какой-нибудь, а профессионал. У него ж на лбу написано. «Толстый», видать, решил кого-то из своих конкурентов замочить, вот и вышел на него с заказом, — у оперативника вдохновенно заблестели глаза, версия, только что пришедшая в голову, показалась абсолютно логичной и единственно верной. — Короче, надо срочно откатать пальчики Маковского, может, они у нас в компьютере имеются. И колоть его надо как полено! Представляешь, «Толстого» на заказе взять? Это же круто! Поверь оперу, Витя, я задницей чую... — Расторгуев прекратил лихорадочно бегать по кабинету, плюхнулся на стул, победно посмотрел на Столярова, вытащил очередную сигарету и закурил с видом Наполеона, только что взявшего Москву.

Следователь смотрел на него с уважением и даже некоторой завистью — надо же, как у человека мозги работают, создать такую теорию, не имея почти никаких фактов! Тишину нарушил телефонный звонок.

— Да... Столяров слушает. Т-а-а-к... — Это «Т-а-а-к» прозвучало так, что Расторгуев забыл про сигарету и застыл, не донеся ее до рта.

— Настоящий?.. Уверены?.. В какой гостинице?.. Ясно... Это точно?.. Ладно, понятно... Это все? — Следователь нажал на рычаг аппарата, держа трубку в руке. Посмотрел на оперативника нехорошим взглядом и набрал номер.

— Алло, Фадеев?.. Да, я. Слушай внимательно. Срочно свяжись с ФСБ и передай им Маковского как гражданина США... Что?.. Что у тебя с мозгами? Ну и проверни это дело поскорее, а то у меня здесь своей головной боли хватает... Действуй...

Столяров положил трубку, глядя на оперативника все так же нехорошо. Расторгуев сидел, словно приклеившись к стулу. В руке печально тлела забытая сигарета.

— Что это ты, опер, своей задницей к стулу прирос? — Следователь Столяров сгреб со стола кипу бумаг и убрал их в ящик. Телефон поставил на пол, графин со стаканом последовали туда же. Расторгуев следил за этими манипуляциями настороженно.

— Давненько я в балет не хаживал... — Столяров похлопал рукой по опустошенному столу. — Кстати, Костик, пуанты у тебя с собой?

Встречу с Мартином Соколов назначил в тихой кафешке в Центре. Удивительно, но в Центре еще остались тихие места. Немного свернуть с оживленной Тверской, и вы оказываетесь в уютном дворике, куда редко заходят посторонние. Кафешка здесь тоже для своих — недорогая, уютная, и кофе по-восточному здесь варят именно так, как варили во времена Соколовской молодости — на песке, крепкий, живой, ароматный — не то, что все эти новомодные

эспрессо с их машинным вкусом. Соколов сидел за столиком у окна и наслаждался кофе, ожидая Мартина и в душе надеясь, что тот не появится как можно дольше — не так-то много у генерала выпадало минут, когда можно вот так просто посидеть, расслабиться, поглазеть в окно...

— Извините, что заставил вас ждать. — Мартин появился спустя пять минут после назначенного времени.

— Ничего страшного. Ну, как вам у нас?

— Привыкаю понемногу.

— Может быть, есть какие-то проблемы?

— Проблема одна, — Мартин помрачнел. — Мы сегодня потеряли Маковского. И он до сих пор не объявился: ни в гостинице, ни у хоккеистов... ни даже на личном свидании...

— А я это предвидел, — сказал Соколов с некоторым даже удовлетворением в голосе, — знаете, я попросил бы вас не ставить пока в известность о происшедшем сотрудников посольства. И в особенности ваших кураторов. Чего раньше времени баламутить... Мы решим эту проблему.

— Хорошо, господин генерал. — Мартин пожал плечами. — Сегодня выходной, так что информировать все равно некого.

Хорошенькая официантка подошла к столику, развернула перед новым посетителем меню. Мартин непонимающе уставился на непонятные русские буквы, потом вопросительно посмотрел на девушку. Она хихикнула и на ломаном английском принялась рассказывать про особенности национальной кухни. Из рассказа Мартин понял, что питаются русские из рук вон плохо — сплошной жир, холестерин и пирожки с капустой. Сразу как приехал он уже отведал местной кухни, и результат был плачевным — пришлось полночи проспать на унитазах. Пару раз в Сан-Франциско он заходил в русские рестораны вместе с Ириной, но кухня там разительно отличалась от местной.

— Спасибо, ничего не надо, — он захлопнул меню. — Лучше загляну в Макдональдс. Дерьмо, но привычное. До свидания.

Мартин поднялся со стула, пожал Соколову руку и пошел гулять по Москве. Сегодня в гостинице он взял путеводитель и собирался прогуляться по городу, может быть, зайти в какой-нибудь музей. Поклонником искусства он не был, но считал своим долгом познакомиться с достопримечательностями тех стран, куда забрасывала его работа. Если, конечно, выдавалось свободное время, — а то бывало и так, что продохнуть некогда, не то, что пойти куда-нибудь.

Соколов не стал допивать остывший кофе, а заказал себе еще одну чашку. Достал мобильник, набрал номер.

— Алло... — ответила трубка.

— Сергеев, ты не успел еще с таможни уволиться?

— Как вы сказали — заявление написал.

— Погоди. Возьми обратно. Ты еще там нужен.

Не успел Маковский смириться с судьбой и своей временной обителью, как его вывели и опять куда-то повезли. Правда, на этот раз без наручников. Потом опять была камера, потом кабинет — и пожилой товарищ старосоветского вида, представившийся майором ФСБ Дегтяревым.

— Не волнуйтесь, господин Маковский, мы обязательно свяжемся с вашим посольством. К сожалению, — майор развел руками, — сейчас это сделать никак невозможно. Сегодня четвертое июля — День Независимости США... Кста-

ти, с праздником вас.

— Благодарю, вы очень любезны, — холодно ответил Фил. — Но не мог бы я узнать, в чем меня обвиняют и на каком основании я арестован?

— Вы не арестованы, а задержаны, — поправил майор. — И пока, повторяю — пока — вас не обвиняют. Вообще, как видите, у нас с вами беседа, так сказать, неофициальная, без протокола... Просто хотелось бы задать несколько вопросов.

— Не возражаю.

— Прекрасно. Хотите сигарету?

— Спасибо, я не курю. Лучше воды предложите. — Больше всего Фил сейчас жалел, что отказался пообедать вместе с улыбчивым бандитом. Арест после обильной трапезы был бы куда меньшим испытанием, чем на голодный желудок.

— Конечно-конечно. — Дегтярев подвинул Филу стакан и пластиковую бутылку с минералкой. Подождал, пока тот напьется и приступил к допросу:

— Скажите, вы знакомы с гражданином Кураевым Петром Петровичем?

— Нет.

— В некоторых кругах он известен как «Толстый».

— Я не знаю такого человека.

— Не понимаю вас, господин Маковский, — сокрушенно покачал головой Дегтярев. — Какой смысл отрицать совершенно очевидные вещи? Вы встречались с ним в ресторане и были вместе задержаны.

Дегтярев достал из стола фотографии, предъявил их Филу. На снимках весьма отчетливо были видны два беседующих господина — толстячок, оказавшийся Кураевым Петром Петровичем, и сам Маковский.

— Вы имеете в виду этого человека? К сожалению, он мне не представился.

— Помилуйте, господин Маковский! — всплеснул руками Дегтярев. — Такие люди, как Кураев, не подходят в ресторанах к первому встречному и, уж тем более, не приглашают случайных людей в отдельный кабинет. Вы меня разочаровываете таким ответом...

— И тем не менее, это так.

— Ну что ж... Предположим. Хотя, согласитесь, что это маловероятно. Практически, я бы сказал, невозможно. Ну предположим... Зачем же вы понадобились господину Кураеву? Только не говорите мне, что он спрашивал у вас, который час.

— Я этого и не говорю, — манера следователя тянуть кота за хвост начала Фила порядком раздражать.

— Прекрасно! В таком случае, о чем же шла речь, если не секрет?

— Секрет, вы угадали. Именно этого я и не могу вам сказать.

— Да... что-то не складывается у нас беседа, вы не находите? Господин Маковский, — майор Дегтярев оперся подбородком о стоящие на столе руки и пристально посмотрел Филу в глаза. — Я хочу, чтобы вы поняли, что отвечать на мои вопросы правду — в ваших собственных интересах. Человек, с которым вы встречались, кое в чем подозревается, согласитесь, что вполне логично допустить и вашу причастность к его преступной деятельности. Тем более, вы отказываетесь отвечать на вопросы...

Некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза, потом Фил тяжело вздохнул и произнес:

— Хорошо, я отвечу. Дело в том, что ваш господин...

— Кураев, — подсказал майор.

— Вот-вот... Этот господин Кураев, как вы сказали, в миру — «Толстый», обратился ко мне в связи с моей профессиональной деятельностью...

— То есть? — не понял Дегтярев.

— Вам, наверное, известно, что я нахожусь в России как представитель НХЛ?

— Да, конечно.

— Так вот... Господин... Как вы сказали, его фамилия?

— Кураев...

— Господин Кураев откуда-то узнал об этом и обратился ко мне с просьбой...

— Какой?

— Он сказал, — охотно пояснил Фил, — что очень обеспокоен судьбой российского хоккея и готов вложить деньги для восстановления его престижа на мировой арене. В связи с этим он собирается приобрести несколько хоккеистов НХЛ для одного из российских клубов. Его интересовали приблизительные затраты на это мероприятие. Вот, собственно, и все. — Маковский улыбнулся.

— Понятно... — протянул Дегтярев. — Однако, уважаемый господин Маковский, есть во всем этом неувязочка...

— Что за неувязочка?

— Во-первых, господин Кураев Петр Петрович, а попросту — «Толстый», никогда в жизни не имел отношения к спорту вообще и к хоккею, в частности. А во-вторых, вначале вы сказали, что ваша беседа является секретом. Позвольте спросить, что же такого секретного вы мне только что сообщили?

— Охотно отвечу на оба ваших вопроса. Во-первых, господин Кураев просил меня не афишировать свои замыслы. Даже вы не знали, что он собирается вкладывать деньги в спорт. А во-вторых, по условиям моего контракта, я не должен разглашать коммерческие тайны. Впрочем, — пожал плечами Фил, — вы можете спросить и самого Кураева о содержании нашей беседы.

— Спросим, спросим... — пообещал майор, — всенепременно спросим, уважаемый господин Маковский. Ну что ж... С прискорбием должен констатировать, что наша беседа не удалась... — Дегтярев вздохнул, сокрушенно покачал головой и нажал на кнопку, вызывая конвоира. Конвоир появился — высокий, с квадратными плечами и квадратным же подбородком.

— Проводите, пожалуйста, господина Маковского в камеру, — церемонно обратился к нему майор. Подождал, пока квадратный выведет задержанного в коридор, и снял трубку внутренней связи.

— Шестаков на месте?

В предназначенной Филу камере один обитатель уже был. Правда, разглядеть его сразу не удалось из-за стеной стоящего сигаретного дыма. Когда глаза привыкли, на нарах нарисовался щупленький типчик. С сигаретой в зубах, естественно, и с газетой в руке. Прежде чем начать разговор, Филу пришлось долго откашливаться.

— Здесь окно открывается?

— Дерзай! — абorigine показал на небольшое зарешеченное отверстие под потолком.

Фил сделал от двери ровно три шага и оказался у стены с оконцем, но открыть его даже не попытался — только взглянул сквозь туман сигаретный на туман уличный, расчерченный на квадратики металлической решеткой.

— По каким статьям проходите? — спросил щуплый без особого любопытства, скорее, просто чтобы поддержать разговор.

— Какие статьи имеете в виду?

— Да уж не газетные!

Фил не ответил, лишь взгляделся в сокамерника повнимательнее.

— Как долго здесь?

— А здесь и полдня долго, — фыркнул тот. — Завтра выхожу. Может, чего надо?

Фраза прозвучала двояко — непонятно было, имеет ли он в виду настоящий момент или завтрашнюю «волю».

— Закурить не найдется?

Щуплый достал из тумбочки пачку «Примы», спички и протянул Филу.

— Держи.

— Спасибо.

Фил закурил, сделал несколько глубоких затяжек, выпуская дым в потолок. Давно он уже не курил такой гадости. Он вообще давно не курил — но сейчас сигарета как-то соответствовала моменту. Щуплый с любопытством смотрел на мастерски выпущенные кольца.

— Москвич? — обратился к нему Фил.

— Питерский.

— Слышь, питерский, в Москве-то постоишь?

— Ты не спрашивал — я не слышал... — прошептал щуплый, таинственно показав пальцем наверх. Фил посмотрел на палец, на потолок, на дверь камеры, наклонился к уху сокамерника и гаркнул хорошо поставленным командирским тоном:

— Встать! Смирно!

Щуплый команды выполнил. Видимо, от неожиданности.

— Фамилия? — грозно спросил Фил.

— Шестаков!

Взгляд у Шестакова был ошалелый.

— Вольно... — разрешил Фил. — Хреново работаешь, Шестаков... Куришь «Приму», — Фил еще раз демонстративно затянулся, — а на пальцах следов от табака нет. Отмылся, опять же, плохо — парфюмом французским припахиваешь... А по легенде от тебя «Сашей» или лесом русским вонять должно. Да и вообще... «Неуд» тебе, Шестаков! Как говорится, приходите завтра.

Понурый Шестаков молча опустил на свою койку, так же молча взял «Приму» и закурил. Так они и курили вдвоем, лишь изредка обмениваясь мрачными взглядами.

А в кабинете у майора Дегтярева в это время раздался звонок телефона спецсвязи. Мгновенно подобравшись, как будто вышестоящие товарищи могли его не только слышать, но и видеть, Дегтярев снял трубку.

— Майор Дегтярев слушает.

— Генерал Соколов, — голос у генерала был явно недовольный.

— Здравия желаю, товарищ генерал!

— Гражданин США Филипп Маковский у вас? — осведомился недовольный

генеральский голос.

— Так точно, у нас. В камере.

— С посольством связывались?

— Никак нет, с посольством еще не связывались, товарищ генерал.

— Ну и не связывайтесь. Маковского выпустить, и чтоб никто ничего не знал, — распорядился генерал.

— То есть как? — не понял Дегтярев.

— А так! Исключить утечку информации! Понял?

— Так точно, понял! — поспешил успокоить генерала ничего не понимающий Дегтярев.

— Идет спецоперация, — снизошел до объяснения Соколов. — И если вы мне ее сорвете, я лично с вас, майор Дегтярев, буду спрашивать! Я вам всем головы снимаю!

Фила из камеры вывели прежде, чем огорченный и ошарашенный Шестаков собрался с силами произнести хоть слово. Он даже на небрежно брошенное «гуд бай» не отреагировал. Оказавшись на улице — без всяких объяснений и извинений, Фил с минуту постоял перед воротами, соображая, куда идти, потом медленно направился вверх по улице. Не успел он пройти и нескольких шагов, как рядом с ним остановилась роскошная машина. Медленно опустилось тонированное стекло, и в неверном свете теплого июльского вечера Филу предстало улыбающееся добродушное лицо толстячка.

— Рад приветствовать вас на свободе, господин Маковский.

— Благодарю. Однако, как я вижу, вы меня опередили, господин Кураев.

— Это вполне естественно. В России тоже есть адвокаты. Садитесь, господин Маковский, я вас подвезу.

— Спасибо, я и так по вашей милости засиделся. Так что, пожалуй, пройду.

— Прелестный каламбур, — хохотнул Толстяк — в миру господин Кураев. — Поверьте, я ценю хороший юмор. Приятно было познакомиться. Мое предложение, остается в силе. Так что думайте, господин Маковский. — Толстый достал из кармана часы, золотые, старинные, — Фил обратил на них внимание еще в их прошлую встречу — открыл крышку. Зазвучала красивая старинная музыка. Кураев полюбовался часами и засунул их обратно, поднял глаза на Фила.

— Я вас найду, — сказал тот, кивнул на прощание и зашагал дальше. Толстый немного посмотрел ему вслед, потом стекло закрылось, и машина тронулась с места.

Для того, чтобы хорошо отдохнуть, давно уже не надо ехать далеко и надолго. «Пансионат «Березки» — это как раз то место, где можно получить все удовольствия лучшего заморского сервиса, отдалившись от московской кольцевой дороги километров на тридцать». Если бы «Березки» нуждались в рекламе, она, наверное, звучала бы именно так. Но вышеназванный пансионат в рекламе не нуждался. Те, кому положено, знали о нем и так, а те, кому не положено, были здесь нежеланными гостями — точнее, гостями вообще не бывали. Ну, разве что приезжали в гости к гостям...

Сейчас посетителей в пансионате было немного, летом народ все-таки предпочитал собственные подмосковные уголья, а сюда стягивались ближе к осени, когда поплавать в бассейне с натуральной термальной водой стано-

виться наслаждением большим, чем качаться на качелях в родном вишневом саду. Да что бассейн, минеральная вода текла тут даже из кранов — пей, не хочу, поправляй здоровье. Это было одной из причин, по которой, наезжая в Москву по делам, Сатаров предпочитал останавливаться именно здесь. Квартира в Москве у него, конечно, тоже была, но кому он нужен, этот центр — грязно, душно, пробки сплошные. А тут — плескайся себе в минеральной водичке.

Наплескавшись, Сатаров подплыл к бортику, вылез, обтерся, плюхнулся в шезлонг, налил себе свежавыжатого апельсинового сока и повернулся к сидящей в соседнем шезлонге Алевтине:

— Дура ты, дура, — продолжил он воспитательную беседу, начатую еще до заплыва. — Ты хоть понимаешь, что творишь? Когда-нибудь влипнешь так, что даже я не вытащу. И что тогда?

— Столица, — лениво отвечала Алевтина, потягивая мартини, — жизнь дорогая, сам знаешь... Зарабатываю.

— Срок ты себе зарабатываешь! — Сатаров повысил голос, благо, в бассейне никого не было, только официант у бара. Но у официантов здесь ушей нет — кому они здесь нужны, ушастые...

— Загремишь на нары лет на шесть... Тебе это надо?

— Какая трогательная забота! С чего бы это? — Алевтина покосилась на собеседника, встала, грациозно подошла к бортику, склонила голову, словно раздумывая — стоит ли портить водой — пусть даже и термальной, роскошный модельный купальник, созданный явно не для того, чтобы в нем плавали.

— А с того, что ты мне не безразлична. — Сатаров окинул ее стройную фигурку взглядом, оценивающим и в самом деле далеко не безразличным. — Сегодня ты продаешь, а завтра сама подсядешь. Тут уж — пипец! И я себе этого не прощу! — последние слова прозвучали с излишним, пожалуй, пафосом, простительным, впрочем, для человека восточного.

Алевтина обернулась, удивленно вскинула брови:

— А при чем здесь ты? Мы же теперь чужие...

— Это я тебе чужой, а ты мне... — Сатаров укоризненно покачал головой. Поднялся, подошел к девушке, отечески положил ей руки на плечи. — я бы не стал тогда тебя в Душанбе от этих ублюдков прятать... Тебя бы они точно прибили... И сейчас... — объятие из отеческого грозило перерасти в более близкое, и Алевтина отодвинулась, вспоминать о тех временах, когда они с Тимуром были любовниками, ей не хотелось. Не из тех он был любовников, о которых приятно вспоминать. Не красавец — это ладно, а вот то, что он в постели вытворять любил... Алевтина поежилась от воспоминания. И хоть бы раз, мерзавец, поинтересовался, ей-то какво все это терпеть...

А насчет помощи, это еще как посмотреть. Жила себе на свете Аля Верникова, тихая, приличная девушка, спокойно жила, пока этот кобель на пути не появился...

— Я не хочу, чтобы ты шлялась по этим грязным клубам, там же сплошная помойка: наркота, пидарасы, лесбиянки... — голос Сатарова опять стал отеческим, взгляд тоже.

— С вами станешь лесбиянкой...

— Вот я и хочу, чтобы у тебя был совершенно другой круг, нормальные солидные люди, чтобы отвечали за свои поступки, не жлобы...

Алевтина усмехнулась.

— А где ты таких видел?

— Места знать надо, — Сатаров хитро прищурился. — Есть у меня один человек. Очень серьезный.

— Подложить меня хочешь?

— Да ладно тебе, подложить... — Тимурчик вроде как даже обиделся. — Я тебя просто познакомлю, а ты смотри сама, ты же не маленькая.

— Ты бы лучше денег мне дал. Я бы в Лондон слетала... — взгляд Алевтины стал мечтательным и уплыл куда-то вдаль. — Там серьезных много. Нашла бы себе какого-нибудь джентльмена...

— Джентльмена тебе... Вотс моим другом туда и слетаешь. И посмотришь, кто круче...

Алевтина не ответила, изящно изогнулась и прыгнула в объятия чистойшей бирюзовой воды. Сатаров постоял у бортика, раздумывая, стоит ли ему окунуться еще раз, и, видимо решив, что не стоит, пошел допивать свой сок.

Зачем его понесло в больницу, Фил и сам не знал. Просто какое-то нездоровое любопытство — захотелось увидеть Наташиного мужа, посмотреть, что за человек ей столько боли доставил. Она все ему рассказала про свой брак и про то, что его разрушило — тоже.

Почти сразу же Маковский пожалел о своем решении приехать сюда, но было уже поздно — Стас уже вышел к нему, уставился на незнакомца удивленно.

— Филипп Маковский.

— И что тебе надобно, дядя? — с любопытством спросил Стас. Вид у него был не ахти какой. Но Фил подозревал, что обычно он выглядит еще хуже. Глаза, во всяком случае, у Стаса были ясные. Определенно, пребывание в больнице пошло ему на пользу.

— Я знакомый Наташи.

Стас моментально нахохлился, ушел в себя.

— Ну, и что вам от меня надо? Мы с ней уже давно не виделись.

— Я знаю... — больше сказать было нечего, и на некоторое время в холле повисло тягостное молчание.

— Я знаю, Марк-Антон умер. Примите мои соболезнования. Я был с ним знаком. Кстати, от чего он умер?

— Не ваше дело. Также мне, следователь нашелся, — он глядел на Фила враждебно и повернулся было чтобы уйти.

— Я люблю Наташу, — вдруг сказал Фил негромко.

— Мне-то вы зачем это говорите? Ждете благословения.

— Может статья, мы не сможем быть вместе. Я хотел бы знать, что у нее все хорошо.

— Смотрите, какой благородный нашелся! — Стас подошел к Маковскому вплотную, злобно глянул на него снизу вверх — в росте и комплекции он явно ему уступал, хотел сказать еще что-то, но, видимо, не нашел слов.

— Пошел ты... — единственное, что ему удалось выдать.

Санитар, дрейфующий в отдалении, поднапрягся, подошел поближе, но его помощь не понадобилась — драки не произошло.

Чувствуя себя полным идиотом, Фил вышел из больницы и направился на встречу с господином Кураевым.

Ресторан «Прага» заметно улучшил уровень обслуживания с достопамятных советских времен, но нельзя сказать, что Фила это порадовало. Когда-то в глубокой юности в этом ресторане Филипп Маковский защищал честь своей тогдашней дамы сердца в драке сразу с тремя не особо трезвыми и очень кровожадно настроенными противниками, и с тех пор у него остался небольшой ножевой шрам на животе и очень неприятные воспоминания. Фил подозревал, что нынешнее его посещение плавучего трактира хороших впечатлений ему не прибавит. Толстяк уже сидел за столиком и уныло жевал салат, запивая минеральной водичкой. За соседним столиком примостились Хохол и Аркаша, при появлении Фила слегка востропавшие, но быстро успокоенные мановением руки хозяина.

— Здоровый образ жизни решили вести? — Фил присел за столик.

— И тебе советую. — Толстяк отправил в рот очередной кусок зеленого салата. — Дольше проживешь.

— И помру здоровым. — Маковский подозвал официанта и заказал свиную отбивную с жареной картошкой. Толстяк поморщился.

— Ты что в больничке делал?

— Я?

— Ну да. О чем с дружкой лабуха покойного базарил?

— Это личное.

— А у нас, друг мой, личного нет. Одно дело делаем, значит, все мы — одна семья.

— Понятно.

Официант принес сочный дымящийся стейк, поставил его перед Филом, Фил отрезал кусочек и отправил в рот, пожевал и кивнул одобрительно. Толстяк посмотрел на мясо тоскливым взором и подцепил на вилку ломтик огурца.

В этот момент в зал вошел Мартин, скользнул глазами по компании в углу и направился в противоположный конец зала, явно стремясь остаться незамеченным. Толстяк его все-таки узнал, нахмурился и подал знак своим сидящим на стреме телохранителям. Те поднялись и направились к Мартину, делающему вид, что старательно изучает меню. Бесполезное занятие, если учесть, что английский вариант в ресторанах такого уровня не предусмотрен.

— Ну что, потрещим? — Аркаша бесцеремонно вырвал меню из Мартиновых рук, присел за соседний стул и уставился на иностранца круглыми наглыми глазами. — Че ты все время вокруг ошиваешься? — он вдруг потянулся и вытащил у Мартина из нагрудного кармашка визитку Алевтины.

— What?

— Что вот? Что тебе от нашей Алевтины надо?

— Why is this? — Мартин то ли действительно удивился, то ли изобразил удивление весьма натурально.

— Ху и Зося... Ты мне тут не гони... Интурист чертов... Аркаш, похрюкай с ним.

Аркаша, тоже присевший рядышком, немедленно вступил в диалог на весьма сносном английском — во всяком случае, делать вид, что ничего не понимает, Мартин уже не мог. Tell me, my friend, what you wont from our girl?

— I don t wont speak about it.

— Хочешь не хочешь, а придется, — напрягаться Аркаше надоело, и он пе-

решил на родной великий и могучий. Встал, сгреб Мартина в охапку и поволок к выходу. Мартин уцепился за стул, потом извернулся и попробовал засветить нападавшему в ухо. Скатерть со стола полетела на пол, Хохол, ринувшийся на помощь напарнику, запутался в ней, чуть было не полетел на пол и огласил окрестности отборным трехэтажным матом. Аркаша выхватил пистолет и сунул под нос Мартину.

— Стой, козел! Руки вверх!

Мартин послушался.

— Вот так теряют серьезных клиентов.

Толстый смотрел на разворачивающееся действие с вялым любопытством, Фил вскочил и поспешил на помощь американскому товарищу.

— Блин, совсем оборзели! — распихал он нападавших. — Эти америкосы за любого своего уroda-наркомана готовы поднять международный скандал!

— Да он на урода не похож... — с сомнением произнес Аркаша.

— А ты знаешь, что он наркоман? Ходит тут, вынюхивает... — поддакнул Хохол.

— Давайте я его увезу, потолкую в машине по-свойски, — предложил Фил. Let s go! — пока парни раздумывали, он решительно подтолкнул Мартина к двери, кивнул на прощание Толстому и направился к выходу.

— Эй! Если ему наша телка понравилась — поженим, — в спину ему закричал Хохол.

— Полюбил — женись, — подмахнул Аркаша, пряча пистолет в карман.

— Логично... 111 bring you to the hotel. — Еще раз подтолкнув Мартина, Фил вывел его за дверь. До машины они шли в полном молчании.

— Куда? — спросил Фил, садясь за руль.

— В «Украину».

— А сюда тебя как занесло? В эту компанию?

— Девушка познакомила. Очень милая. — Мартин уставился в окно, с интересом рассматривая московские красоты. Москва Мартину нравилась — удивительный город, хоть и безалаберный. На улицах всегда пробки, даже ночью. Никогда ничего не найдешь, а спросить не у кого — по-английски никто не говорит, а кто говорит, у тех спрашивать бессмысленно — сами ничего не знают.

— «Шерше ля фам», — усмехнулся Фил. — Тебе что, правда товар нужен?

— С чего ты взял?

— Я тебя уже где-то видел. То ли здесь, то ли в Штатах. Ты здесь зачем?

— Лошадей покупаю, — «легенда» у Мартина всегда была одна и та же, в лошадах он разбирался действительно замечательно, с любым коннозаводчиком беседу мог поддержать, И вообще, лошади — это сейчас модно. Все кому не лень конным спортом занимаются, и главы государств, и главари мафии.

— Это тебе на конный завод надо. Отвезти?

— Спасибо, я уже был.

— У меня дочка тоже на лошадах катается.

— Знаю.

— Откуда?

— И про дочь знаю, и про жену...

Фила подобное заявление явно ошеломило, некоторое время он растерянно молчал, потом произнес:

— Хорошая компания у моих девочек...

— И про тебя я тоже кое-что знаю. Ползаешь, как червяк внутри мафии. И не только русской. Лично я советую завязать, пока не поздно.

— Посоветуй моей бабушке. Ты что, агент непонятной безопасности?

— Думай, как знаешь.

Они завернули на Арбат и намертво встали в пробку. Мартин с интересом рассматривал дом Саввы Морозова, чья вопиющая несуразность выпирала даже из московского эклектичного стиля.

— Что ты так обо мне волнуешься?

— Меня в первую очередь волнуют нормальные люди. Если бы не твоя жена...

— Ты что, с ней спишь? Или вербуешь в свою секту?

— Как тебе угодно, — Мартин продолжал созерцать архитектурное чудо за окном.

— Ишь какой угодливый, — спокойствие американца уже начало выводить Фила из себя, к тому же его — возможная — связь с его, Фила, женой пробудила нечто, похожее на ревность. Ну да, живут они давно врозь, но не разведены ведь! И к тому же могла бы найти себе что-нибудь посolidнее, дипломата, что ли...

Особняк за окном сменился небольшой белокаменной церквушкой, а на подъезде к Дому Книги они встали окончательно.

— Как же ты так? В вашей секте холостых быть не должно.

— А в вашем логове правила соблюдаются? — Мартин наконец-то оторвался от созерцания городского пейзажа — тем более что серые спичечные коробки новоарбатских построек никакой архитектурной ценности не представляли, и посмотрел на Фила.

— Ты в наше не суйся, живи в своем!

— Поживем... Вот таких как ты выловим...

— Выловим!.. — Фил озверел окончательно, отпустил руль и сунул руки под нос своему пассажиру. — Ну давай, одевай наручники!

Машина дернулась, Мартин, испугавшись, схватил руль, машину повело в сторону...

— Козлы! — раздалось из открытого окна соседнего автомобиля, — обкурились, что ли?

— Пошел ты! — ответил Фил и схватился за руль поверх рук Мартина. — Пока что я тебя поймал...

— Я тебя уже десять раз мог повязать, — Мартин раздраженно высвободился и откинулся на кресло.

— И что ж мешало?

— Интуиция.

— О-о-о! Интуиция?

После Садового кольца пробка немного рассосалась, во всяком случае, пешеходы, обгонявшие автомобили с легкостью олимпийских чемпионов, понемногу стали отставать.

— Я чувствовал, что ты меня когда-нибудь выручишь, — Мартин улыбнулся и опять принялся созерцать пейзаж за окном.

— Ишь, какой ты чувствительный... Повезло же моей жене...

— Тебе тоже...

— С тобой?

— С Наташей. Классная баба.

— Ну, ты просто — моя тень... — Фил опять начал заводиться, но Мартин прервал его, указав на обочину.

— Останови здесь. И давай забудем о нашей встрече.

Машина затормозила, Мартин отстегнул ремень, который он по американской привычке не забыл надеть, и открыл дверь.

— Я-то забуду, а они напомнят, — криво улыбнулся Фил.

— Скажи — «озабоченный». «Запал» на русскую.

— О кей, «озабоченный»... Надеюсь, мои близкие ничего не узнают.

— Будь спокоен. И, мой тебе совет, кончай с этим.

— Кончай... — Фил нажал на газ и сорвался с места. — Мы еще и не начинали...

Глава седьмая

Летом в выходные в Парке Горького народу всегда полно, а сегодня, на музыкальном фестивале, вообще яблоку негде было упасть. Наташа сказала, что будет около главной эстрады, но обнаружить ее в этой пестрой толпе представлялось делом невероятным. Поэтому Фил просто прислонился к дереву — все скамейки уже были заняты влюбленными парочками — и набрал ее телефон. Через минуту она подлетела к нему — смеющаяся, оживленная, похожая на беззаботную школьницу в этом своем цветастом сарафане и с косой, перекинутой через плечо. У Фила защемило сердце. Схватить бы ее и унести далеко-далеко, туда, где никто их не достанет... Так ведь везде достанут, сволочи...

— Здорово, правда? — И она потащила его к танцующим.

— А где Тема?

— На карусели, со Стасом. — Она махнула рукой в сторону колеса обозрения — не того, большого, с которого пол-Москвы видно, а маленького, детского. Стас и Тема как раз находились на его вершине. Фил посмотрел на них, слегка нахмурился, потом улыбнулся и закрутил Наташу в головокружительном вихре танцевальных па. Публика, которая больше толкалась на площадке, чем действительно танцевала, расступилась, любуясь красивой парой.

— Смотри, наша мама танцует! — Тема, вертевшийся в своей кабинке, восторженно показал пальцем на танцплощадку, в центре которой выдавали класс Наташа и Маковский.

— Где?.. Где? — вытянул шею Стас.

— Да вон же она, вон!

Стас наконец увидел.

— И с ней дядя... Серьезный дядя...

— Он не серьезный, он чудной. Он, вообще, из Америки. — Тема уже раз десять успел пересмотреть свое отношение к Филу, и так ни на чем не остановился. Вроде бы, хороший, но...

И, к тому же, папа в последнее время часто звонить стал, пригласил вот их с мамой в парк. Может, и не нужны им никакие американские дяди?

— Его там все знают — и Буре, и Грецки... — Колесо благополучно описало полный круг и опустило отца с сыном на землю. Они подошли к танцующим, остановились поодаль. Немного полюбовались танцующей парой, которая уже перешла к танго. Толпа вокруг восторженно хлопала.

— Посиди-ка пока здесь... — Стас усадил Тему за столик уличного кафе, подошел к стойке, порылся в карманах в поисках денег.

— Принесите ему мороженое.

— Какое?

— Какое-какое... Хорошее... — до мороженого ему явно не было никакого дела.

Отдав деньги, он направился к танцующим, уверенно вошел в круг, оттеснил Фила от Наташи. Зрители наблюдали за происходящим с любопытством, а внимание зрителей Стаса всегда вдохновляло. Если Фил танцевал хорошо, то Стас — просто превосходно. На короткое мгновение ганца они с Наташей составили одно целое, и Фил вдруг ощутил такой укол ревности, что чуть было не бросился на соперника с кулаками. Там, в больнице, Стас был жалок. Сейчас — уверен в себе, и казался полностью поборовшим свое пристрастие.

Надолго ли?

Фил двинулся в их сторону, Стас это уловил и не стал дожидаться развития событий — оставил свою партнершу посреди площадки и удалился с видом победителя. Фил и Наташа остались стоять посреди круга, растерянно глядя друг на друга. Желание продолжить танец испарилось, кураж прошел. Публика, почувствовав, что представление закончено, частично разошлась, частично присоединилась к танцующим. Наташа с Филом молча выбрались с площадки и подошли к Теме, который уплетал уже вторую порцию мороженого.

— Папа пошел билеты на карусель брать! — радостно сказал он, чмокнул маму в щеку перемазанными губами и умчался вслед за отцом.

— Хочешь мороженого? — прервал молчание Фил.

— Нет, спасибо.

Они пошли по аллее в сторону аттракционов, потом свернули на менее оживленную тропинку.

— Он всю жизнь был такой, — Наташа смотрела куда-то в сторону.

— Прости, что ты сказала? Я не расслышал.

— Ты сегодня совсем меня не слышишь. Ал-ло! Ты где? — она повернулась к нему.

— Я уже близко, — печально улыбнулся Фил. — Скоро буду.

— Ты не хочешь мне рассказать, что происходит?

— Ничего особенного. Просто неважно себя чувствую... Пройдет, не обращай внимания.

— Ясно... Я вмешиваюсь не в свое дело, — горько сказала Наташа и опять отвернулась.

— Вот как?

— Да, именно так!

— Хорошо, что бы ты хотела узнать?

— Ты все равно не скажешь... Ну и правильно, почему ты должен со мной откровенничать? Скоро улетишь в свою Америку. Просто я, дура, слишком много хочу от жизни.

То, что ничего серьезного между ними быть не может, она знала с самого начала, и все-таки, как и все влюбленные женщины, надеялась... После Питера он сильно изменился — что-то там произошло, она это почувствовала. Но что — так и не выяснила. Плохой из нее получился соглядатай...

После Питера они встречались, и не раз, но Фил отдалялся все больше и больше, мрачнел, замыкался в себе...

Она почувствовала, как слезы наворачиваются ей на глаза.

— Ну не надо... — Фил обнял ее, пытаясь успокоить. Некоторое время они просто стояли так, никого вокруг не замечая, пока Темкин голос не вывел их из оцепенения:

— Эй, ну вы где? Папа на колесо билеты на всех взял!

— Идем, идем... — очнулась Наташа.

Они пошли к каруселям, где, поджидая их, стояли Тема и Стас.

— Спасибо тебе за Петербург... Все было очень здорово. И Теме понравилось... Спасибо.

— Не понял, ты что, прощаешься со мной?

— Так получается... — в ее голосе прозвучала тоска.

— Ну, хочешь, я сделаю так, что мы будем видеться чаще?

Музыка, до этого наполняющая все уголки парка, вдруг закончилась — обрвалась прямо посередине веселого вальса.

— Тебя подозревают... Я не верю в это... И не хочу верить... — голос ее задрожал, на глаза опять навернулись слезы.

— Успокойся, успокойся... Все не так страшно. Потом ты сама все поймешь.

— Когда потом?! — она остановилась. Фил взял ее за руку, сказал, словно размышляя вслух:

— Давай бросим все!... мои проклятые тайны, твою дурацкую работу. Возьмем Темку и исчезнем...

— Давай! — выпалила Наташа в ответ.

Фил убрал руку, отстранился.

— Может, в этом выход, — произнес задумчиво. — Давай пока отложим этот разговор. Завтра я лечу в Америку. Надо. Понимаешь, очень надо, — потом взглянул на нее и, как бы жалея, повторил еще раз:

— Понимаешь?

Темка подбежал к ним, посмотрел озадаченно. Стас, явно лучше разобравшийся в ситуации, остановился немного в стороне.

— Это ты так ничего и не понял, — взгляд ее был усталым, как у человека, которому давно надоело играть в бессмысленные игры.

— Прощай... — Наташа взяла у Темы билеты, молча сунула их Филу, и, потянув Темку за руку, уверенно зашагала прочь... Тема растерянно оглянулся, но противиться маме не стал. Только тоскливо посмотрел на отца и потом вопросительно — на Фила.

Фил стоял неподвижно, понимая, что допустил очередной прокол, и едва ли не самый значимый...

— Ну что, дядя, покатаемся? — спросил Стас, когда Наташа с Темкой скрылись за поворотом.

Фил без всякого энтузиазма кивнул, соглашаясь.

Перед отлетом он хотел позвонить Наташе, даже набрал номер, но повесил трубку, едва слышав ее голос. Ничего такого, что бы ее обрадовало, он сказать не мог, а простаться еще раз...

В аэропорту он заметил Мартина — тот возвращался тем же рейсом. Они не поздоровались друг с другом, даже головой не кивнули. В самолете их места оказались почти рядом, но ни у того ни у другого не было желания поддерживать светскую беседу. Фил задумчиво смотрел в иллюминатор, пока самолет взлетал, провожая глазами Москву, а потом откинулся в кресле и закрыл глаза.

— И потом без всяких видимых причин, вылетел в Сан-Франциско через Харбин. Он был явно чем-то встревожен.

Наташа пришла к Волкову с очередным отчетом, на этот раз последним. Ей почти нечего было сказать после Питера, нечего было сказать и сейчас. Волков все эти дни ходил мрачнее тучи, с Наташей, кроме как на рабочие темы, не общался.

— А как он тебе объяснил свой отъезд?

— Никак. Сказал, что надо... Очень надо.

— И это все, что ты можешь мне сообщить?

— Мне кажется, у него неприятности.

— Кажется? Или неприятности?

— Я не знаю...

— А что ты вообще про него знаешь? — Волков вдруг разозлился. — Любит Петербург, импрессионистов, хорошие рестораны, знает языки, учит Темку английскому, обещает привезти клюшку из НХЛ... с автографом. Или же еще что-то?

— Если честно, то ничего.

— Информации ноль, одни чувства...

— А может, и чувства! Или вы хотели, чтобы я у него взяла прошение об отставке? Я и так старалась, как могла!

— Прошу избавить меня от интимных подробностей твоих стараний! — Волков приподнялся в своем кресле, навис над столом, глядя на Наташу не то с болью, не то с яростью.

— Дура!

— Не смейте со мной разговаривать в таком тоне! — она вскочила со стула.

— Ты что, влюбилась в него, что ли?

— А вот это уже — мое личное дело. И, думаю, вас это не касается.

Она с вызовом посмотрела ему в глаза, руки ее непроизвольно сжались в кулаки:

— И вообще, кто вас прислал в нашу семью? Вы знали, что Вика тогда, после Парижа, была ни при чем?

Наташу этот вопрос мучил с самого Питера, но она все никак не решалась его задать. Наверное, боялась ответа. После Викиной смерти Волков стал для нее самым близким человеком, фактически, заменил отца. А в последние годы она стала замечать, что вызывает в нем не только отеческие чувства. Она и боялась этого, и надеялась. Особенно после того, как они со Стасом перестали жить вместе. Но что-то Бориса останавливало, может быть, эта тайна, которую он тщательно от нее хранил. А потом появился Фил...

— Это тебе Маковский сказал? — Волков опустил в кресло, прикрыл рукой глаза.

— Что Маковский... Вы знали или нет?

Волков молчал долго, Наташа уже было решила, что он так и не ответит.

— Знал, — он буквально выдавил из себя это слово. — Но ни тебе, ни Вике об этом не сказал.

— А почему?

— Струсил или не успел, думай как знаешь... — теперь в его голосе звучало чуть ли не безразличие, как у человека, который знает, что самое тяжелое и неприятное уже позади, и теперь все равно уже ничего не поправишь.

Наташа подошла к окну, с тоской посмотрела на яркий июльский день, который вдруг утратил для нее все краски.

— И теперь ты хочешь искупить свою вину? Возишься со мной всю жизнь...

Волков поднялся из-за стола, подошел к ней, встал рядом. Взглянул в окно, потом на нежный Наташин профиль, поднял уже руку, чтобы коснуться ее плеча, но не посмел...

— А что, если я влюбился?... — голос его звучал хрипло и прерывисто. — Сначала в Вику, а теперь вот тебя полюбил...

Еще недавно она была бы рада этому признанию, а теперь...

— Ты знаешь, кто погубил Вику?

— Знаю! — Волков отстранился от нее, голос его опять стал жестким. — Но

тебе сказать не могу.

Наташа отвернулась от окна, посмотрела прямо в глаза своему шефу:

— Тогда я вас прошу, перестаньте обо мне даже думать.

В кабинете повисло молчание, такое тягостное, что, казалось, его можно потрогать рукой и сложить из него стену, как из кирпичей.

— Как ты, оказывается, умеешь делать больно... — сдавленно произнес Волков и отвернулся к окну.

— Надоело! — закричала вдруг Наташа. — По какому праву вы вмешиваетесь в мою жизнь! Что за контроль! Хватит! обойдусь без ваших советов! Я хочу жить так, как я хочу! Я, понимаете, я! А не вы! — голос ее неожиданно сорвался, в нем послышались слезы. Она попыталась их сдержать, но не сумела, и через секунду уже рыдала — зло и неудержимо. Волков подскочил к ней, усадил на стоящий неподалеку диван, обнял и принялся утешать, словно ребенка.

— Борис Семенович, можно?

Сергеев, сунувшийся было в дверь, быстро оценил ситуацию и ретировался.

Глава восьмая

85-й год

Переборщили мы с тобой тогда, Тимурчик, переборщили... — после сытного обеда, проворно собранного челядью на берегу стремительной горной речки, Барин лежал на вытканном вручную узорном покрывале и рассеянно следил за чистой прозрачной водой. Вода набегала на камни, заворачивала их в белоснежные пенные кружева и бежала дальше, тут же забыв о встреченном препятствии, а камни оставались там же, где и были. Сатаров смотрел на Барина, стараясь угадать хозяйское настроение. Настроение было надежно скрыто под широкими полями белой панамы и черными очками-консервами.

— Кто же знал, что так получится... Хотели ж «невъездной» сделать, — Сатарову чисто по-человечески спортсменку было жаль, но служба есть служба, ничего не поделаешь.

Барин помолчал, потом поинтересовался:

— Ну и как служится на новом месте?

— Я так вам благодарен, Игорь Иванович... Вы меня просто спасли, теперь должник на всю жизнь...

— Да ладно, ладно... Хотя хорошо, что ты это понимаешь... Если бы не я, сколько бы тебе намотали? — Барин оторвался от созерцания речки, очки сверкнули в сторону Сатарова.

— Не меньше червонца, — Сатаров поежился и подобострастно улыбнулся. — Да я же понятия не имел... Вы ведь знаете, Игорь Иванович...

— Камушки за бугор... Я-то знаю... Но подпись-то твоя на документах... Поди докажи, что ты не верблюд.

— Оказался крайним... — Сатаров заерзал на своем покрывале, не таком нарядном, но тоже ручной работы. Барин хмыкнул.

— Вот-вот, Тимурчик, а отсюда вывод — никогда не будь крайним. Понял?

— Да нет, просто... Не повезло...

— Ишь ты, не повезло ему... Мы живем на большой помойке, — Барин взмахнул рукой в сторону гор, речки, ясного неба и прочих среднеазиатских красот. — Чувствуешь запах? — Тимурчик послушно принял. Пахло горной речкой, жарой и остатками обеда. Приятно пахло, но хозяин сказал — помойка, пусть будет помойка. Сатаров сморщился. Барин опять хмыкнул.

— И жить надо по законам помойки. Или ты жалкая крыса, которую рано или поздно сожрет другая, более мудрая, или ты хозяин и сам решаешь, какую крысу приручить, а какую пустить на колбасу.

Барин Ницше читал, Сатаров — нет, и аллегория ему не понравилась. Может, перестарался он все-таки с выражением верноподданнических чувств? Все-таки неприятно, когда тебя крысой называют... Темные барские очки смотрели теперь на собеседника, не отрываясь.

— Цинично, зато верно.

— А как же религия? Коран, Библия? — все-таки осмелился возразить Сатаров.

— Несмешно, Тимурчик... Коран, Библия, Ветхий Завет... Все эти сказки придуманы для того, чтобы помойка была послушна и управляема. Придуманно здорово, не спорю, умными людьми... — Барин сделал паузу, стряхнул с рукава сухую травинку. — И выживать-то надо не среди помоечных крыс, а устроить

собственный пир... Пушкина читал?

— «Пир во время чумы»?

— Сам ты чума... «Нас мало избранных...» — говорил Пушкин. Или ты избранный, или ты дерьмо. Третьего не дано, — провозгласив свой «Символ веры», Барин откинулся на покрывало и затих. Сатаров, наоборот, поднялся и в задумчивости принялся бродить по берегу. Крыс тут не бегало, а вот норку тарантула нашел, присел над ней радостно, достал из кармана восковой шарик на длинной нитке. Опустил в норку, слегка подергал, как будто рыбу ловит, рывок — и вцепившийся в шарик тарантул раскачивается в воздухе.

— Игорь Иванович, смотрите, поймал! — Сатаров гордо предъявил Барину добычу.

— Ишь, какой ловкий...

— Детская привычка... я ж здесь вырос...

Тарантул отцепился, и, отбежав, замер у норки неподалеку. Сатаров прицелился в него журналом, но сердобольный барин его остановил.

— Ты его не убивай. Пусть живет.

Улыбнулся и добавил:

— Он к другой норке выведет, связь сдаст... Вот тебе билет в Кабул, вылет в 19:30, как раз успеешь собраться. Потом объясню, что от тебя требуется.

Сатаров понял, что деваться некуда, долг платежом красен. Не согласиться нельзя, согласиться — страшно. Сатаров с тоской смотрел на тарантула. Эх, повезло ему... Отпустили его, Сатарова никто теперь не отпустит...

— Не бойся, я тебя в обиду не дам, — прожурчал Барин голосом довольного кота, только что позавтракавшего мышкой. — Будешь меня держаться — будешь жить, как белый человек. Ну что, искупаемся? И по шашлычку!

Старик сидел в шезлонге и любовался парой царственных лебедей, плавающих по зеркальной водной глади живописного озера. В почтительном отдалении выстроились охранники. Маковский, сидевший в соседнем шезлонге, неторопливо потягивал виски. Выпивка по такой жаре, — а в Калифорнии в июле начинаются по-настоящему горячие денечки — в горло не лезла, но что поделать, другого ничего не предложили. Видимо, представление о русских у местной мафии было весьма определенное. Пьют они всегда, везде и все, а не выпив, никакие вопросы решить не в состоянии.

Тяжело поднявшись с шезлонга, Старик подошел к самой кромке воды. Он заметно сдал в последнее время. Маковскому это, конечно, заметно не было, но Кимберли, которая сидела чуть поодаль и делала вид, что погружена в изучение глупейшей статьи из какого-то глянцевого журнала, видела все. И нездоровый цвет лица, и неуверенную походку, и трясущиеся руки, — они заметно подрагивали, когда старик кидал лебедям хлебные шарики. Конечно, все его аристократическое величие еще осталось — и произвело заметное впечатление на Маковского — но в приближенных кругах давно уже ходили слухи, что Старик серьезно болен. Он, конечно, опровергал их, как мог, рука, правившая созданной за долгие годы империей, все еще была железной, но уже заметно тряслась. Назревал передел власти — и в этой связи новое вещество, которое можно было получить из России, становилось не просто новым способом получения прибыли, но козырной картой в руках того, кто сумеет наладить его поставки. Пока торжествовал Поляк — Старик открыто демонстрировал ему свое расположение, и видимо, готовился передать корону именно

ему. Но все зависело от нового товара...

— Препарат должен быть тут через неделю, — Старик бросил лебедям последний шарик и повернулся к Филу. — И проблемы со своими русскими решайте сами.

— Я вас понял, — Фил отхлебнул из своего стакана.

— Мне нравится с вами разговаривать, — Старик улыбнулся. — Вы умеете слушать и не задаете лишних вопросов.

— Как учили.

Из дома появился Поляк, подошел к Старика, бережно неся в руках небольшой кейс. Почтительно поздоровался со Стариком, дружелюбно кивнул Филу.

— Вот, тот самый компонент — он поставил кейс на столик, раскрыл. Внутри лежал небольшой металлический контейнер.

— Знали бы вы, сколько трудов нам стоило его достать, — пожаловался он Филу. — И каких денег... Вот печать — код лаборатории университета. Шифр вместе с контейнером вы получите в России.

Фил потягивал ненавистное виски, глядя не столько на собеседников, сколько на великолепный закат, в котором постепенно растворялось раскаленное солнце, на красоту окружающей виллу старика природы, на грациозную пару белоснежных лебедей, которые, поняв, что больше кормить их не будут, уплыли на середину озера.

— Надеюсь, вы меня не разочаруете и товар придет вовремя, — тон Старика был мягок, но в нем явственно сквозила угроза.

Алевтина сидела на скамейке, изо всех сил изображая из себя пай-девочку. На ней было белое муслиновое платье из последней коллекции «Шанель». скромное и простое, неискушенный человек и не определит сразу, как дорого оно стоит. Это платье ей подарил в прошлом году один заезжий англичанин-антиквар, которому она помогла достать старую икону, за которой тот долго охотился. Постели у нее с ним никакой не было, но платье он ей выбирал по своему вкусу, с которым она не сразу согласилась. А вот сейчас этот наряд пришелся как нельзя кстати. Картину дополняли распущенные по плечам светлые волосы и томик Ахматовой в руках. Она делала вид, что читает, исподтишка рассматривая Волкова, прогуливающегося по дорожкам сада рядом с Тимурчиком. Они негромко о чем-то говорили, о чем — Алевтина со своего места расслышать не могла.

«А мужик и вправду ничего, — размышляла она. — Высокий, представительный. И по лицу видно — не дурак какой-нибудь».

Из-за ограды теннисного корта слышались четкие удары — кто-то явно показывал класс, одинокий велосипедист уже раз пятый проезжал мимо, поглядывая на прелестную девушку и явно не находя повода для знакомства.

Волков и Тимурчик медленно приближались. Вокруг радостно носился Джек — не так-то часто ему выпадало побегать на просторе.

— Да пойми ты, — убеждал Сатаров старого друга, — всех дел-то на десять минут, меньше...

— Что за груз-то? — спросил Волков хмуро. Встрече со старым другом он был явно не рад — просто отказаться было неудобно. Друг-то высоко взлетел, так что мало ли что...

— Поверь, Боря, ничего серьезного. Уж больно человек... — Сатаров многозначительно поднял глаза. — Сам понимаешь...

Волков промолчал, глядя на Джека, который с веселым лаем погнался за большой желтой бабочкой, имевшей неосторожность попасться ему на глаза.

Через ограду корта перелетел теннисный мяч и упал куда-то в кусты. Сатаров за мячом полез, не поленился, забросил его обратно и получил радостное «спасибо» от невидимых игроков.

— Люди должны помогать друг-другу, правильно я говорю? — Тимурчик посмотрел на Волкова с довольной улыбкой.

— Говоришь-то ты правильно...

— Ну вот! Узнаю старого друга. Слушай, а что ты ко мне не приезжаешь? Я тебе такую охоту устрою — никакое сафари не сравнится. Бассейн, бани, райские гурии... — Он кинул взгляд на Алевтину, до которой оставалось уже несколько шагов.

— Тут, кстати, приехала на каникулы одна студенточка, тебе понравится...

— Я теперь однолюб.

Волков Алевтину уже успел рассмотреть, и нельзя сказать, чтобы она ему не понравилась. Девушка, сидящая на скамейке, была чудо как хорошо, только вот в ее принадлежность к «райским гуриям» почему-то не верилось. Несмотря на чистейший взгляд огромных глаз, которые сейчас оторвались от книги и уставились прямо на него.

— А я тебе двух и не предлагаю, — хохотнул Тимур. — Или ты только со своей шалишь?

— Я со своими бабами сам разберусь.

— Конечно. А пока будешь разбираться, и моя не помешает.

Алевтина отложила книгу, сделала шаг им навстречу.

— Вот познакомься — наша студентка.

— Алевтина, — девушка с искренней улыбкой протянула Волкову руку.

— Очень приятно. Борис, — он надолго задержал ее ладонь в своей. — А я вас раньше нигде не видел?

Улыбка девушки стала загадочной, она пожала плечами.

— Старик, ты видел ее во сне, — Сатаров явно был доволен произведенным Алевтиной эффектом. Джек, тоже, видимо, сраженный Алевтиной красотой, радостно прыгал рядом и напрашивался на то, чтобы его почесали за ушами. Девушка с ласковой улыбкой погладила густую блестящую шерсть.

— Какой же ты красавец... Можно дать ему шоколад? — Волков посмотрел неодобрительно, но, увидев в ее руках плитку белого «Таблерона»

— Ну, разве что такой...

Джек моментально слизнул лакомство с ладони и уставился на благодетельницу с выражением безграничной преданности и робким ожиданием еще одной подачи — а вдруг?...

— Аля, подожди немного, мы сейчас подойдем. — Сатаров увлек Волкова дальше. Когда они отошли уже достаточно далеко, тот невольно оглянулся. Алевтина все так же стояла у скамейки и смотрела им вслед. Поймала его взгляд и улыбнулась едва уловимой улыбкой. Джек, так больше ничего и не дождавшись, потрусил вслед за хозяином.

Ясно, неспроста Сатаров ему такую куклу подкладывает. Серьезное, видать, дело. А девушку жалко...

— Ну что, договорились? — вывел его из задумчивости голос Тимурчика.

— О чем?

— Не хочешь мне помочь... — вид у Сатарова сделался укоризненно-обиженный, как у ребенка, которому не дали вполне заслуженную за хорошее поведение конфету. — По глазам вижу, не хочешь... Обидно, слушай...

— Да я просто не могу. Пойми.

— А я ведь тебя выручал. Такого клиента отдал!

Было такое. Верно, было. Как раз накануне Перестройки. Наташа тогда споткнулась на льду, получила серьезную травму. Все врачи сказали — ходить ей на костылях. Правда, говорили, что есть одна клиника в Швейцарии, и, может, там... Сатаров тогда уже начал в гору подниматься, Волков кинулся к нему, тот посоветовал присмотреться к одному отъезжающему по еврейской линии. Волков из него тысяч на тридцать вытряс бриллиантов — подготовился человек к отъезду!

Визу для Наташи тоже Сатаров выбил, все вопросы утряс — и не взял ничего за помощь.

— Я рад, что мы договорились! — длительное молчание Волкова Сатаров, видимо, принял за согласие. — На днях я сообщу тебе все данные груза.

— Нет, не могу. — Волков очнулся от воспоминаний. — Все, что хочешь, для тебя сделаю, но только не это!

— А зря... Это ж так, тьфу по сравнению с тем, что ты сделал. Как бы кто не узнал... Не от меня, конечно, мы же друзья.

Друзья... Волков посмотрел на него с иронией.

— Решай сам, — Сатаров как-то сразу вдруг утратил интерес к разговору, перестал улыбаться и строить из себя лучшего друга. Прошли те времена, когда он действительно был им.

— Тебе, наверное, пора. Передумаешь, звони.

Перед уходом Волков опять оглянулся. Алевтины на скамейке уже не было.

На следующий день Волков приехал на работу мрачнее тучи.

Понедельник — день тяжелый, это всем давно известно. А этот выдался — хуже некуда. С утра навалилась куча проблем, и разговор с Сатаровым к тому же никак не выходил из головы. Единственное, что оставалось — сжать зубы и готовиться к неприятностям, которых, видимо, было не избежать. Тимурчик теперь не отвяжется, знать бы, что предпримет... И погода, как раз под настроение, как будто небо решило норму по осадкам выполнить за все лето. Единственное, что хоть как-то порадовало — телефонный разговор с Наташей. Он настоял на том, чтобы она на недельку уехала в санаторий — последние события отняли у нее все силы, нервы расшатались. Темка остался с отцом — Стас после лечения сильно изменился и проявлял о сыне искреннюю заботу. Голос Наташи звучал весело, и Волков подумал, что поступил правильно — пусть передохнет, мало ли что будет дальше. Тоскливо взглянув в окно, Волков вышел из кабинета — оставленному в машине Джеку пора было гулять, да и перекусить где-нибудь не помешало бы.

Дождь резкими противными каплями бился в лицо, что отнюдь не прибавляло настроения. Добежав до машины, Волков забрался в кабину, поднес ключи к зажиганию и вздрогнул от неожиданности, когда на плечо ему легла чья-то прохладная ручка.

— Кто?... — он стремительно обернулся. На заднем сиденье потрепанного джипа сидела Алевтина, и Джек — вот предатель! — преспокойно расположился рядышком, чуть ли не мурлыкая по-кошачьи от удовольствия, когда

она почесывала его за ухом, вместо того, чтобы охранять хозяйскую собственность от неожиданных посетителей.

— Как вы?...

— Машина была не заперта. А с собачкой вашей мы как-то сразу подружились.

Алевтина, в кожаной куртке и облегающих джинсах, меньше, чем вчера, была похожа на прекрасное видение, но, пожалуй, даже более соблазнительна.

— Что, таможня понадобилась? — холодно поинтересовался Волков.

— Да нет... Просто решила вас навестить. Тимур так хорошо о вас отзывался...

— О вас тоже. Это он вас сюда прислал?

— Я думала, вы могли бы мне помочь... — глаза девушки затуманились и стали цвета сегодняшнего недовольного неба. — Тимур, вся эта жизнь... Как бы мне хотелось все бросить...

— Что ж мешает?

Алевтина не ответила, только взгляд ее еще больше наполнился горечью. Казалось, горечь эта сейчас хлынет через край и затопит всю кабину просторного джипа.

— Вот, возьмите, — Волков полез в карман, достал деньги.

— Да вы что?.. — Алевтина не столько возмутилась, сколько растерялась.

— Не сердитесь, это на такси, я вас подвезти не смогу — дела.

Алевтина, помедлив, взяла протянутые купюры, опустила их в сумочку, и протянула Волкову карточку из тонкого розоватого картона.

— Позвоните... Может, мы сможем уехать куда-нибудь вместе...

— Конечно, — он взял карточку двумя пальцами, мельком взглянул на номер. — Кстати, там, сзади, есть зонт. Возьмите, а то промокнете.

Алевтина удалялась от машины, грациозно выискивая между луж места посуше. За ней, по лужам, плыла ее визитка.

Во вторник солнце светило на удивление ярко, как будто прося прощение за свой вчерашний отгул. Все отдыхающие в санатории высыпали погреться, в палатах не хотелось оставаться никому. Наташе тоже не хотелось, но и в общественной жизни принимать участие она не собиралась. Поэтому к бассейну не пошла, на корты — тоже. Просто гуляла по дорожкам, стараясь выбрать те, на которых меньше народу. В поисках укромную уголка свернула на боковую аллею, но и тут наткнулась на компанию пожилых дам в цветастых халатах, оживленно обсуждающих последний сериал. На повышенных тонах и чуть ли не ругаясь. Хорошо хоть, шли они медленно, обогнать их ничего не стоило, но как быть дальше? Вон впереди на аллее маячит еще кто-то. Наташа очень обрадовалась, обнаружив небольшую тропинку между ровно постриженных декоративных кустов, и побрела по ней. Очень скоро она оказалась в запущенной части сада, и голос больничных дам, бурно обсуждающих прическу главной героини, стал едва слышен. Тропинка заканчивалась у полуразрушенной беседки, Наташа опустила на покосившуюся скамейку и полностью погрузилась в свои мысли. Она даже не заметила, как к скамейке подошли два незнакомых парня с внушительных размеров корзиной и цветами. Сели по обе стороны от молодой женщины, и принялись тихонько ждать, пока она очнется от своих мыслей. Наконец она открыла глаза и вопросительно по-

смотрела на незнакомцев.

— Здравствуйте, Наташа, все ваши коллеги, во главе с Борисом Семеновичем, желают вам скорейшего выздоровления, — начал разговор один из них, тот, что повыше и поплотнее.

— К сожалению, они просто завалены работой, поэтому мы с удовольствием выполняем их поручения, — тот, что пониже, передал ей корзину.

Ребят этих Наташа не помнила, но мало ли кто в управлении работает. Всех не запомнишь.

— Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо.

— Вот здорово! — с энтузиазмом сказал высокий. — А то Борис Семенович так беспокоится, переживает...

Другой достал из кармана телефон, набрал номер.

— Может быть, сами его успокоите, он так обрадуется.

Наташа с улыбкой взяла трубку:

— Алло, это я. Спасибо за подарки, не стоило беспокоить лю...

Договорить она не успела, в бок ей уткнулось что-то круглое и холодное. Она не сразу сообразила, что это «что-то» было дулом пистолета. Она не успела даже испугаться — это было скорее шоковое состояние, накрывающее человека, когда происходит что-то настолько неожиданное и невероятное, что просто не укладывается в сознании. Второй рукой парень зажал ей рот, хотя мог бы и не стараться — она все равно была не в состоянии вымолвить ни слова.

— Сиди тихо, не дергайся.

Второй из пришельцев, все еще держащий в руках роскошный букет, сейчас его отбросил и выхватил у Наташи трубку.

— Слушай меня внимательно. У тебя есть пять минут. Ты знаешь, кто ждет твоего звонка?... Молодец... Звони Тимуру или найдешь свою девочку в морге. Время пошло.

Он нажал отбой.

— Подождем. Благо недолго, — он посмотрел на Наташу с ухмылкой и демонстративно поднес к ее лицу запястье с огромными часами. По циферблату медленно ползла секундная стрелка. Наташа смотрела на нее, как зачарованная. Рука того, который зажимал ей рот, несколько ослабла, но она даже не подумала этим воспользоваться.

— Смотри, минутка уже прошла.

Секундная стрелка отсчитала еще минуту, потом еще, и наконец-то телефон зазвонил.

— Да, понял, — парень сосредоточенно кивнул, хотя собеседник явно не мог его видеть. Потом отключил трубку и сунул ее в карман.

— Тебе повезло... Посиди еще минут пять и не рыпайся.

Его напарник убрал пистолет, и они оба поднялись со скамейки.

— И не делай глупостей, — предостерегающе произнес тот, что разговаривал по телефону. — Не забывай, что ты все-таки мать...

Они ушли, а Наташа так и осталась сидеть на скамейке с огромной корзиной фруктов на коленях и букетом, валяющимся у ног. Лицо у нее было совершенно белым и неподвижным, и прошло куда более пяти минут, прежде чем она смогла двинуться.

А Волков тем временем стоял у окна в своем кабинете, обреченно уставив-

шись в одну точку где-то там, на горизонте. Точка оказалась самолетом, который становился все ближе, пока не заполнил полнеба, а потом с адским ревом обрушился на взлетно-посадочную полосу. Проводив его глазами, Волков наконец отошел от окна и сел за стол. Порывшись в ящичке, он извлек из-под кипы бумаг бутылку марочного коньяка. Открыл, отхлебнул прямо из горла. На столе зазвонил телефон, но Борис Семенович даже не подумал поднять трубку. В кармане противным визгом надрывался мобильный, но тоже совершенно напрасно.

Когда на улице стало темнеть, бутылка была пуста уже наполовину. Волков отставил ее в сторону и взял уже с полчаса молчащую телефонную трубку. Медленно набрал номер.

— Говорит полковник Волков из УБК. Я совершил два государственных преступления. Одно — 21 января 1984 года и другое сегодня — 13 июля...

Честно говоря, русскую баню Сатаров не любил. Финская сауна была ему больше по душе. Цивилизованней как-то казалась, что ли... Никаких тебе веников, сиди себе на полочке, грейся. А вот Барин, наоборот, русскую парную очень уважал. Поэтому и Сатарову приходилось делать вид, что нахождение во влажном, душном, наполненном паром помещении доставляет ему настоящее удовольствие.

— Душенькаты мой, Тимурчик, Тамерлан ты мой Азиатский, — приговаривал Барин, разлегшись на полатах. Сатаров хлестал его веником, стараясь изо всех сил. — Батыйчик, Ханчик ты мой Тохтамыш! Копье так держат, а не веник! Что ты в одно место его тычешь? Веничком надо широко работать, масштабно. Как мозгами. Ложись-ка, я покажу.

— Может, в другой раз, Игорь Иваныч? — опасливо спросил Сатаров, опуская веник.

— Давай-давай, — Барин слез с полки. — Другого раза, если так будешь себя вести, может и не быть.

— А что такое? — Сатаров неохотно забрался на Бариново место.

— А то, — Барин хлестнул веником так яростно, что Тимурчик даже охнул. — Сколько тебе говорено — дохапаешься. А ну, перевернись!

Сатаров подчинился команде, и тут же его ароматный свежий веник зажал его рот. Барин присел рядом, держа веник двумя руками, так, что Сатаров едва мог дышать.

— Что, воздуха не хватает? Не бойся, не задушу, ты сам себе петлю затянешь. Я тебе хоть и крыша, но не железная. Тоже мне, Золотая Орда, — Барин презрительно скривился. — Одни деньги в башке.

Сатаров, который уже почти задохнулся под веником, наконец-то проявил волю к жизни, рванулся, отшвырнул веник и сел на полке, с трудом переводя дыхание.

— А вам, выходит, они не нужны? — со злостью спросил он.

— Мне, мой дорогой, — наставительно ответил Барин, — деньги нужны только для власти, а ты эту власть облизываешь ради денег. Вот так и существуем. Ложись, через задницу быстрее усвоишь, — он поддал пару, намочил веник в холодной воде и с увлечением принялся охаживать Сатарова, опять покорно распластавшегося на полке.

— Ну, держись, турка! — Барин в очередной раз занес веник и вдруг схватился за сердце.

— Ой-е...

Сатаров, поднявший голову с досок, увидел, как его мучитель начинает медленно оседать на пол.

— Блин, да что же это... — Сатаров испуганно соскочил со своего лежбища, присел на корточки перед лежащим Бариним, пытаясь понять, что произошло. Вдруг начал растерянно озираться по сторонам, словно выискивая невидимого врага, завалившего его патрона. Потом, сообразив, что самое лучшее, что он может сейчас сделать, — позвать на помощь, вскочил и распахнул дверь.

— Петрович, «Скорую», живо! «Скорую»! Барину худо! Петрович, блин, звони скорей — он помрет сейчас!

Потом бросился обратно в парилку, вытащил барина в предбанник, с трудом уложил на диван. Бросился к его одежде, лихорадочно принялся рыться по карманам, бормоча:

— Да где ж они?! Да куда он их положил?! Блин, что же делать?

Найдя наконец таблетки, он дрожащими руками открыл флакончик и попробовал впихнуть пару штук Барину в рот. Ему это удалось, и несколько минут он просто сидел рядом, не зная, что еще можно сделать. Потом стал одеваться, но никак не мог застегнуть пуговицы на рубашке... В предбанник ворвались врачи, с ходу оценили ситуацию и уверенно принялись за работу. Сатаров суетился, путался под ногами, предлагая свою помощь, потом бежал за носилками.

— В машину нельзя, — сообщил ему врач. — Только родственники.

Сатаров порылся в кармане, извлек из бумажника несколько мятых зеленых бумажек, сунул в руку врачу. Ему разрешили сесть рядом с носилками, машина сорвалась с места и на бешеной скорости, разгоняя путающиеся под колесами автомобиля воем сирены, понеслась в сторону ЦКБ.

Уже когда они въезжали в ворота, Барин на секунду открыл глаза, узнал склонившегося над ним Сатарова и неожиданно громко и внятно произнес:

— Еклмн, Тимурчик, это пипец!

Потом он опять потерял сознание.

В больнице Сатаров провел весь день. Когда, уже глубокой ночью, собрался уходить, ему позвонили на мобильный.

— Как там наш Барин? — раздался в трубке вкрадчивый голос Толстого. — выкарабкался?

— Не волнуйся. Такие не умирают.

На городском пляже яблоку негде было упасть. Фил с Машей огляделись вокруг и увиденное их не вдохновило.

— Может, поедем на наше место? — предложила девочка.

— Ладно, — покладисто согласился Фил.

Путь был не близкий, но, в конце-концов, не так-то уж часто он проводил время со своей дочерью. «Интересно, — думал Фил, — а что в это время делает Ирина? Встречается со своим фээсбэшником?»

Он не видел Мартина со дня приезда, но нисколько не сомневался, что недремлющее око не выпускает его из своего поля зрения.

Машина Фила выехала за город и помчалась по хайвэю вдоль моря. Маша беспрерывно говорила — рассказывала все новости, случившиеся за последний месяц от покупки нового телевизора до обеда в любимом китайском ре-

сторанчике. Наконец они свернули на дикий пляж, который открыли еще три года тому назад, причем совершенно случайно. Просто машина вдруг сломалась, и пока ждали аварийку, обследовали окрестности и наткнулись на маленькую живописную бухту.

Маша тут же побежала купаться, а Фил стал выгружать из автомобиля все необходимое для пикника. Покрывало, полотенца, мини-холодильник.

Подержал в руках коробку с воздушным змеем, решая, стоит ли его доставать или оставить в багажнике — ветра все равно нет и места мало для разбега.

— Маш, змея запускать будем? — прокричал он плещущейся в прибрежных волнах дочери.

— Да!

Фил достал из коробки разноцветного бумажного красавца, полюбовался, принялся разматывать бечевку.

Шум приближающегося автомобиля заставил его оторваться от этого занятия. Сюда редко кто сворачивал, любители искупаться предпочитали места более цивилизованные, где и душ принять можно, и мороженого купить, если захочется. Ну, разве что какая-нибудь влюбленная парочка сюда завернет, да и то редко — влюбленные парочки нынче предпочитают мотели со всеми удобствами.

Парочка, вышедшая из черного «Мерседеса», на влюбленных не походила. Мрачный лысый тип, похожий на индуса, и благодушный улыбчивый толстячок, чьи улыбки набили у Фила оскомину уже в Москве.

— How do you do, my friend? — спросил Толстый, подойдя поближе. Огромные черные очки, скрывающие его от солнца и посторонних глаз, уставились Филу в лицо.

Маковский на вопрос не ответил.

— Что-то вы не больно вежливы, — мягко пожурил Толстяк. — Конечно, понимаю, мы без звонка, но какие церемонии с друзьями?

— Пап, это кто? — Маша вылезла из воды, подбежала к отцу и с любопытством уставилась на незнакомцев. Представлять их Фил явно был не намерен.

— Иди-ка, со змеем поиграй... — он вручил ей коробку.

— Я не справлюсь одна, — Маша надула губки, отцовский тон показался ей слишком резким.

— Держи его крепче за хвост, а мне надо с этим змеем разобраться...

Маша отошла с демонстративно обиженным видом, вертя в руках змея и явно не зная, что с ним делать.

— Ваше молчание слишком затянулось, — приступил Толстый к делу.

— А разве у меня есть выбор? — в упор спросил Фил.

Толстый снял очки, повертел в руках, потом опять водрузил их на нос.

— Видите, вот он я, — показное добродушие вмиг исчезло из его голоса. — Стало быть, выбора у вас нет. Поторопитесь, мы опаздываем.

— У меня здесь дочь. Может быть, проявите благородство?

— А мы уже проявили — сейчас за ней приедет мама, — Толстый повернулся к машине, махнул рукой.

С водительского места поднялся телохранитель, подошел к Маковскому и без лишних церемоний впихнул его на заднее сиденье.

— Дайте хоть с дочерью попрощаться! — Фил вырвался, побежал к дочери.

— Папа, ты куда? — Маша, увидев, что происходит что-то странное, помчалась ему навстречу.

— Наверное, в никуда, — вздохнул Фил. Крепко обнял девочку, поцеловал в щеку.

— А как же я? — она смотрела растерянно, переводя взгляд с отца на этих странных людей, не понимая, что происходит.

— Будь умничкой и жди маму.

Телохранитель опять подтолкнул его к машине, Толстый с индусом уже сидели на своих местах, и «Мерседес» сорвался с места, оставив на пляже плачущую Машу.

Фил смотрел в заднее стекло, пока пляж с одинокой фигурой дочери не скрылся за поворотом, потом спросил:

— Куда вы меня везете?

— В аэропорт. Вам придется лететь в Москву.

— Мне бы хотелось завершить кое-какие важные дела...

— Уверяю вас, наше путешествие и есть для вас самое важное дело.

— Я даже не могу заехать за вещами?

— Все необходимое мы вам купим по дороге.

Машина летела по дороге с бешеной скоростью. Больше никто не произнес ни слова за все время, что они ехали.

В аэропорту Фил невольно оглядывался, пытаясь найти глазами Мартина. Того нигде не было видно, что, впрочем, не значило, что ФБР выпустило Филадельфию из своего поля зрения. Хотя откуда им знать, что Маковскому именно сегодня придется возвращаться в Москву. В принудительном, так сказать, порядке.

Фил волновался напрасно — Мартина он просто не разглядел. Тот стоял в отдалении, наблюдая, как Филадельфию ведут к паспортному контролю, а потом достал телефон и долго о чем-то разговаривал...

Билеты были первого класса — на себя Толстый, видим, не скупился, а заодно и всем перепало — чтобы на глазах были.

От спиртного Фил отказался, от еды — тоже. Просто сидел в кресле, закрыв глаза, и притворялся спящим. А потом действительно заснул, и во сне видел себя бунинским «господином из Сан-Франциско», направляющимся в Новый Свет на корабле, под завязку забитом абсолютно разношерстной публикой. Тут был и Толстый, попыхивающий сигарой в углу бального зала, и Индус, разносящий напитки на серебряном подносе, и Марк-Антон, дирижирующий оркестром русских балалаечников.

Поляк со Стариком играли в карты, и Старик был почему-то в чалме. А за бархатной портьерой притаился некто незримый... Может, черт, а может, дьявол... Корабль качало из стороны в сторону, пары вальсировали по залу, с трудом удерживаясь на ногах, а в центре кружились в танце Наташа — во всем черном и с кровавой розой, приколотой на груди, и Волков в форме капитана корабля. Маковский наблюдал за ними издали и вдруг почувствовал, как что-то сдавило ему горло... Шея его вытянулась, глаза выпучились, пенсне слетело с носа... Он рванулся вперед, хотел глотнуть воздуха — и дико захрипел; нижняя челюсть его отпала, и все тело, извиваясь, задирая ковер каблуками, поползло на пол, отчаянно борясь с кем-то...

— Sorry, sir, are you O. K.? — стюардесса трясла его за плечо, встревоженно глядя в его лицо. И ее он тоже видел во сне, она кокетничала со Ста-

сом... Они даже целовались у окна...

— Thank you, 1 am well... Просто сон плохой приснился, — пояснил он Толстяку, недоуменно наблюдающему за сценой.

Стюардесса отошла, Толстяк опять принялся за процесс поглощения первой-классной пищи. Маковскому сон аппетита не прибавил, и он уставился в окно, погружившись в собственные думы. Он думал о себе, о своей жизни — с самого детства, проведенного в Харбине, в семье врача — беженца, который был, на самом деле сотрудником ВЧК-ОГПУ и участвовал в выявлении антисоветского подполья. В Россию Филипп попал уже взрослым, когда отец решил, что пора ему на пенсию... Учился в институте иностранных языков, потом еще в одном — для будущих разведчиков. Работал на таможне, потом со спецзаданием был отправлен в Америку... А потом СССР развалился, и о нем позабыли... Пришлось налаживать свою жизнь в Америке по собственному усмотрению. И все вроде неплохо складывалось — но потом умер сын, и с тех пор Филипп жил только одним — желанием отомстить этим негодьям, подсадившим его мальчика на наркотики. Он не раз обращался в свою бывшую службу, но там было не до того... Обращался и к американцам. В конце-концов, отчаявшись, придумал план — выдумал новое вещество, якобы сильнее всех существующих наркотиков, и позаботился о том, чтобы «утка» дошла до бандитов. Эх, жалко ту милую девушку, Аманду, но кто же знал, что они решат сразу же ее убрать...

А потом все вырвалось из-под контроля, оказалось, что старый друг Штейман и вправду выдумал нечто подобное, и Маковский запутался окончательно... Его жизнь, наверное, уже не спасти, теперь лишь бы, как Штейман сказал, человечество не погубить...

Самолет плавно пошел на посадку. Этот почти двадцатичасовой перелет показался Филу самым коротким в его жизни...

Как пассажиры первого класса, они вышли раньше всех. У паспортного контроля никого еще не было, у таможенных стоек — тоже. Сердце Фила подпрыгнуло — за одной из стоек сидела Наташа. Вид у нее был осунувшийся и удрученный. Маковский кинулся к ней.

— Наташа! Как хорошо, что ты здесь.

Она подняла на него глаза. В них моментально застыл холод.

— Ваши документы, — официально сказала она.

Фил сунул ей паспорт и декларации, зашептал умоляюще:

— Прошу тебя, под любым предлогом задержи меня...

Она не ответила, без особого рвения проверила багаж, поставила на декларации таможенную отметку. Протянула документы назад:

— Нет причины вас задерживать.

Умолять было бессмысленно. Не помогла даже пачка не задекларированных долларов, извлеченная из кармана.

— Вот у меня тринадцать тысяч долларов. Пересчитайте.

Доллары рассыпались по стойке. Наташа их собрала, не считая, сунула Филу обратно в руки. Он как бы случайно уронил их на пол, нагнулся, долго собирал, потом поднялся и вопросительно посмотрел на нее и на своих стоящих в толпе «конвоиров».

— Не задерживайте, гражданин, проходите... — она отвернулась и занялась следующими клиентами. — пожилой супружеской парой, ошарашенно взира-

ющей на то, что творилось перед их глазами.

Фил обреченно миновал зону таможенного контроля. Толстяк и остальные его уже ждали.

— С приездом, дорогой вы наш «пассажир», — Толстый улыбнулся, словно радушный хозяин дорогому гостю.

К охраннику, сопровождавшему босса в Америку, присоединился еще один, поджидающий в зале.

— Ну, вот мы все и в сборе, — удовлетворенно отметил босс. — Пора!

— Пассажир Филипп Маковский, прибывший рейсом 902 из Сан-Франциско, вас ожидают у пункта проката автомобилей, — раздалось из динамика.

Филипп вздрогнул.

— Быстрее, — занервничал Толстяк. — Пошли отсюда!

Вся компания направилась к выходу, продираясь сквозь плотное кольцо шоферюг, быстро окруживших потенциальных клиентов.

— Такси нужно? Машину? Куда вам? — неслось со всех сторон.

Охранникам приходилось расталкивать настырных водил, но те не сдавались. В какой-то момент им даже удалось оттеснить Толстяка в сторону, и тут раздалась короткая команда.

Охранники мгновенно оказались лежащими на полу, с завернутыми за спину руками, а на руках Толстого и Фила защелкнулись наручники. Индус рванулся в сторону, и ему даже удалось достаточно далеко отбежать, прежде чем его схватили. Несколько «шоферов» вытащили пистолеты, но, слава богу, удалось обойтись без стрельбы. Его тоже скрутили, отобрали рюкзак, перерыли вещи и достали металлический контейнер...

Бедные посетители аэропорта шарахались от происходящего, а некоторые, особо любопытные, наоборот, норовили подойти поближе.

Раздался сигнал переносной рации.

— Слушаю! — ответил тот, кто был, по-видимому, командиром.

— Есть, товарищ генерал!

Он подошел к Филу и снял с него наручники.

Толстого с охранниками поволокли в машину, туда же запихали Индуса, кричащего, что контейнер ему подбросили...

— А что со мной? — спросил Фил «шофера» с рацией. Тот пожал плечами, загрузился в машину вместе со всей группой и отчалил в неизвестном направлении.

— Ну поздравляю, полковник! — раздался у Маковского над ухом недовольный голос. Он обернулся. Рядом стоял генерал Соколов, неприметный в своем сером костюме брежневского покроя. Маковский уставился на него с удивлением, и они долго смотрели друг на друга.

Потом Соколов порылся в кармане и протянул Филу металлическую фляжку.

— Водка?

— Виски, — улыбнулся Соколов.

Фил флягу взял, отпил глоток, смакуя вкус, и они с Соколовым медленно двинулись вдоль летного поля. Но не успели пройти и нескольких шагов, как на пути их встретил тот самый человек, который беседовал со стюардессой в салоне самолета. Рядом с ним находился еще один мужчина, крепкого телосложения, в черных очках и в темном костюме. Он подошел к Маковскому

вплотную, долго смотрел сквозь темные очки, потом сказал по-английски:

— Господин Маковский, в данной операции вы проявили чрезмерную самостоятельность. Поэтому в целях вашей же безопасности мы вынуждены сопроводить вас обратно. — В его тоне сквозь каменный официоз проскальзывала некоторая ирония.

Маковский с укором посмотрел на генерала, передал ему флягу, развернулся и пошел вглубь летного поля, все дальше и дальше удаляясь от глаз своих соратников по оружию, которые отняли у него последнюю надежду вернуться в Россию навсегда...

Он так и продолжал идти не оборачиваясь, и конечно не увидел, как из дверей здания аэровокзала вышла На таша и долго смотрела ему вслед, теребя в руке подаренный им когда-то медальон... На ее глазах сквозь пленку отпечатавшихся в памяти эпизодов выступили слезы... И она сама не могла понять, то ли это слезы сочувствия, а то ли той безысходности, куда ее затащила судьба.

* * *

Вместо послесловия

В процессе работы над книгой я познакомился с удивительным человеком — это индийский гуру, основатель фонда «Искусство жизни» Шри Шри Рави Шанкар. Мы встретились с ним в канун его юбилея, в Европе, на границе Франции и Германии, в удивительно красивом месте под названием Schwarzwald — «Черный лес», где отмечался его юбилей... правда, не с тем размахом, что в индийском Бангалоре. Там собралось около 300 тысяч гостей, но и сюда поздравить его съехалось огромное число духовных учеников со всего мира.

Наша встреча не была случайной. За три месяца до этого я отправил Рави Шанкару сценарий, написанный по роману, с предложением об его участии в одноименном фильме. Ознакомившись с историей «Пассажира...», он, неожиданно для меня, согласился принять предложение.

Там же позднее мне удалось поговорить с двумя молодыми парнями из Голландии, бывшими наркоманами, которые после многолетних мытарств, отчаявшись найти возможность излечиться, обратились к его опыту воздействия на такого рода зависимости. Мы отсняли их откровения, где парни рассказывали со слезами на глазах, как с помощью гуруджи (Шри Шри Рави Шанкара) им удалось избавиться от этой чумы. Вот так я оказался свидетелем искренней благодарности этих двух, уже вошедших в строй, ребят, которых спасли сила, энергетика и специальная методика, разработанная великим гуру.

Об авторе

Анатолий Бальчев, он же Анатолий Румянцев, он же Кипа...

Новое амплу легендарного Кипы-джаза

Как стремительно летит время, всюду набирает обороты новый век. Рождаются новые герои — звезды эстрады, кино, литературы, музыки. А как же быть с теми, кто завораживал миллионы поклонников еще, кажется, недавно, ну, скажем, в перестроечные годы, брежневские и хрущевские времена? Кто-то ушел в мир иной, кто-то сошел в дистанции, о ком-то просто забыли. Ведь мы все-таки во многом остались «Иванами, не помнящими родства». Жалко, обидно.

У автора этой книги счастливая, можно сказать, уникальная судьба. Композитор, поэт, певец Анатолий Бальчев — легендарный Кипа-джаз, своеобразная визитная карточка последних десятилетий XX века. Талантливый исполнитель, лейббой, руководитель музыкального ансамбля в подмосковном ресторане «Архангельское», считавшемся в свое время прибежищем светско-богемной столичной элиты. С кем он только не был знаком и с кем только не дружил! Почти десять лет Кипа проработал руководителем музыкального коллектива в заведении, расположенном среди дач генералитета и членов ЦК. На его собственную яркую программу, точно мотыльки на свет, слетались любители джаза и ночных приключений. Ведь «Архангельское» в те времена было едва ли не самым престижным рестораном ночной Москвы. Именно ночной, потому что все остальные рестораны, кроме «Интуриста», закрывались до полуночи. (Помните известную байку Михаила Светлова: «Скажите, а где ближайший бар? — В Финляндии»). «Архангельское» же гудело до самого утра, это был первый неофициальный «ночной клуб». Как только к двенадцати ночи уходил последний посетитель, развлекательное заведение закрывалось, а через некоторое время принимало только «своих». Кто же были эти «свои»? Владимир Высоцкий и Марина Влади, Белла Ахмадулина и Андрей Вознесенский, Галина Брежнева, Андрон Кончаловский и Майя Булгакова, Борис Хмельницкий и Анатолий Ромашин, Алексей Стычкин и Вадим Мильштейн, Зураб Церетели, Всеволод Бобров и вся плеяда наших великих хоккеистов: Харламов, Петров, Михайлов. Туда часто заглядывали и дети членов политбюро... И как всегда с ними сын вождя монгольского народа Слава Цеденбал... Этот поразительный воображение уникальный реестр можно продолжать и продолжать.

Именно в «Архангельском» любили устраивать проводы люди, пробившиеся через немислимые кордоны в своем желании покинуть опустылевший им СССР. «Отказники» с десятилетним стажем ожидания, продавшие и проевшие все свое имущество и проходившие потом почти голыми через таможню, гуляли здесь на оставшиеся деньги. Позже, встречаясь с Кипой в разных странах, они бросались ему на шею с возгласом: «Кипа, родной!» и вспоминали окрашенные веселой грустью предотъездные ночи.

Диву даешься, как в «Архангельском» соединялись представители взаимоисключающих сословий: артисты и расхитители народного добра, проститутки и гэбэшники, цеховики и поэты, таксисты и кремлевские принцы с принцессами. Этот паноптикум фантастичен! Нынче ничего подобного уже быть не может. Всех этих экзотических личностей объединяла атмосфера, созданная Кипой, и музыка его легендарного ансамбля.

С Толей Бальчевым я познакомился лет двадцать тому назад в Доме кино на церемонии престижной премии «Ника». Разговорились, в перерывах выходили в буфет, потом чуть ли не до утра «обмывали» победителей-призеров на гигантском фуршете.

Я понял, что мне, как журналисту, подфартило. Мы сдружились, и богемный Анатолий Бальчев стал героем моей книги о кумирах XX века. Встречались не очень часто, он все разъезжал по свету, претворяя в жизнь новые и новые свои «бредовые» культурологические проекты, связанные с музыкой, архитектурой, кино, драматургией.

Однажды после поэтического вечера в Политехническом музее, почти уже за полночь мы ломанулись в ЦДЛ. По дороге в его шикарном авто я нахально спросил друга о его встречах с Владимиром Высоцким. На что мне Анатолий ответил: «Когданибудь напишу». Правда, поведал историю, как он написал первые свои строчки: «Когда Володя умер, после похорон, то вся стена театра на Таганке, была обклеена множеством посвящений. И одно из них мне хорошо запомнилось. Начиналось оно так „Талант в России не жилец“ и т. д. Буквально через три дня меня вдруг прорвало и решил написать свое посвящение. Это мои стихи, но на музыку Володиных „Коней“. Начиналось оно со следующих строк „Он зря просил коней, чтоб медлили они... Сдержать? Но пела плеть струной гитарной.“ и т. д. А кончалось словами „...он будет петь представ перед Всевышним, а тот его забрал к себе на разговор“. Через какое-то время я был на юбилее Аркадия Вайнера, и там было много друзей Высоцкого. И когда я там исполнил эту песню, то реакция гостей была для меня сверхнеожиданной. И я тогда понял, что Всевышний мне разрешил еще и писать стихи».

Подарил мне Бальчев и сюжет, связанный с Галиной Леонидовной. Правда, нынче о ней столько понаписано, что эта тема уже приелась. Но увидеть картинку прямо из брежневско-застойной (так и хочется сказать «застольной») эпохи — любопытно.

Вот одно из его воспоминаний, записанное мной на диктофон:

«Галина Брежнева была привычным персонажем тогдашней ночной Москвы. Она по-настоящему любила кураж, возможность предстать перед посетителями зланных мест во всем своем великолепии. Бросались в глаза ее роскошные драгоценности: серьги, колье, подвески, массивные перстни. Все знали о ее бешеной страсти к „камушкам“. К нам в „Архангельское“ она приезжала ближе к ночи с людьми, близкими ей по духу и темпераменту. Богемная дружба Галины Леонидовны имела ночную привязку: ей были нужны друзья и подруги, которые поддерживали ее разговоры, разделяли привычки, потакали прихотям. О приезде Брежневой извещали телефонным звонком, и мы готовили столик для честной компании. Особый официант подсовывал „жучка“ в хлебницу „высокой“ гостыи. Но, с другой стороны, поскольку такие наезды были регулярными, ее появление в нашем ресторане стало обыденным делом. Уютный уголок с китайским фонарем для нее мы всегда держали в резерве. Выпить она любила, но пьяной я ее никогда не видел. Рассказывала анекдоты, шутила, от души веселилась. Никакой охраны, приставленной к ней, мы не замечали».

Я обязан герою моего эссе и великолепным сюжетом, связанным с Андреем Вознесенским и Аллой Пугачевой, который вошел в мою книгу о поэте «Я тебя

никогда не забуду». Не буду здесь его пересказывать, но замечу, что он повествует о том, как композитору и поэту Анатолию Бальчеву пришла идея написать песню на стихи Андрея Андреевича «Реквием». С этой песни много лет начиналась популярная телепередача «Человек. Земля. Вселенная», которую вел космонавт Виталий Севастьянов.

Песни на стихи Вознесенского «Человек надел трусы» и «Подайте искристого к баранине» сейчас войдут в новый альбом А. Бальчева.

Однажды у Кипы приключился забавный эпизод с Аллой Пугачевой. У Андрея Вознесенского есть строчки:

*«Идиотов бы поубрать вдвойне
И в твоей стране, и в моей стране...»*

Анатолий написал музыку к стихам и предложил эту песню Алле. Певица приехала к нему. Выпили немного шампанского. Послушала песню и стала читать внимательно текст. И вдруг говорит: «Слушай, давай вот здесь изменим слова, пусть будет так: Но спокойно спят, хоть живут в говне, и в твоей стране, и в моей стране». И зачеркнула куплет, вписав свой вариант. «Алла, как можно менять текст при живом поэте?». Она в ответ с иронией: «Думаю, что нельзя... Искренне сожалею... а вообще так было бы точнее».

Не раз я говорил другу, чтобы он садился за мемуары, ведь его жизнь — это калейдоскоп поразительных историй, дружбы с самыми яркими личностями ушедшей эпохи. Но он все откладывает, забрасывая свою роскошную мастерскую рядом с английским посольством, и гуляет по свету: Париж, Нью-Йорк, Рим, Вена... Мне рассказывал один свидетель популярности Анатолия: «Идем с ним по Монако, и ты не поверишь — то и дело раздаются возгласы „Кого мы видим! Ты что, Толя, прописался в этой маленькой стране? Уж не заболел ли ты казино?“

Рулеткой, как я, Кипа не заболел, знаю точно. Еще пять лет назад, когда у нас на каждом шагу светились огни игральных притонов, я как-то позвал его поразвлечься. Ответ Анатолия придал вес его принципам: «Феликс! Я лучше эту ночь потрачу на женщин, в противном случае „рука к перу. Перо к бумаге“, если меня никто из дамочек не подберёт. У меня в „загашнике“ лежит история, которая постепенно превращается в роман».

Совсем недавно я прочёл его сценарии «Зима в Калифорнии» и «Парад-алле», также несколько воспоминаний о Москве 70-х годов для будущего романа. И мне показалось, что в этом уже живет литература.

А сейчас я рад представить читателю новое амплуа Анатолия Бальчева — увлекательный роман «Пассажир из Сан-Франциско». Бросайте все земные дела и окунайтесь в вечность!

Феликс Медведев

АНАТОЛ

The New York Public Library

3 3333 40000 2107

www.nypl.org

«Пассажир» из Сан-Франциско

У автора этой книги счастливая, можно сказать, уникальная судьба. Композитор, поэт, певец Анатолий Бальчев – легендарный Кипа-джаз, своеобразная визитная карточка последних десятилетий XX века. Руководитель музыкального ансамбля в подмосковном ресторане «Архангельское», считавшемся в свое время прибежищем светско-богемной столичной элиты, с кем он только не был знаком! Владимир Высоцкий и Марина Влади, Белла Ахмадулина и Андрей Вознесенский, Галина Брежнева и Слава Цеденбал... Артисты и гэбэшники, цеховики и поэты, таксисты и кремлевские принцы с принцессами, расхитители народного добра и проститутки. Этот паноптикум фантастичен! Именно отсюда, да еще из бесчисленных зарубежных поездок – прекрасное знание разных социальных типов и сюжеты его киносценариев.

Роман «„Пассажир“ из Сан-Франциско» – новое амплуа Анатолия Бальчева.

Желание отомстить за погибшего сына – именно это чувство движет героем детектива Филиппом Маковским, бывшим советским разведчиком и таможенником, а ныне гражданином США, затеявшим опасную игру с наркомафией.

ISBN 978-5-373-06009-7

9 785373 060097

www.olmamedia.ru

\$13

06-DMP-566